

САЛЕХАРД

ИГАРКА

НИЖНЕВАРТОВСК

ТОБОЛЬСК

КОЛПАШЕВО

ОМСК

НОВОСИБИРСК

БАРНАУЛ

ГОРНОАЛТАЙСК

Обь

Таз

Мертва

Пур

орога

Обь

Вах

Енисей

Тавда

Конда

Кеть

Чулым

Тара

Омь

Енисей

22

2

43

25

30

28

33

50

42

45

46

35

29

31

40

25

36

44

27

32

24

39

31

38

34

33

34

35

29

31

40

25

36

20

14

41

15

12

17

21

16

48

46

49

22

2

43

25

30

28

33

50

42

45

46

35

29

31

40

25

36

44

27

32

24

39

31

38

34

33

34

35

29

31

40

25

36

20

14

41

15

12

17

21

16

48

46

49

22

2

43

25

30

28

33

50

42

45

46

35

29

31

40

25

36

44

27

32

24

39

31

38

34

33

34

35

29

31

40

25

36

20

14

41

15

12

17

21

16

48

46

49

22

2

43

25

30

28

33

50

42

45

46

35

29

31

40

25

36

44

27

32

24

39

31

38

34

33

34

35

29

31

40

25

36

20

14

41

15

12

17

21

16

48

46

49

22

2

43

25

30

28

33

50

42

45

46

35

29

31

40

25

36

44

27

32

24

39

31

38

34

33

34

35

29

31

40

25

36

20

14

41

15

12

17

21

16

48

46

49

22

2

43

25

30

28

33

50

42

45

46

35

29

31

40

25

36

44

27

32

24

39

31

38

34

33

34

35

29

31

40

25

36

20

14

41

15

12

17

21

16

48

46

49

22

2

43

25

30

28

33

50

42

45

46

35

29

31

40

25

36

44

27

32

24

39

31

38

Раскрытые лагеря Западной Сибири

1. Алтай — лагерь на границе Омской обл. и Казахской ССР.
2. Асино, поселок — Томско-Асинское управление лагерей.
3. Березово — лагерь. (Кемеровская обл? Низовья Оби, около 64-й параллели?)
4. Омск — лагерь, примерно в 5 км вверх по Иртышу от Омска.
5. Омлаг — управление лагерей.
6. Салехард, поселок — лагерь.
7. Стройка 501 — нестроенная жел. дор. Салехард — Игарка.
8. Тавада — лагерь, предназначен для лесоповала и сплава.
9. Тайга — лагерь, Кемеровская обл.
10. Тобольск — лагерь, политический изолятор.
11. Тура — лагерь. (Нижняя Тунгуска? Свердловская обл.— Богословлаг?)
  - 11а. Тюмень — лагерь.
12. Дзержинский, поселок — лагерь, Искитимский район, Новосибирская обл.
13. Колпашево, поселок — лагерь, места расстрелов.
14. Колывань, поселок — женский лагерь.
15. Кривошековские лагеря № 5, 6, 7 — использовались для строительства левобережной части Новосибирска.
16. Куэта — пересыльный пункт, примерно в 5 км западнее окраины Барнаула.
17. Ложок, поселок — отдельный лагерный пункт (ОЛП) № 4, на окраине Искитима, Новосибирская обл.
18. Нарым — место ссылки кулаков Западной Сибири, 1930—1933 гг.
19. Остров — на р. Оби около пос. Александровского. Местные жители называют его «островом смерти». Весной 1933 г. сюда было завезено около 7 тыс. чел., большинство из которых погибли.
20. Пихтовка, поселок — лагерь на севере Новосибирской обл.
21. Саллаг — лагерь на окраине Искитима, Новосибирская обл.
22. Томсклаг — лагерь жен врагов народа.
23. Бекет — лагерь, Кемеровская обл.
24. Воскресенка — лагерь, Кемеровская обл.
25. Горношорские лагеря — строительство жел. дор. до ст. Таштагол Кемеровской обл.
26. Кемерлаг — использовался на строительстве химкомбината.
27. Кольгон — лагерь-высел, Кемеровская обл., заключенные работали без конвоя — «расконвойка».
28. Котовский — женский лагерь, совместное содержание политических и уголовников. Кемеровская обл.
29. Кузнецклаг — использовался для строительства металлургического комбината в г. Сталинске (Новокузнецк).

30. Майск-1, Майск-2 — лагеря, Кемеровская обл.
31. Мариниск — сибирское управление лагерей особого назначения — СИБУЛОН. Здесь был лагерь для инвалидов.
32. Новоивановка — лагерь, Кемеровская обл.
33. Новый свет — лагерь, Кемеровская обл.
34. Прокопьевск — места расстрелов.
35. Сосновка — места расстрелов, Кемеровская обл.
36. Спасск, поселок — лагерь золоторудного прииска, Кемеровская обл.
37. Сталинск (Новокузнецк) — лагерь.
38. Тисуль, поселок — места расстрелов, Кемеровская обл.
39. Чумай — места расстрелов, Кемеровская обл.
40. Южжубаслаг — управление лагерей в Сталинске (Новокузнецк).
  41. Юрга — пересыльный лагерь, места расстрелов.
  42. Ягуновка, поселок — места расстрелов, Кемеровская обл.
  43. Яя — женский лагерь, Кемеровская обл., использовался на песозаготовительных работах, существовал уже в 1931 г.
  44. Яялаг — управление лагерей.
  45. Аламбай, поселок — лагерь, Алтайский край.
  46. Боровлянка (или Сосновка), поселок — лагерь, Алтайский край.
  47. Кзыл-Озек — пересыльный лагерь, размещался в бывшем женском монастыре в Горно-Алтайске.
  48. Письяново, поселок — лагерь, Алтайский край.
  49. Сектелет — лагерь на р. Белой, Алтайский край.
  50. Чудиновка, поселок — лагерь, Новосибирская обл., образован еще в 1931—1933 гг.

Историко-
публицистический
альманах

Возвращение ПАМЯТИ

НОВОСИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1991

Составитель
кандидат исторических наук
И. В. ПАВЛОВА.

Карту сталинских лагерей Западной Сибири составил
инженер-геодезист В. Н. КОМИССАРОВ.

*Бумагу на издание альманаха предоставил
Новосибирский союз журналистов*

Возвращение памяти.

Историко-публицистический альманах. — Новоси-
бирск: Новосибирское книжное издательство, 1991.
296 с., ил.

ISBN 5—7620—0399—X

Нравственная задача новосибирского отделения общества «Мемориал» — вспомнить и назвать имена всех жертв сталинского террора. Первый выпуск альманаха включает научно-публицистические статьи по истории Сибири, воспоминания репрессированных и их родственников, документы, фотографии тех страшных лет.

020901—52 5—91
3(03)—91

ББК 84 P7-4

5—7620—0399—X

© Новосибирское книжное издательство, 1991.

ПОКАЯНИЕ И НЕНАСИЛИЕ

В нашей сегодняшней бурной общественной жизни, когда идет стремительная политизация населения, одна за другой оформляются новые партии и общественные организации и, как снежный ком, нарастают все новые и новые социально-экономические проблемы, как-то затерялся голос Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». Вначале, когда людям только открывалась правда о преступлениях сталинщины, идея Мемориала привлекла к себе широкие массы сочувствующих. Я помню вечер памяти жертв сталинизма, состоявшийся 1 декабря 1988 г. в большом зале Дома ученых Новосибирского академгородка. Зал на тысячу мест был полон, люди стояли в проходах. Необычайное единение охватило присутствующих, когда была объявлена скорбная минута молчания. Вспоминается и первая учредительная конференция Новосибирского общества «Мемориал» 15 апреля 1989 г., на которую собрались разные по настроению и мыслям люди — от бывших репрессированных до молодых людей из «Демократического союза». Но их всех объединила тогда идея Мемориала.

Прошел ровно год, и на научно-публицистической конференции «Великий перелом в человеческом измерении» в малом зале Дома ученых 9 декабря 1989 г. собралось лишь несколько десятков человек, на вторую конференцию Новосибирского общества «Мемориал» 15 апреля 1990 г. — 53 человека. Но, пожалуй, самое сильное впечатление произвел зал Дома ученых во время благотворительного концерта в фонд «Мемориала» 16 мая 1990 г. В нем было всего 50 человек...

Что же произошло? Почему оказалось, что сегодня «Мемориал» нужен только репрессированным и их родственникам, да горстке энтузиастов. И такое положение характерно не только для Новосибирска. Оно типично в целом по стране. Каковы же место и роль «Мемориала» в нашем обществе? И готово ли общество к тому, чтобы воспринять идею Мемориала? Все эти вопросы далеко не праздные. Они прямо связаны с раздирающими сегодня общество проблемами. Попытаемся дать на них ответ. Но сначала немного истории.

Идея Мемориала возникла в годы оттепели после известногоклада Хрущева на XX съезде КПСС. Вспомним, как тогда стался вопрос — предлагалось «увековечить память видных деятелей партии и государства, которые стали жертвами необоснованных репрессий в период культа личности». Но тогда вопрос и в кой постановке не был решен.

Лишь в 1987 г. почти одновременно с созданием Комиссии литбюро ЦК, которая начала прерванную в середине 60-х гг. работу по изучению материалов, связанных с репрессиями, вновь возникла, вернее возродилась, идея Мемориала, теперь уже не только как памятника, но и как неформальной организации.

По стране движение за создание «Мемориала» стало разворачиваться в 1988 г. На XIX Всесоюзной партийной конференции, устоя почти 27 лет, вновь была высказана мысль о памятнике, теперь уже всем жертвам сталинских репрессий. В конце января 1989 г. прошла учредительная конференция «Мемориала» к всесоюзного общества, которое, к слову сказать, до сих пор официально не зарегистрировано. В 164 городах оформились местные общества «Мемориал». Одно из них существует в Новосибирске. Хотя каждое общество имеет свой устав, цели и задачи их схожи. Общество «Мемориал», как записано, к примеру, в новосибирском уставе, объединяет граждан, «отвергающих политическое насилие и убежденных в недопустимости забвения страшных уроков репрессий и террора сталинизма, их мучеников-жертв и считающих необходимым воплотить свои убеждения и свою сопричастность этой народной трагедии путем создания особого места для поклонения жертвам и покаяния виновных или виновных злодеяний сталинизма — Мемориала, включающего в себя, помимо памятника жертвам, информационно-исследовательский и просветительский центр с общедоступным архивом, музеем и библиотекой».

«Мемориал» не ограничивает свою деятельность по сбору и изучению материалов, связанных с репрессиями, хронологически в рамках 30—40—50-х гг. У многих в этом отношении сложилось неверное представление о целях и задачах «Мемориала». Члены этого общества, что хотелось бы особо подчеркнуть, выступают против всех политических репрессий, против политического насилия вообще. Отрицание политического насилия является той основой, от которой начинается превращение «Мемориала» из организации в общественно-политическое движение. Пока в нашей стране «Мемориал» существует только в виде неформальной общественной организации. Надо признать, что и не все члены общества осознали эти глобальные задачи Мемориала как общественно-политического движения. Многие, в том числе и бывшие репрессированные, готовы вести работу по разоблачению сталин-

ских репрессий 30—40—50-х гг., но не вмешиваться, как они говорят, в большую политику. Уже сам факт свидетельствует о том, как далеко еще наше общество от решения задач Мемориала — общественно-политического движения. Эти задачи намного шире, чем задачи «Мемориала» — неформальной организации. Это не только установление памятников в местах массовых расстрелов и захоронений, а также на месте бывших лагерей. Это не только сбор материалов о преступлениях сталинщины и помощь оставшимся в живых репрессированным и их родственникам. Это не только воспитание граждан в духе осуждения сталинизма. Цель Мемориала как общественно-политического движения — освобождение общества от политического насилия.

В мире нет и не было движений, подобных нашему Мемориалу, потому что ни одна страна не пережила за такой короткий срок столько насилия в своей истории, как наша.

Насилие в российском обществе было всегда. Это чисто наше явление, которое в особенно явном виде существует в России с XVI века, с момента установления власти самодержавия — государства-хозяина в своей собственной стране. Но с 1917 г. насилие в России приобрело новое качество. Оно стало основным средством решения социальных проблем. Сначала это было насилие против враждебных классов. Троцкий признался в 1927 г.: «Насилие может играть огромную революционную роль. Но при одном условии: если оно подчинено правильной классовой политике. Насилие большевиков над буржуазией, над меньшевиками, над эсерами дало — при определенных исторических условиях — гигантские результаты». Но очень скоро это насилие над классовым противником превратилось в насилие против оппозиционно настроенных членов самой большевистской партии. И как бы страстно ни писал Троцкий в 20-е годы о коренной ошибке руководящей фракции во главе со Сталиным, думающей, что при помощи насилия можно достигнуть всего, насилие нарастало неотвратимо. В конце концов оно стало универсальным, превратившись в насилие против собственного народа. Где, в какой другой стране пролилось такое море крови, где, в какой другой стране было заплачено миллионами человеческих жизней за установление нового общественного порядка! Как никакая другая, наша страна за короткий срок — немногим более семи десятилетий — пережила величайшие потрясения — гражданскую войну, коллективизацию, голод 1921 г., 1932—1933 гг., 1947 г., Великую Отечественную войну, массовую депортацию народов с родных мест, архипелаг ГУЛАГ. И та критическая черта, у которой оказалась страна сегодня, со всей очевидностью показала, что путем насилия невозможно решить никакие социально-экономические проблемы, что этот путь ведет только в исторический тупик, из которого мы до

сих пор даже не знаем, как выбраться. Самый трагичный результат всех этих преобразований — советский человек, все наше люмпенизированное общество, зараженное ядом насилия. Здесь речь идет не о росте преступности, а о том, что в нашей стране люди в подавляющем большинстве не представляют себе иного способа решения социальных проблем, как путем насилия.

Революция, ожесточенная гражданская война, последующее развитие советского общества, через всю историю которого проходит перманентный поиск внутреннего врага, виновного в бедах и неудачах страны, привели к тому, что слово «расстрелять» люди произносят, не задумываясь, оно не повергает их в отчаяние. Это слово произносится именно тогда, когда речь заходит о борьбе с тем или иным, по их представлениям, негативным явлением. Причем произносят это слово люди, находящиеся на разных ступенях социальной лестницы и на разных уровнях образованности — от простой работницы до доктора наук.

Сегодня общество много узнало о преступлениях сталинщины, но этот трагический опыт и наша настоящая жизнь находятся как бы в разных плоскостях. Пройденный исторический путь пока ничему не научил общество. Казалось бы, в этой стране, истерзанной, уставшей от насилия, нетерпимости, должно было наступить насыщение, после которого новое насилие становится невозможным. Но, к сожалению, все повторяется на новом уровне. Сегодня на окраинах страны врагами оказались люди других национальностей, в самой России часть общества видит врагов в евреях и масонах, возлагая на них всю вину за происшедшее, другая часть — в партаппаратчиках и т. д. На митингах со всей страстью произносятся речи, направленные против определенного врага. Нынешние демократы при всем благородстве их целей и устремлений в своих действиях в большинстве своем остаются ленинцами, плоть от плоти людьми, воспитанными на насилии. Поэтому, яростно выступая против Ленина, они не предлагают других методов решения наших сегодняшних проблем, чем те, которыми руководствовались большевики, призывая к свержению существовавшего правительства. Такие настроения далеко не изжиты и в самом обществе «Мемориал». К примеру, сегодня, говоря о Колпашевской трагедии, случившейся в 1979 г., когда размыло крутой берег реки и в результате обнаружилось остатки массового захоронения 30-х гг., многие члены общества возлагают вину на конкретного человека — Е. К. Лигачева, бывшего в то время первым секретарем Томского обкома КПСС. Никто не снимает с него ответственности за происшедшее. Но хочется задать вопрос: «А где же были другие руководители? Что думали непосредственные исполнители? Где в конце концов были люди — свидетели творившегося надругательства над трупами людей, уже ставших од-

нажды жертвами репрессий? Почему все молчали?» Ведь это было не 30-е годы, а конец 70-х, когда уже не существовало прямой угрозы быть репрессированными.

И вот здесь я подхожу к самой сложной для нашего общества проблеме всеобщего покаяния. Без этого общество не сможет перейти к своему новому состоянию, где не будет места насилию. Надо признать, что самый перестроечный фильм «Покаяние» Т. Абуладзе оказался непонятым. Не понята его основная идея — в том, что произошло в нашей стране, виноваты не какие-то оккупанты, творившие беззакония на чужой для них земле. В том, что произошло, виноваты мы сами. Эта вина разной степени тяжести: одна — вина руководства страны, другая — вина активных исполнителей, а третья — это вина народа, принявшего новый режим и участвовавшего в его действиях. Маркс, которому тоже сегодня досталось за наши проблемы, в свое время писал: «Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие». Эти слова относятся и к нам.

Простое решение вопроса — возложить вину за Октябрьскую революцию только на Ленина и большевиков. Но историческая действительность гораздо сложнее простых схем, и историки еще долго будут биться над одной из самых трудных ее загадок — почему Россия в 1917 г. приняла ленинизм, который предполагал насилие в качестве основного средства решения социальных проблем? Почему Россия пошла за Лениным и большевиками, почему огромная масса населения повернулась своею «азиатской рожей», т. е. оказалась способной на насилие? Простое решение вопроса — возложить ответственность и за коллективизацию только на Сталина и его окружение. А где же была партия, под руководством которой вершилась коллективизация во всех уголках необъятной России? Вот почему так трудно разграничить правых и виноватых, палачей и жертв в нашей советской истории. Очень остро встал этот вопрос и на учредительной конференции всесоюзного общества «Мемориал» в январе 1989 г. Тогда конференция приняла мудрое решение признать массовые незаконные репрессии преступлением против человечности и провести общественный суд над Сталиным и его подручными в интересах гуманности и милосердия, отказавшись от уголовного преследования живых.

Сегодня взгляд на нашу историю стал гораздо объемнее, чем в период хрущевской оттепели, когда деятели партии и государства однозначно рассматривались только как жертвы культа личности Сталина. Сегодня уже достаточно ясно, что такой подход далек от реальной действительности, но от этого не становится легче. Как, например, относиться к М. Н. Тухачевскому, расстрелянному 12 июня 1937 г., и к Тухачевскому, жестоко подавившему Тамбов-

ское восстание крестьян в 1921 г.? К Р. И. Эйхе, расстрелянному 4 февраля 1940 г. после невероятных мучений, когда ему во время пыток сломали позвоночник, и к Эйхе, инициативному исполнителю всех директив Сталина в Сибири? И даже к М. Н. Рютину, который широко известен сегодня как человек, решительно выступивший в 1932 г. против Сталина и возглавлявшегося им режима. Можно ли однозначно говорить о нем как о герое, зная о том, как активно он боролся в 20-е гг. с троцкистами, будучи секретарем Краснопресненского райкома г. Москвы, и таким образом внес свой вклад в победу сталинской фракционной группы в партии и становление сталинизма? Все сплелось в нашей истории в жестокий кровавый клубок.

Ну, а при чем тут мы, — скажет современный читатель, — мы-то не жили во времена сталинщины. Но и Сталин умер в 1953 г. и не несет прямой ответственности за развал нашей экономики, социальной сферы, распад нашей нравственности и культуры. Признание вины не только системы, а каждого из нас за то состояние общества, к которому мы сегодня пришли, дается труднее всего. Сейчас всем кажется, что они-то уж не виноваты, что они-то уж все понимали и до 1985 года. Это тоже ложь. Вспомните себя, вспомните, какими вы были несколько лет назад, и многие ли следовали завету А. И. Солженицына «жить не по лжи», многие ли сохранили свое человеческое достоинство? Такое признание и будет покаянием.

Трагедия нашего народа состоит в том, что террор и страх, стремительное падение цены человеческой жизни, начавшееся с 1917 г., с одной стороны, а с другой — каждодневный разрыв между словом и делом, безудержное славословие и ложь изменили природу человека, сделали его безынициативным и, как очень верно отметил историк М. Я. Гефтер, «лишенным ответственности за происходящее в стране, лишенным права на эту ответственность и привыкшим жить вне ее и даже сумевшим это худшее из современных лишений превратить в своего рода комфорт». Все это сделало в итоге советского человека не только жертвой, но и соучастником творившихся в стране преступлений.

Тех людей, которые действительно противостояли существующему режиму, которые сохранили свое достоинство, было немного. Они и сегодня остаются нашими нравственными ориентирами.

Это такие люди, как А. А. Ахматова, не согнувшаяся в годы сталинщины и написавшая свой «Реквием» не в 60-е годы, а в 1935—40 гг., который впервые был опубликован в нашей стране лишь в 1988 г., а до этого не пропускался простыми советскими людьми, работавшими в издательствах, отделах культуры и т. д. и т. п. Это А. И. Солженицын, в 60 — 70-е гг. писавший свой «Архипелаг ГУЛАГ», А. Д. Сахаров, не побоявшийся один выступить

против системы государственной лжи, в частности, против войны в Афганистане. Это диссиденты, получавшие в 70-е гг. обычные тогда 7 лет лагерей и 5 ссылки, в то время, как большинство советских людей спокойно жило при этом режиме и более того, многие Клеймици и Сахарова, и Солженицына, не зная их взглядов и не читая их произведений, осуждали диссидентов, не имея представления о их деятельности. Вот это наше недавнее прошлое заставляет ощущать свою собственную вину за происшедшее особенно остро. Только в таком признании каждым своей вины и покаянии в своем соучастии во лжи я вижу спасение общества и начало его пути к консолидации. Не надо строить на этот раз никаких иллюзий. Это будет долгий и трудный путь. Но только на этом пути возможно действительное созидание, возрождение того лучшего, что было в российском обществе и лучших черт нашего народа.

А пока... страна не может вырваться из замкнутого круга проблем, в который она попала в 1917 году. Снова раздаются голоса «расстрелять», «надо братья за оружие», и не только голоса — во многих регионах страны уже пролилась кровь. Сердце сжимается при взгляде на сегодняшний развал и нагнетание нового насилия. Неужели у России такая судьба, и ей не вырваться из этого круга иначе, как с помощью нового насилия, новой гражданской войны?!

Единственной основой, на которой только и может произойти консолидация нашего общества на его трудном пути к своему будущему, в котором не будет места политическому насилию, я считаю идею Мемориала. В этом смысле эта идея представляется мне спасительной для общества, но, к сожалению, далеко еще не осознанной в этом своем качестве.

Как никогда, сейчас велика роль интеллигенции. Наступил тот час, когда советская интеллигенция должна показать, действительно ли она таковой является, действительно ли понимает проблемы страны и болеет за ее судьбу. Настоящая интеллигенция должна направить свои усилия в этот критический для страны период не на выяснение групповых интересов и удовлетворение собственных амбиций, не на поиски врагов, виновных в бедах страны, а на сплочение людей на основе покаяния и ненасилия, на основе идеи Мемориала.

Как бы ни была трудна и неустойчива сегодняшняя жизнь, я верю в то, что когда-нибудь в этой стране Мемориал станет действительно общественно-политическим движением, движением всех за возрождение российского общества на основе идей ненасилия.

Путь к гражданскому обществу в нашей стране лежит через нравственные испытания историей своей страны. На этом пути потеряно уже более 30 лет и потеряно безвозвратно. Если бы этот

процесс развернулся тогда, после XX съезда! Поэтому так важно, чтобы сегодня мы были последовательными и стойкими в своих делах. Поэтому так важно сегодня сделать все возможное, чтобы не погасла та свеча, опутанная колючей проволокой, что является эмблемой «Мемориала». Не погасла от злобы, нетерпимости, нового насилия.

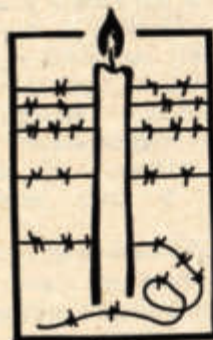
Мемориал, о котором говорится сегодня, нужен в первую очередь нам и нашим детям, чтобы они стали не «казрами», не «винтиками», не трудовыми ресурсами, не населением, с чьим мнением не считается начальство, а свободными людьми, знающими свое прошлое, ответственными за настоящее и будущее своей страны. И не кусок холодного гранита нужен нам в качестве мемориала, а правда, вся без изъятия, вся, которую добудем, не исказив и не утаив ничего.

• • •

Свой альманах мы назвали «Возвращение памяти». В нем представлены очерки и рассказы о людях, ставших жертвами репрессий, их документы и воспоминания. Это лишь малая часть материалов о нашей реальной истории, той истории, о которой мы не знали или предпочитали не знать, забыть, от которой хотели отгородиться. Основу альманаха составляют материалы, хранящиеся в архиве Новосибирского отделения Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал».

И. ПАВЛОВА

ПУБЛИЦИСТИКА

И. ПАВЛОВА

**ТРАГЕДИЯ
«СТАЛЬНЫХ» ЛЮДЕЙ**

Варвара Николаевна Яковлева в ВКП(б) с 1904 г., в разные годы кандидат в члены ЦК и секретарь Московского областного комитета РСДРП(б), председатель Петроградской ЧК, секретарь Сиббюро ЦК партии, нарком финансов РСФСР. Расстреляна в 1941 г.

Иван Никитич Смирнов — большевик с 1899 г., член ЦК в 1920 г., член Реввоенсовета республики, председатель Сибревкома, зам. председателя исполкома Петроградского Совета, нарком почт и телеграфов. Расстрелян в 1936 г.

Этих людей связало не только общее дело, но и судьба. В первые годы революции эти имена гремели, сегодня их знают единицы, главным образом историки. Как и имена других коммунистов, находившихся в разное время в оппозиции к сталинскому режиму, они старательно обходились в нашей исторической литературе. Имя Смирнова, проявившего наибольшую стойкость и последовательность в неприятии режима Сталина, фактически было вычеркнуто из нашей истории. Яковлевой «повезло» больше. Ее имя встречается в энциклопедических изданиях с неременной концовкой «отошла от троцкистской оппозиции», что на языке просталинской историографии означало: имя может быть упомянуто. Однако за исключением двух-трех небольших статей, затрагивающих в основном участие В. Н. Яковлевой в подготовке Октябрьской революции, едва ли найдется о ней что-либо еще в безбрежном море исторических сочинений.

***

В марте 1938 г. в Москве проходил процесс по делу так называемого антисоветского правотроцкистского блока. На нем были окончательно раздавлены и осуждены Бухарин, Рыков, Крестинский, Раковский и другие. Но приговор,

прозвучавший на процессе, стал приговором не только для подсудимых, но и для выступавших на нем свидетелей. Они обвиняли своих товарищей в чудовищных преступлениях — предательстве, шпионаже, заговоре против Советской власти, намерении убить Ленина, Свердлова, Сталина... Одним из свидетелей на процессе выступала Варвара Николаевна Яковлева. В начале 1918 г. она вместе с Бухариным входила в группу левых коммунистов, выступивших против заключения Брестского мира, вместе с ним и еще девятью большевиками подписала заявление в адрес ЦК партии и в знак протеста вышла из состава ВСНХ...

Давая показания против Бухарина, Яковлева свидетельствовала и против себя. Это была уже не та гордая, независимая, непреклонная Яковлева, некогда возглавлявшая Петроградскую ЧК. В последнем акте трагедии, трагедии «стальных» людей, — как назвал ее А. Кестлер*, ей была отведена роль свидетеля, а затем обвиняемой.

Сегодня уже много написано о страшной судьбе ленинской гвардии, почти полностью уничтоженной в 1930-е годы. Фабрикуя процессы и дела и расстреливая большевиков, делавших революцию, Сталин преследовал двойную цель — устранение свидетелей и участников событий, фальсифицированных в его версии истории Октября и гражданской войны, и нагнетание атмосферы подозрительности и страха, в которой только и возможен был тот невиданный размах репрессий, обрушившихся уже на все общество.

Варвара Николаевна Яковлева вступила в большевистскую партию в 1904 г. в девятнадцатилетнем возрасте. В это время она училась в Москве на Высших женских курсах, готовясь стать астрономом. Многим тогда запомнилась прехорошенькая курсистка-математичка, выделявшаяся среди слушательниц курсов своим твердым характером. Став большевиком, Варвара Николаевна сразу оказалась в гуще событий. В декабре 1905 г. она уже сражалась на баррикадах вооруженного восстания в Москве, а в следующем году была первый раз арестована. До 1910 г. таких арестов было четыре. Находясь между арестами на полулегальном положении, в 1907 г. сумела-таки закончить курсы. Некоторое время работала учительницей, занималась

* Артур Кестлер (1905—1983) род. в Будапеште, жил в Австрии, Германии и Франции. В середине 1930-х гг. предпринял большое путешествие по Центральной Азии и год прожил в Советском Союзе. Автор романа «Слепящая тьма», изданного на Западе в 1940 г., а у нас опубликованного лишь в 1988 г. в журнале «Нева» (№ 7,8).

IV Сибирская партийная конференция
(Новониколаевск, август 1921 г.).
В центре — В. Н. Яковлева, слева от нее — И. Н. Смирнов.

переводами с немецкого и французского. В это же время Варвара Николаевна стала женой известного профессора астрономии П. К. Штернберга.

Казалось, в жизни все складывается удачно, и будущее могло быть спокойным и уверенным. Она любима, увлечена работой, есть дом, родители, друзья... Но революция манила и притягивала ее неодолимо. В 1910 г. в очередной раз Варвара Николаевна была арестована и отправлена в ссылку в Нарым. Там она познакомилась с В. М. Косаревым, В. В. Куйбышевым, И. Н. Смирновым и др. Конечно же, такая бунтовщица, как Яковлева, долго не могла пребывать в бездействии.

В начале 1912 г. она бежала из ссылки. Этот отчаянный побег был организован с помощью И. Жилина, В. Куйбышева и В. Косарева, которым удалось некоторое время скрывать ее отсутствие в Нарыме. Варвара Николаевна успела перебраться за границу, но пробыла там недолго. Ее тянуло в Россию. В начале 1913 г. она возвращается и становится агентом ЦК РСДРП в Центральном промышленном районе. Сила духа, вера в правоту своего дела, пора-

зительная целеустремленность производили сильное впечатление на людей, общавшихся с В. Н. Яковлевой. Она вовлекла в революцию своего младшего брата Николая, ставшего в 1918 г. председателем Центросибири — верховного органа сибирских Советов.

Но в этом же 1913 г. Варвара Николаевна была арестована и вновь отправлена в Нарым. Снова побег, но на этот раз неудачный. Она сломала ногу, была арестована и отправлена в ссылку в Астраханскую губернию в г. Енотаевск, где почти не было политических ссыльных. Однако Варваре Николаевне удалось поддерживать связь со своими единомышленниками, находясь даже в таком изолированном положении. В этой ссылке родилась ее первая дочь.

Летом 1916 г. она возвращается в Москву и входит в состав Московского областного бюро ЦК РСДРП(б), а после Февральской революции избирается его секретарем. Фигура Яковлевой в партии столь же масштабна, как и фигуры Н. К. Крупской, И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай. Вместе с И. Арманд В. Н. Яковлева занималась выпуском журнала «Жизнь работницы». Дружила с Надеждой Константиновной, а впоследствии многие годы работала с ней в Наркомпросе. В 1917 г. Варвара Николаевна входила в тот узкий круг большевиков, которые были заняты непосредственной подготовкой социалистической революции. Не раз встречалась она с В. И. Лениным. Энергия и деловые качества создали ей авторитет в партии. На VI съезде в августе 1917 г. Яковлева избирается кандидатом в члены Центрального Комитета. 10 октября она участвует в историческом заседании ЦК, принявшем решение о вооруженном восстании. Варвара Николаевна была секретарем этого заседания. К ней стягивались все нити по подготовке восстания в Москве. Газета «Известия» в первую годовщину Октября написала, что «Варвара Николаевна — один из крупнейших организаторов восстания в Москве и области».

После победы революции она некоторое время была заместителем Дзержинского в ВЧК, затем работала в ВСНХ. «Аппарат сколачивала В. Яковлева, — писал А. Ломов (Г. И. Оппоков), — ... с утра до ночи с упрямством и энергией». С сентября 1918 г. по февраль 1919 г. Варвара Николаевна возглавляет Петроградскую ЧК, затем работает в коллегии Наркомата продовольствия. Воображение рисует Яковлеву в образе комиссара из «Оптимистической трагедии» — непреклонной, твердой рукой подписывающей приговоры тысячам людей...

В апреле 1920 г. по решению ЦК Яковлева вошла в состав Сиббюро ЦК партии. Варвара Николаевна поехала в Сибирь, с которой была связана памятью о близких людях — в январе 1920 г. во время похода 5-й Красной Армии против Колчака умер от воспаления легких ее муж П. К. Штернберг, а раньше, осенью 1918 г., от рук бело-бандитов в Олекминской тайге погиб брат Николай Николаевич Яковлев. В Сиббюро ЦК партии работали и ее товарищи по ссылке Смирнов и Косарев. Здесь Варвара Николаевна сближается с Иваном Никитичем Смирновым. Они были знакомы еще со времени Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г., затем встречались в Нарымской ссылке, откуда Смирнов также два раза бежал. Последний раз перед встречей в Сибири работали вместе в Москве, где Смирнов в Октябрьские дни также активно содействовал подготовке вооруженного восстания.

К моменту приезда Яковлевой Смирнов уже был легендарной личностью. Председатель Сибревкома, руководитель сибирских коммунистов, освободитель Сибири от Колчака. Популярность и авторитет Смирнова были огромны. Его называли сибирским Лениным, крестным отцом Сибири, а Сибревком — сибирским Совнаркомом.

Смирнов передает Варваре Николаевне все дела по Сиббюро, и она становится первым в современном смысле этого слова секретарем Сиббюро ЦК партии.

Колчак разгромлен, но Сибирь по-прежнему охвачена бандитизмом, разрушен транспорт, рабочий класс не организован... Яковлевой приходилось решать массу самых разных вопросов, и делала она это быстро, решительно и основательно. Все документы готовились самой Варварой Николаевной — в архиве сохранились черновики писем, телеграмм, постановлений, распоряжений, написанных ее рукой. Кроме этого, поездки на места, восстановление, а нередко и создание новых коммунистических ячеек. Выступая 1 августа 1920 г. на II Сибирском совещании РКП(б), И. Н. Смирнов подвел первые итоги: «Сиббюро, имевшее только одного постоянного работника (т. Яковлеву), сумело выполнить в короткий срок свои задания с большим успехом, чем это сделали прочие окраины Советской России. Это признается не только здесь, но и в центре... При непосредственном идейном участии Сиббюро РКП в Сибири в течение нескольких месяцев была собрана распыленная при Колчаке рабочая сила рудников, каменноугольных копей, окончательно налажен транспорт, причем восстановлено на Сибирской магистрали около 100 железнодорож-

ных мостов. Наконец, самое главное, в ряде крупных городов Сибири созданы коммунистические Советы рабочих и крестьянских депутатов. В результате неутомимой деятельности Сиббюро в Сибири в короткий срок из ничего создана самая мощная коммунистическая армия, насчитывающая около 50.000 членов». Высокая оценка, данная Смирновым работе Сиббюро во главе с Яковлевой, была в то же время оценкой деятельности самого Смирнова. так как ни один вопрос не решался без его участия.

Заслуги Смирнова и Яковлевой оценены. Смирнов вновь предложен X съезду партии для избрания в состав ЦК, а Варвару Николаевну вместе с Н. Н. Крестинским сибирская делегация на съезде рекомендовала в Оргбюро ЦК РКП(б).

Известно мнение Ленина о В. Н. Яковлевой. 20 декабря 1920 г. на Пленуме ЦК после состоявшегося накануне разговора с Варварой Николаевной и под впечатлением этого разговора Ленин обменялся записками с Каменевым. В одной он высказал мнение о том, что Яковлеву можно рекомендовать в секретари Московского комитета РКП(б), а в другой записке — что он накануне более часа беседовал с ней и вынес очень хорошее впечатление.

После разговора с Лениным Яковлеву отзывают из Сибири, и с декабря 1920 г. она возглавляла Московский комитет партии, но из Омска, где тогда размещались Сибревком и Сиббюро, одна за другой шли телеграммы с просьбой вернуть ее в Сибирь. 15 марта 1921 г. в телефонном разговоре со Смирновым К. Х. Данишевский, делегат X съезда партии, сообщил, что планируется новое назначение Яковлевой в Главтоп и что для откомандирования ее обратно в Сибирь телеграмму надо дать непосредственно Ленину.

Многочисленные просьбы возымели свое действие. В апреле 1921 г. Варвара Николаевна вернулась в Сибирь, но и в этот раз проработала здесь недолго. В начале 1920-х гг. имела широкое распространение практика перебросок членов партии из региона в регион и с должности на должность. Известные в партии коммунисты И. Н. Смирнов, И. И. Ходоровский, С. Е. Чуцкаев, М. М. Лашевич, С. В. Косиор и др. проработали в Сибири недолго, но за короткий период успели сделать главное — поставить дело. Собственно говоря, их усилиями проведены в жизнь первые мероприятия Советской власти.

19 августа В. Н. Яковлева делает последний доклад на совещании секретарей губкомов, состоявшемся во время IV

Сибирской партийной конференции. Это был доклад о красном бандитизме, с которым она незадолго до этого выступала на заседании Оргбюро ЦК. В связи с красным бандитизмом в Сибири сложилась крайне опасная ситуация, которая вела к продолжению гражданской войны. Красный бандитизм возник как негативная реакция бедняцких слоев деревни, привыкших к продрозверстке и живших за счет внутреннего перераспределения излишков продовольствия, на переход к нэпу. В него оказались вовлеченными участники партизанского движения, члены партии, низшие органы ЧК и милиции, считавшие, что Советская власть недостаточно решительно борется со своими врагами. Проявлениями красного бандитизма были самочинные расправы с зажиточными крестьянами и реквизиции хлеба.

Для того, чтобы разобраться в этой критической ситуации, требовались незаурядный политический ум, практический опыт и твердость. Яковлевой, Смирнову и другим членам Сиббюро удалось быстро разобраться в природе этого явления и принять решительные меры по его преодолению.

Через неделю после выступления Варвара Николаевна съехала в дела новому секретарю Сиббюро И. И. Ходоровскому и вернулась в Москву. В сентябре из Сибири уехал и Иван Никитич, вызванный телеграммой Молотова, в которой сообщалось о назначении его заместителем Зиновьева в исполкоме Петроградского Совета.

Смирнов работал в Петрограде недолго, с мая 1922 г. он был переведен в Главвотенпром ВСНХ, являлся членом президиума, затем председателем ВСНХ. С 1923 г. назначен наркомом почт и телеграфов. Яковлева работала сначала заведующей Главпрофобром, затем заместителем Наркомпроса.

Переломным в их судьбе стал 1923 год. Новое руководство партии в лице Зиновьева-Сталина-Каменева, которое стало складываться после первого приступа болезни Ленина 25-27 мая 1922 г., по целому ряду позиций проводило иную политическую линию. Эта линия, начавшаяся с поддержки сталинского плана автономизации, в дальнейшем выразилась в зиновьевско-сталинской политике «диктатуры партии», а также курсе на свертывание нэпа.

Результатом такой политики стало стремительное обновление партийных аппаратов от партии и как следствие этого резкое ограничение внутривластной демократии. Партийно-аппаратная система управления страной с самого начала вступила в противоречие с целями и задачами но-

вой экономической политики. Это противоречие выразилось осенью 1923 г. в «ножницах» цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами и кризисе сбыта, когда товары, несмотря на острую нужду в них в деревне, оставались на складах непроданными. В основе этого кризиса лежало стремление руководства начать индустриализацию страны за счет деревни уже в 1923 г. Валютный фонд для нее создавался за счет экспорта хлеба, скупленного у крестьян по очень низким ценам, и в условиях, ограничивающих его свободную торговлю. Однако эти попытки, как и стремление ликвидировать дефицит в государственном бюджете за счет широкой продажи водки и т. п., в 1923 г. не привели к ожидаемым результатам. Они натолкнулись на сопротивление в партии и стране.

С заявлением в адрес ЦК 15 октября 1923 г. выступили 46 большевиков, участники революции, многие из которых в свое время были членами ЦК. «Чрезвычайная серьезность положения, — говорилось в этом заявлении, — заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии. Начавшийся с конца июля этого года финансовый и хозяйственный кризис со всеми вытекающими из него политическими, в том числе внутривнутрипартийными, последствиями безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией как в области хозяйства, так и особенно в области внутривнутрипартийных отношений». В числе 46-ти большевиков, подписавших это заявление, были И. Н. Смирнов и В. Н. Яковлева. Они оба присутствовали 25-27 октября на заседаниях объединенного Пленума ЦК и ЦКК, который отверг предложенную представителями 46-ти резолюцию о расширении внутривнутрипартийной демократии, осудил выступления 46-ти и Троцкого и постановил их документы не оглашать.

Во время дискуссии, которая началась с опубликованной в «Правде» 7 ноября статьи Зиновьева «Новые задачи партии», Смирнов и Яковлева были на стороне оппозиции. Особенно активно выступал Смирнов. Дискуссия продемонстрировала полное незнание рядовыми членами партии того, что происходит в эшелоне высших партийных руководителей, и это незнание было особенно очевидным за пределами Москвы. Коммунисты обсуждали проблемы внутривнутрипартийной демократии, не зная ни писем Троцкого, ни заявления 46-ти, которые, собственно, и дали толчок этой дискуссии.

Победила линия ЦК. Подобранные аппаратом делегаты XIII Всесоюзной партийной конференции поддержали решение, сформулированное Сталиным в докладе о партийном строительстве, осудить выступление Троцкого и 46-ти как мелкобуржуазный уклон. Делегаты поддержали также решение закрепить резолюцию «О единстве партии», что делало ее с этого времени фактически законом жизни партии, и опубликовать пункт 7 этой резолюции, дававший право совместному заседанию ЦК и ЦКК двумя третями голосов переводить из членов в кандидаты или исключать из партии любого члена ЦК в случае нарушения партийной дисциплины или допущения фракционности. Это предопределило судьбу внутривнутрипартийной демократии. Зловеще прозвучали на конференции слова Сталина: «...Некоторые товарищи фетишизируют, абсолютизируют вопрос о демократии, думая, что демократия всегда и при всяких условиях возможна... демократии развернутой, полной демократии, очевидно, не будет».

Происшедшие события оказали на И. Н. Смирнова и В. Н. Яковлеву чрезвычайно сильное влияние. Большевики, привыкшие к свободе выражения своих мнений, были поставлены перед жестоким выбором: или смириться с усиливающимся диктатом, или оказаться в оппозиции, что автоматически означало оказаться вне закона. Для таких гордых и независимых людей, как Смирнов и Яковлева, принятие этого означало бы отречение от себя. А они были известны в партии именно своим независимым поведением. Не случайно И. Н. Смирнов не был переизбран в ЦК на X съезде партии в марте 1921 г., а предложенная кандидатура В. Н. Яковлевой отклонена в ходе выборов в Оргбюро ЦК. Они оба не приняли ленинскую платформу десяти — Иван Никитич был сторонником Троцкого, а Варвара Николаевна при голосовании воздержалась. В чрезвычайно критической ситуации, возникшей в партии в связи с дискуссией о профсоюзах и обострившейся начавшимся Кронштадским мятежом, сам Ленин предпочел независимо мыслящим коммунистам — таким, как И. Н. Смирнов, Е. А. Преображенский, Л. П. Серебряков, своих послушных сторонников. Смирнов не отказался от своих убеждений и после 1923 г. и оставался верен им все последующие годы.

В 1925 г. у Варвары Николаевны и Ивана Никитича родилась дочь. Прожили они после этого вместе недолго, но, и расставшись, были неравнодушны к судьбе друг друга.

Варвара Николаевна постепенно отошла от политической деятельности. Иван Никитич по-прежнему оставался

сторонником левой оппозиции в партии. Он активно пропагандировал ее взгляды, а в мае 1927 г. подписал заявление 83-х, выступая за сплочение партийных рядов на основе ленинской политики.

В декабре 1927 г. XV съезд исключил И. Н. Смирнова из партии в числе других 75 членов троцкистской оппозиции. В 1929 г. Смирнов подавал заявление в партию и был на некоторое время восстановлен, даже назначен директором Горьковского автозавода, но затем вновь исключен и в январе 1933 г. арестован. Первоначальный приговор был 5 лет заключения в Суздальском политизоляторе... Варвара Николаевна в 1929 г. была назначена наркомом финансов РСФСР. Избиралась членом ВЦИК. В 1930 г. она выступала на XVI съезде партии. Ее выступление ничем не выделялось среди других выступлений. Как и другие, она призывала «вскрывать оппортунистические тенденции с революционной беспощадностью». Ее деятельность с этого времени согласуется с генеральной линией ЦК партии во главе со Сталиным. Внешне это была уже совсем не та Яковлева, которую знали в партии до революции и в первые годы Советской власти. А что было у нее в мыслях, нам знать не дано. К сожалению, ничего не можем сказать и о том, как она восприняла коллективизацию, что чувствовала, узнав о голоде 1932/33 гг. (а нарком финансов РСФСР не мог об этом не знать!), что думала, присутствуя на XVII съезде партии как делегат с совещательным голосом, слушая покаянные речи тех, с кем в 1917 году шла в революцию — Бухарина, Зиновьева, Каменева... Известно только, что главным в ее жизни в эти годы была работа, работа, где она также все решала быстро, основательно, по-мужски. Признанием ее заслуг стал орден Ленина, который она постоянно носила на лацкане своего неизменно-го английского костюма. Работа и редкие часы отдыха, встречи с Бухариным, Луначарским, Куйбышевым, Крупской и другими старыми большевиками. Но отдыхать Варвара Николаевна не умела и в спокойной домашней обстановке часто спешила, нервничала, срывалась...

В августе 1936 г. она узнала о расстреле Смирнова, осужденного по делу так называемого троцкистско-зиновьевского блока. С этого времени домашние часто заставляли ее сидящей неподвижно и смотрящей в одну точку. Она уже предчувствовала и свою судьбу. За ней пришли 12 сентября 1937 г. После выступления на процессе по делу Бухарина 14 мая 1938 г. последовал приговор Военной коллегии, и Варвара Николаевна была отправлена по этапу.

В 1941 г. перед самым началом войны из Орловского политизолятора одно за другим пришли пять ее писем, адресованные старшей дочери. В них боль матери за судьбу детей и очень скупые строки о себе — говорится так, будто речь идет о командировке. В этом опять проявилась прежняя гордая и независимая Варвара Николаевна. Но, к счастью, мы знаем ее последние слова, которые донесли до нас по цепочке находившиеся вместе с ней заключенные. «Это — термидор», — так оценила Варвара Николаевна происходящее.

11 сентября 1941 г., когда немцы подходили к Орлу, В. Н. Яковлева была расстреляна вместе с другими 156 заключенными Орловского политизолятора. Реабилитировали ее в 1958 г., а Смирнова спустя еще 30 лет.

***

Время многое изменило в восприятии и оценке нашей истории. Кардинальным образом изменилось отношение к Октябрю и деятельности большевиков. Все чаще звучат голоса, полностью перечеркивающие их деятельность и видящие в ней только зло.

У меня не поднимается рука писать так об этих людях. Более того, я убеждена в том, что правда не в огульном охаивании, а в попытке разобраться в мотивах и обстоятельствах действий людей, творивших нашу историю. У каждого из них к тому же была своя жизнь и своя судьба. Но их всех объединила одна трагедия. И эта трагедия большевиков была predeterminedena в самом начале их пути, когда они избрали насилие в качестве основного средства решения социальных проблем, думая, что, уничтожив враждебные классы и устранив эксплуатацию, они тем самым создадут условия для созидательного движения к светлему будущему. Этот выбор привел сначала их, а потом и всю страну, завоеванную ими, к катастрофе.

Смирнов и Яковлева были уничтожены, как и подавляющая часть других старых большевиков. Именно уничтожены. Не осталось даже могил. Хотя в последнее время стало известно о месте расстрела политзаключенных Орловской тюрьмы. Медведевский лес. Но, где именно, осталось тайной. Сталинские палачи умели замечать следы. И в этом случае не поленились предварительно выкопать деревья вместе с корнями, а после расстрела вновь посадить их на месте захоронения.

...Будем же милосердны ко всем жертвам нашей много-страдальной истории!

С. ПАПКОВ

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЭЙХЕ

Современному читателю хорошо известно имя Роберта Индриковича Эйхе — видного деятеля большевистской партии периода 20—30-х годов. В сталинской партийно-государственной иерархии тех лет этот человек занимал довольно высокое и ответственное положение. С 1929 по 1937 годы он руководил сначала общесибирской, а затем — западносибирской парторганизацией и был, по существу, главным действующим лицом в проведении политики, решительно изменившей развитие и весь традиционный уклад прежней Сибири.

Эйхе родился в 1890 г. в семье латышского батрака. По специальности рабочий-слесарь. В 1905 г. вступил в большевистскую партию и активно участвовал в революционном движении в Латвии. После Октябрьской революции находился на ответственной работе в Наркомпрод РСФСР. В 1924 г. направлен в Сибирь. В 1925—1937 гг. — председатель Сибкрайисполкома, секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). С октября 1937 г. — нарком земледелия СССР. На XIV и XV съездах партии избирался кандидатом в члены ЦК ВКП(б), на XVI и XVII съездах — членом ЦК ВКП(б), с 1935 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Награжден орденом Ленина (1935 г.). Репрессирован в 1938 г.

Писать и говорить об Эйхе всегда было очень трудно. Долгие годы представления об этой личности формировались в основном под влиянием официальных установок и находили отражение в довольно упрощенном образе большевистского руководителя — «борца за счастье народа». При этом неизменно подчеркивалось, что жизнь Эйхе трагически оборвалась в период сталинских репрессий, что само по себе давало определенные основания для противопоставления Эйхе Сталину и его преступной политике. Однако нельзя не видеть и другого. А именно того, что Эйхе представлял собой типичный образец деятеля сталинской

Сибирская делегация на XVI съезде ВКП(б) с членами Политбюро ЦК ВКП(б). 1930 г.

эпохи. Он неразрывно был связан с политикой «великого вождя» и прилагал немало сил и способностей для ее осуществления в Сибири.

Назначение Эйхе на пост руководителя огромного края произошло в тот момент, когда Сталин уже прочно закрепил свое господствующее положение в партии и благополучно изолировал основных противников. Для дальнейших действий генсеку нужны были теперь не только послушные и преданные сторонники, но, главным образом, люди, способные твердо и неукоснительно проводить его политику. Эйхе оказался вполне подходящим для этой роли.

Не будет преувеличением сказать, что руководитель сибирских коммунистов являлся непосредственным ставленником Сталина, прямым исполнителем его воли. Такое положение ко многому обязывало. С одной стороны, оно давало доверенному лицу генсека огромные, почти диктаторские полномочия и власть над людьми, но с другой стороны — требовало беспрекословного подчинения, безоглядной решимости в исполнении любых указаний вождя.

Эйхе шел за Сталиным до конца. Занимая высшую ступеньку партийно-государственной власти в Сибири, он проявлял исключительную настойчивость и даже самоотверженность в «борьбе за большевистские темпы» преобразований, в «преодолении кулацкой опасности», в «выкорчевывании примиренчества и оппортунизма», в «выявлении враждебных и вредительских элементов». Как и многие другие революционеры его поколения, он без видимых колебаний сумел переступить ту грань, которая в политике всегда отделяет решительность от жестокости, твердость — от произвола и беззакония, а непримиримое отношение к идейным противникам — от готовности истреблять инакомыслящих.

Иначе говоря, политическая карьера Р. И. Эйхе красноречиво подтверждает ту истину, что Сталину удалось вовлечь в свои кровавые эксперименты немало представителей старой большевистской гвардии и связать их общей ответственностью за страшные последствия своей политики.

Жесткая линия руководства Эйхе в Сибири стала отчетливо проявляться в конце 1929 г., с развязывания в крае массовой кампании насильственной коллективизации. Это было время перехода к совершенно новому политическому курсу, к которому страна и сама партия во многом оказались неподготовленными.

В политику решительного «наступления на кулака», в разжигание «кулацкой угрозы» втягивалось все больше и

больше партийных организаций Сибири, включая наиболее отдаленные ее регионы. Противодействие этому процессу подавлялось самым беспощадным образом, а отсутствие усердия вело к резкому осуждению. В ноябре 1929 г. уже по всему краю в ходу были лозунги: «Тот не коммунист, кто не видит кулацкой опасности, не распознает лицо классового врага». Распространялись требования «немедленного изъятия у кулаков всего товарного хлеба». Газеты стали наводняться материалами о бесчисленных «ошибках» местных партийных организаций и отдельных коммунистов в «вопросах хлебозаготовок». Устраивался суровый разнос, а затем исключались из партии те деревенские ячейки, которые «не видели расслоения в деревне», «потеряли классовую линию и чутье».

Без сомнения, Эйхе выступал одним из главных вдохновителей произвола в отношении сибирского крестьянства. В январе 1930 года на собрании новосибирского актива он призывал «сейчас же, одновременно с ликвидацией, с отобранием средств производства у кулаков», часть из них «выслать в далекие районы севера, в концентрационные лагеря», а другую часть — «использовать на работе в трудовых колониях». Если же какие-то партийные организации будут проявлять неумение или нежелание найти кулака, — указывал Эйхе, — то «виновникам этих правооппортунистических извращений не должно быть никакой пощады».

Бурная инициатива секретаря Сибкрайкома проявлялась и в другой области — при обобществлении собственности крестьян и создании коллективных хозяйств. Так же, как и в «борьбе с кулачеством», здесь уже с первых шагов были допущены серьезнейшие перегибы. По указанию крайкома местные организации стали усиленно насаждать коммуны в деревне, и в результате многие крестьяне лишились возможности вести собственное хозяйство. Весь их инвентарь оказался обобществленным. Нередки были случаи, когда принудительно обобществлялось и личное имущество сельских жителей.

Волна подобных «преувеличений» приняла такие масштабы, что даже прибывший в Сибирь представитель ЦК ВКП(б) А. И. Микоян вынужден был признать: «Насчет коммун — в Сибири много ошибок. В Московской области тоже много ошибок по части обобществления гусей, кур и проч., но такого обобществления, как в Сибири, не было. ...Сибирь побилла все рекорды».

Поворот в политике партии и государства очень болезненно отразился на деятельности местных партийных ко-

митетов и ячеек. Многие рядовые коммунисты были деморализованы. Недовольство распространилось и среди части руководителей. К лету 1930 г. настроения протеста против применяемых методов коллективизации ощущались уже повсеместно. Вскоре они захватили также главный партийный центр Сибири — крайком ВКП(б). В стенах этого учреждения обстановка заметно изменилась. В отношениях между членами крайкома появились признаки принципиальных расхождений в оценке нового политического курса. Стал назревать острый конфликт между теми, кто надеялся приостановить разгул насилия и развал экономики деревни, и теми, кто готов был наращивать темпы преобразований, не считаясь ни с какими потерями. В конечном счете разногласия в партийном центре привели к тому, что часть членов бюро крайкома объединилась в самостоятельную группу и попыталась отстранить от руководства главного сторонника жесткой политической линии — Р. И. Эйхе.

Это был своеобразный заговор против Эйхе, отчаянный протест восьми членов Сибкрайкома против своего секретаря и его методов руководства. Группу заговорщиков составили: 2-й секретарь краевого комитета ВКП(б) В. Н. Кузнецов, председатель крайисполкома И. Е. Клименко, его заместитель — Н. С. Базовский, руководители отделов крайкома В. Ю. Егер и Н. П. Крылов, председатель правления Сибуголь Я. К. Абрамов, а также руководитель Сибирской контрольной комиссии Ф. Ф. Лякуткин и председатель краевого совета профсоюзов Г. В. Баранкин.

Конфликт в крайкоме партии назревал постепенно. Его первые симптомы стали выявляться в начале 1929 г. в ходе дискуссии на IV Сибирской партконференции. Уже здесь можно было обнаружить, насколько глубоко расходится Эйхе со своими будущими оппонентами в понимании целей и методов социалистического строительства в крае. На этой конференции Эйхе выступил с резкой критикой В. Ю. Егера (в то время — секретаря Красноярского окружного комитета партии) за то, что тот осудил введение в Сибири принудительного хлебного займа и чрезвычайных мер в отношении середняков. По заявлению Эйхе указанные меры следовало безусловно одобрить и добиваться их продолжения.

Большие сомнения в правильности принудительных мер выразил и Я. К. Абрамов (Сибуголь). Он привел один из документов XV съезда ВКП(б), в котором критиковалась идея троцкистско-зиновьевского блока о принудительном изъятии хлеба у крестьян. Этим самым Абрамов указал на

значительное сходство сталинской политики с предложениями троцкистов.

На следующей партконференции, в июне 1930 г., участники будущей оппозиционной группы, пользуясь присутствием Микояна, попытались высказать свои претензии и в адрес руководства страны. Их высказывания отражали настроения тех партийных работников, которые принимали самое активное участие в массовых кампаниях в деревне. После бешеных темпов хлебозаготовок и применения насильственных мер такие работники ощущали большое физическое и моральное перенапряжение и теперь рассчитывали на некоторую передышку. Так, обращаясь к Микояну, зам. председателя крайисполкома Базовский говорил: «На Сибири лежала вся тяжесть хлебозаготовок. Мы вывозили всю страну. ...но в этом году мы говорим, если будет какая-нибудь возможность (тов. Микоян это должен учесть), нужно Сибири, западным округам, дать возможность отдохнуть». И далее Базовский откровенно отметил, что в крае сложилась весьма напряженная ситуация. Он сказал: «При других условиях мы имели бы колоссальные волнения, волынки, забастовки и т. д., а сейчас мы кормим отвратительно своих рабочих, это для всех ясно, но рабочий понимает, что эти трудности связаны с реконструктивным периодом...»

Секретарь крайкома В. Н. Кузнецов тоже обратил внимание на серьезные недостатки в политике. Он подчеркнул, что безоглядное ускорение темпов в стране и регионе ведет к прямой бесхозяйственности, ломке рациональной структуры экономики Сибири, а в некоторых случаях — к утрате элементарной хозяйственной выгоды. Особенно нетерпимое положение, отмечал Кузнецов, сложилось в сибирском маслоделии, традиционной отрасли хозяйства края. Еще недавно, говорил он, Сибирь давала 80 процентов экспорта масла СССР, а один Барабинский округ — 33 процента. Теперь же страна неоправданно вынуждена терять очень важный источник дохода. «Почему, — спрашивал Кузнецов, — сибирские молочно-животноводческие районы не имеют права требовать обеспечения этих районов хлебом и промтоварами? Почему мы обеспечиваем льняные районы, хлопковые районы промтоварами и хлебом?» И далее продолжал: «...масляные районы не поддерживаем хлебом, эти масляные районы, например, в Барабинском округе, вынуждены свое основное животноводческое хозяйство переделывать на зерновое хозяйство, вокруг болот сеять пшеницу для того, чтобы кормиться».

Подобной озабоченности, однако, не разделял главный руководитель Сибири — Р. И. Эйхе. Политические интересы первого секретаря лежали совершенно в другой сфере. Не собственные проблемы края беспокоили его, а лишь те, которые определялись в центре и вытекали из замыслов вождя. Для Эйхе превыше всего была забота о проведении в жизнь указаний «сверху», неукоснительное исполнение любой ценой распоряжений генсека. Не разочаровывать «верхи», «оправдать доверие» — вот что составляло основу его политического мышления. В определенном смысле он являлся «винтиком» в сложившейся партийно-аппаратной системе, которая основывалась на жестком подчинении нижестоящих органов вышестоящим и подавляла всякую самостоятельность.

«Для того, чтобы все были довольны,— говорил Эйхе,— пришлось бы, как некоторые думают, «помягче обходиться с народом». Но тогда краевым комитетом будет недовольна партия [читай: Сталин.— С. П.]... Поэтому и приходится не считаться с этим недовольством, а требовать от каждого партийца выполнения порученной ему работы». «Перед партийной руки по швам,— таково требование ленинской партии».

Весьма характерным для Эйхе было и его выступление на XVI съезде ВКП(б). Он увлеченно говорил о «многих и многих достижениях», о невиданных планах наращивания промышленного производства в Сибири. Он, в частности, обещал, что уже в 1932/33 хозяйственном году Кузбасс сможет давать угля «в пять раз больше, чем та программа, которая была утверждена для него на все пятилетие».

Говорил он и о состоянии сельского хозяйства в крае. Отметив значительное ухудшение дел в этой отрасли, Эйхе списал все причины такого положения на неурожай предыдущего года. Он также сказал, что многочисленные уполномоченные, которых направляли в деревню, «принесли большую пользу». В чем выразилась эта «польза», Эйхе не стал разъяснять, но тем не менее уверенно заявил, что правильность генеральной линии «доказана всей практикой нашей работы».

Главные события, связанные с конфликтом в крайкоме, стали разворачиваться в июле 1930 г., после XVI съезда ВКП(б). Возвратившись из Москвы со съезда партии, участники группы начали действовать как профессиональные конспираторы. Скрытно велись переговоры, определялся основной круг единомышленников. По инициативе Клименко и Кузнецова было составлено заявление в ЦК

ВКП(б), которое, кроме Кузнецова подписали Баранкин, Базовский, Егер и Абрамов.

В заявлении указывалось, что из-за тех методов работы, которых придерживался Эйхе, в крайкоме и его бюро создалось нетерпимое положение, что деятельность партийных органов в связи с этим осложнилась и поэтому выходом из такой ситуации должно стать смещение Эйхе с поста первого секретаря.

Обоснование главного требования — отставки Эйхе — представляло для авторов документа наиболее сложную задачу. Проблема заключалась в том, чтобы найти такие аргументы, которые были бы достаточно весомы и убедительны и в то же время не позволяли бы усомниться в приверженности генеральной линии партии самих заявителей. Исходя из этого, обвинения в адрес Эйхе свелись в основном к его личным качествам. Первому секретарю ставилось в упрек, что он не сумел сплотить партийный актив, злоупотребляет административными мерами, подменяет советский аппарат и, кроме того, в деятельность крайкома перенес методы работы государственных органов. Еще одним аргументом против Эйхе было указание на низкий уровень его теоретической подготовки.

В этом же документе называлось и имя нового возможного секретаря крайкома. Им, по мнению заявителей, мог стать И. Е. Клименко, недавний зам. наркома земледелия СССР, а в настоящий момент — председатель Сибкрайисполкома. Авторы документа подчеркивали, что «это выдвижение было хорошо принято всеми организациями, прежде всего нами».

Упоминание о «всех организациях» — весьма примечательное место в заявлении. Оно ясно указывало, что инициаторы протеста против Эйхе заранее готовили почву для замены секретаря и имели определенную поддержку в низовых партийных комитетах. Действительно, как выяснилось позднее, в намерения группы был посвящен целый ряд руководящих работников. В их числе оказались: секретарь Омского окружкома А. К. Алексеев, председатель Сибплана Я. К. Яглом и некоторые другие. Забегая вперед, отметим, что этим людям не удалось избежать расплаты за свою осведомленность. Им, как и основным заговорщикам, пришлось держать ответ по всей строгости.

После того, как заявление было подготовлено, началась самая ответственная часть реализации заговора. Теперь его судьбу предстояло решить в Центральном Комитете. Доставить письмо в ЦК и соответствующим образом припод-

нести его главным лицам группа поручила Егеру. Ему же было дано задание провести и еще одну предварительную операцию: по пути в Москву заехать в Крым, где в это время на отдыхе находилась часть членов бюро крайкома, и попытаться получить от них подписи под общим заявлением.

С этой задачей Егер справился вполне успешно. 6 августа, вечером он прибыл в санаторий и до двух часов ночи провел переговоры с Крыловым. Затем к ним присоединился Ляксуткин. Егер сумел убедить своих собеседников в том, что за отстранение Эйхе выступает фактически все бюро крайкома, включая и тех людей, подписей которых не было в заявлении. Он сказал также, что идее группы поддерживает и ряд секретарей окружкомов. В довершение ко всему Егер показал письмо Клименко к Сталину, в котором содержались примерно те же положения, что и в заявлении основной группы. Все это выглядело довольно внушительно, и поэтому после некоторых колебаний Ляксуткин и Крылов поставили свои подписи. В ходе последующего разбирательства Ляксуткин — председатель Сибирской контрольной комиссии — говорил: «Мне казалось, что наиболее безболезненным выходом из положения, когда целое бюро не может работать с одним человеком, в данном случае с т. Эйхе, является уход т. Эйхе, и я дал свою подпись».

С действиями Егера связан еще один важный эпизод заговора. Прибыв в Москву, сибирский посланец не сразу направился в высшие инстанции. Прежде чем попасть в ЦК, он встретился с председателем Совнаркома РСФСР С. И. Сырцовым, которого хорошо знал по совместной работе в Сибири. Сырцов в это время уже входил в состав Политбюро ЦК и, очевидно, мог оказать некоторую поддержку своим сибирским друзьям. Поэтому Егер проинформировал и его о готовящемся смещении Эйхе. Лишь после того, как Сырцов выразил свое одобрение этому делу, о заявлении группы стало наконец известно в Центральном Комитете.

В срочном порядке в Москву вызываются Эйхе и все основные заговорщики. В разбирательство дела включаются Сталин, Молотов, Шкирятов.

Развязка приближалась. 20 августа 1930 г. ЦК ВКП(б) выносит окончательное решение, изложенное в постановлении «О беспринципной групповщине в Сибирской парторганизации»*. В этом документе отмечалось, что в верхуш-

ке краевого комитета образовалась группа во главе с Клименко и Кузнецовым, «которая повела недопустимую, беспринципную борьбу с руководством крайкома». Все обвинения со стороны группы в отношении Эйхе оценивались как «насквозь фальшивые», а действия группы — как ведущие к «разложению партийной организации». Каждому подписавшему заявление объявлялся выговор за «непартийное поведение», а Клименко, Кузнецов, Базовский и Егер снимались также со своих постов.

Таким образом, с заговором было быстро покончено. Оставалось лишь «извлечь уроки» и показать тем, кто противился новому политическому курсу, какой их ждет конец.

По всей Сибири развернулась массовая кампания «осуждения» «беспринципной групповщины». Как обычно, в ход были пущены методы демагогии и навешивания ярлыков. Участников группы, вчера еще считавшихся верными большевиками, теперь обвиняли в «отрыве от масс», «подрыве авторитета всей Сибирской партийной организации», «нарушении единства партии». В печати и материалах, распространяемых крайкомом, выступление группы называлось «обывательским протестом против твердого большевистского руководства крайкома», «бунтом мешанской бесхребетности». Партийные ячейки выносили суровые «резюльюции возмущения» и требовали исключить из партии всех «групповщиков».

Последовали также и «организационные выводы». Сентябрьский пленум крайкома, заседавший в течение нескольких дней, вывел из своего состава протестовавших против Эйхе. А вслед за этим был смещен с занимаемых постов ряд работников из окружкома и других организаций.

Такие перестановки, однако, явились лишь началом широкой волны кадровых перетрясок в Сибирской парторганизации. Уже через два месяца после осуждения «беспринципной групповщины» выявились вдруг новые фракционные группы, — теперь уже в центре, с участием работников Москвы и центрального аппарата партии и государства. Сначала — группа Рютин, а затем — «право-левовацкий» блок Сырцова — Ломинадзе. «Разоблачение» этих «оппортунистов» имело далеко идущие последствия. Оно обнаружило, что в их среде имелось немало бывших работников Сибири, сохраняющих связи со своими прежними коллегами и старыми друзьями. Это обстоятельство

* Правда, 22 августа 1930 г.

явились причиной для проведения очередной кампании разбирательств.

Во всех партийных организациях Сибири вновь развернулась идеологическая атака на «оппортунизм всех мастей», которую сопровождали также поиски «сибирских корней» фракционной деятельности. Теперь уже и «беспринципная групповщина» представлялась в несколько ином виде. «В свете последних фактов антипартийных фракционных вылазок оппортунистов-двурушников, — говорилось в одном из официальных документов, — антипартийное выступление беспринципной группы Клименко и Кузнецова, которое имело место в Западно-Сибирской партийной организации, является одной из первых разведывательных антипартийных вылазок, рассчитанных на то, чтобы ... дезорганизовать ряды парторганизации, поколебать их единство». На основании подобных заявлений выдвигались требования «усилить бдительность» и «давать решительный отпор агентам классового врага».

В конце 1930 г. и в 1931 г. Сибирская партийная организация пережила процесс усиленного перетряхивания своего кадрового состава. Из рядов ВКП(б) исключили многих из тех, кто ранее был близок к участникам выявленных группировок, кто оказался заподозренным в «примиренческом» к ним отношении.

В ходе обновления парторганизации на место выбывших «двурушников» и «примиренцев» приходили новые кадры. Теперь уже им предстояло включиться в очередной виток сталинской политики, а затем, выполнив свою задачу, пополнить собой бесчисленные ряды «врагов народа».

ПРИМЕЧАНИЯ

На основании имеющихся доступных источников пока, к сожалению, невозможно узнать о том, как сложилась дальнейшая судьба участников так называемой «беспринципной групповщины». Поэтому приводим лишь некоторые сведения о них.

Абрамов Я. К. — 1895 г. р., в ВКП(б) с 1919 г., горный техник, председатель правления «Сибуголь», а затем «Кизелуголь» на Урале. Делегат XVI и XVII съездов партии.

Базовский Н. С. — член ВКП(б) с 1919 г., рабочий. В 1929—1930 гг. — зам. председателя Сибкрайисполкома. Делегат XV съезда ВКП(б).

Баранкин Г. В. — член партии большевиков с 1918 г., чернорабочий. В период Октябрьской революции — матрос Балтийского флота, участвовал в штурме Зимнего дворца. В Сибирь прибыл в 1925 г. по партмобилизации. Работал секретарем Вокзального райкома ВКП(б) в Новосибирске, секретарем Анжеро-Судженского РК ВКП(б), а затем — председателем краевого комитета горнорабочих. В 1929—1930 гг. — председатель Сибирского краевого совета профсоюзов.

Егер В. Ю. — 1895 г. р., член ВКП(б) с сентября 1917 г., служащий. Был партийным работником в Смоленской губернии и Красноярском ок-

руге, зав. культпропотделом Сибкрайкома ВКП(б). Делегат XIII, XV и XVI съездов партии.

Клименко И. Е. — (1891 — 1949), член ВКП(б) с 1912 г., чернорабочий. Участник революционного движения на Украине, подвергался арестам и ссылке в Нарымский край. Был председателем Одесского губисполкома, Киевского губревкома, наркомом земледелия Украины. В 1924 — 1927 гг. — секретарь ЦК КП(б) У. В 1928 — 1929 гг. — зам. наркома земледелия РСФСР, а затем — зам. наркома земледелия СССР. В 1930 г. — председатель Сибкрайисполкома. Делегат XI, XIII—XVII съездов партии, кандидат в члены ЦК ВКП(б) с XIV по XVII съезд.

Крылов Н. П. — член ВКП(б) с мая 1917 г., рабочий-пищевик. В 1930 г. — парработник, зав. отделом кадров Сибкрайкома ВКП(б). Делегат XV и XVII съездов партии.

Кузнецов В. Н. — 1896 г. р., член ВКП(б) с июня 1917 г., чернорабочий. Партийный работник в Тверской губернии и в Сибири, 2-й секретарь Сибкрайкома ВКП(б). Делегат XIII—XVI съездов партии.

Лякуткин Ф. Ф. — рабочий, член ВКП(б) с 1913 г., член ЦКК с XV по XVII съезд. Председатель Сибирской контрольной комиссии — рабочей-крестьянской инспекции. Делегат XIII—XVII съездов партии.

ЛАГЕРНАЯ ПЫЛЬ

Искитим... Заводские дымы да сельские ярмарки — вот, пожалуй, и все, чем славится ныне рабочий городок под Новосибирском. А не так уж давно, в годы процветания «архипелага ГУЛАГ», слово Искитим наводило ужас на узников лагерей от Печоры до Колымы. На окраине города в поселке Ложок располагался штрафной лагерь «Сибулон», или ОЛП-4 Сиблага. Местный житель В. А. Маркеев свидетельствует, что в 1940 году, дожидаясь своей участи в «пересылке» Магадана, он не раз слышал в разговорах заключенных: только бы не в Искитим!

ОЛП означало — отдельный лагерный пункт. Особенность этого лагпункта состояла в том, что это был, по сути, лагерь уничтожения. Заключенные работали здесь в известковых карьерах. Едкая пыль, оседавшая в легких, быстро превращала их в кровавые лохмотья. Тех, кто уже не мог махать кайлом, подстерегала голодная смерть — не вышедшим на работу пашек не полагался. М. П. Княжева, служившая во время войны в охране лагеря, вспоминает, что доходяги, еще способные двигаться, сползались к столовой и лизали пропитанный помоями снег. Бездна надежды существования разрушала в зеках все человеческое. По свидетельству бывшего заключенного И. А. Бухреева, Искитимский лагерь отличался особой жестокостью нравов. «Я видел, как озлобленные люди зверски издевались над слабыми, калечили сами себя и других», — рассказывает он.

Не имея доступа к документам, невозможно сказать, сколько всего людей перемололо в «лагерную пыль» искитимская каторга. Кто были эти люди? Кое-кому выгодно сейчас поддерживать миф о том, что в штрафном лагере содержались только особо опасные уголовники. Но эту версию опровергают даже многие служащие лагеря, не говоря уж о бывших заключенных. Тот же И. А. Бухреев и его товарищ по несчастью И. В. Щелковский, проживающие и сейчас в Искитиме, были осуждены по политической 58-й

Остатки каменной стены барака штрафного лагеря «Сибулон», или ОЛП-4 (пос. Ложок на окраине Искитима, Новосиб. обл.)

статье, оба — за неосторожные высказывания о полководческих способностях Сталина. П. М. Моргунова, работавшая в предвоенные годы секретарем Ложковского сельсовета, сообщила, что в перепись 1939 года из лагеря тоже подавались списки, и среди них один особый — без фамилий, а лишь с номерами заключенных. Чьи фамилии побоялись обнародовать палачи из НКВД?

В 1955 году лагерь был ликвидирован, но большинство из уцелевших заключенных не разъехались, а были оставлены в Искитиме на поселение. Они жили в невообразимых условиях. Л. П. Милютина, приехавшая в Искитим в 1963 году, как-то раз забрела на городскую окраину, в поселок Шипуново. Ее внимание привлек глинистый склон оврага, изрытый странными норами, к которым вели тропки и ступени. Как оказалось, там жили бывшие зеки, многие уже с семьями. Потрясенная увиденным, Людмила Петровна стала потихоньку собирать информацию об искитимских лагерях. Она не скрывает, что имела личные мотивы для такой деятельности: всю сознательную жизнь она пытается отыскать следы отца, витебского художника П. Яблокова, репрессированного в 1937 году. «Мама рассказывала, что в ночь ареста отца и я, новорожденная, была удостоена обыска — вытряхнута из пеленок», — вспоминает Людмила Петровна.

Естественно, что сразу после создания общества «Мемориал» Л. П. Милютину возглавила его искитимское отделение. Ее поддержали общественность и руководство города. Вместе с добровольными помощниками дом за домом обходит она дворы фантазмагорического города, где зачастую в соседях живут бывшие заключенные и надзиратели сталинских лагерей.

С Людмилой Петровной мы поехали по одному из адресов в поселок Ложок, где живет одинокий старик, бывший агроном подсобного хозяйства ОЛП-4 В. М. Бутченко.

По специфике своей работы агроном Бутченко, сам из бывших заключенных, имел дело, в основном, с женским отделением лагеря. В большинстве своем это были жены «врагов народа»... На утреннем разводе женщины хором умоляли агронома именно их взять на прополку. Труд считался легким, но и из огородной бригады в 30 человек трое-четверо ежедневно умирали прямо в поле...

Погибших увозили не дальше окрестных оврагов. Искитимец Соколов прислал в городскую газету письмо, где описывает случай времен войны: он, мальчишка, пас по

селковых коров и однажды в одном месте животные внезапно взбесились — заревели, стали бить копытами землю. К ужасу мальчика, под ногами коров оказались едва при-сыпанные землей трупы...

Сейчас склоны оврагов вокруг бывшего лагеря заняты участками садоводческих кооперативов. Старые карьеры затоплены, а рядом с ними торчат, как гнилые зубы, остатки чудовищных каменных стен бараков. Беспечные современные юнцы расписали их своими автографами, но кое-где проступают и старые надписи — что-то о трудовой доблести, плане... Стоит немного напрячь воображение и увидишь прежнюю картину, описанную в городской газете И. А. Бухреевым: «Лагерь состоял из нескольких зон, обнесенных высоким дощатым забором, с внешними и внутренними запретными зонами, обтянутыми колючей проволокой. Летом эти зоны постоянно боронили, не давая зарастать травой. На сторожевых вышках стояли вооруженные охранники...»

Л. П. Милютина уже не раз привозила на это место активистов «Мемориала», школьников. Впечатления от такой экскурсии самые тягостные. Это ведь особый памятник — не героям, не жертвам лютых захватчиков, а великому национальному позору. Можно понять тех людей, которые отторгают от себя тему репрессий. Но историю нельзя отменить и переделать. Ее нужно знать и делать правильные выводы. Один из них таков: никто не должен пытаться отстаивать свою правду при помощи насилия над несогласными. Дай мы волю страстям, и... кто знает, не покаты ли опять тачки с камнями сегодняшние кооператоры, «неформалы» или люди с желтыми звездами, нашитыми на одежду?

Ложь и подлость не могут торжествовать бесконечно. Лучшим подтверждением этому может служить эпизод из деятельности искитимского отделения общества «Мемориал». Л. П. Милютина организовала в городе неделю памяти жертв репрессий. В один из дней бывшие заключенные собрались в помещении историко-краеведческого музея — вспоминали, плакали, пели. Вдруг к Людмиле Петровне подошла безмерно взволнованная пожилая женщина — А. И. Клепикова. На стенде в музее она увидела фотографию давней знакомой с подписью «Активный борец за Советскую власть в нашем крае». Эта «активистка» погубила своими доносами всю большую семью А. И. Клепиковой, которая сама лишь чудом уцелела в лагерях на Колыме.

Жертвами стали и многие другие жители Искитима — простые, честные, трудолюбивые люди. По решению горкома партии фотографию доносчицы из музея убрали. Решено один из залов музея предоставить обществу «Мемориал» для постоянной экспозиции. Те, кто был безвинно растоптан и «превращен в лагерную пыль», должны вернуться к людям.

А. БРАТ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ

В Новосибирске живет Екатерина Борисовна Тарасова, дочь Ольги Петровны Красильниковой-Тарасовой и Бориса Фавстовича Тарасова, которые были активными членами эсеровской партии. На долю этой семьи выпал путь, полный страданий и унижений. История Тарасовых типична для многих семей членов эсеровской партии. Мало кто из них избежал такой же участи.

Переломным в судьбе эсеров стал 1922 год. С 8 июня по 7 августа проходил процесс над 32 активными членами эсеровской партии, материалы которого тогда широко публиковались в газетах. Одновременно с процессом началась повсеместная антиэсеровская кампания, сопровождавшаяся операциями по извлечению бывших членов эсеровской партии из учреждений, предприятий, общественных организаций. Согласно директиве ЦК РКП(б), все активные эсеры, на которых имелись какие-либо материалы, передавались революционному трибуналу, другие готовились к ссылке, остальных следовало ни в коем случае не допускать на ответственные должности в советских учреждениях и на транспорте.

Эти события непосредственно коснулись и семьи Тарасовых. Первым был арестован и отправлен на Соловки Борис Фавстович. «Папа был человек образованный, — рассказывает Екатерина Борисовна. — Закончил Московский университет, три года работал следователем в Красноярске, затем перешел в адвокатуру, а впоследствии работал юри-сконсультлом, имел частную практику. Бывал за границей, жил в Москве, вращался среди революционно настроенных людей, познакомился с эсерами. Этой партии нужен был сугубо легальный человек, чтобы открыть типографию под его именем. Папа согласился. Затем он являлся секретарем эсеровской фракции в Государственной думе. После февральской революции был выбран в земство. События после Октября 17-го перевернули всю жизнь. Папа вынужден был скрываться. Но вдруг приходит известие, что во Владивосток пришло из Америки сельхозоборудование, за-

казанное земством. А земство-то уже расформировано. Власти вспомнили о папе, он был членом управы. Что делать? Мама решается, едет к папе и все рассказывает. Он посчитал своим долгом откликнуться. Поехал во Владивосток и получил необходимые стране сельхозмашины.

В начале 20-х годов мы переехали в Читу. Как известно, там была образована Дальневосточная Республика (ДВР). В коалиционное правительство вошли представители различных партий, в том числе большевики и эсеры. Папа получил пост министра земледелия. Организовалось Дальбюро союза молодежи, туда входили, — я помню, — Исая Пульман, Жоржик Дольский (племянник Ильи Эренбурга). Мы проводили диспуты с комсомольцами. Все решилось как-то внезапно. После того, как Дальневосточная Республика прекратила свое существование, многих эсеров арестовали. На квартиру, где мы остались с мамой, пришли с обыском сотрудники ГПУ. Потом в помещении ГПУ мы получили свидание с папой. Провожали его и других арестованных эсеров на вокзал. Провожающих было много, охрана расталкивала всех прикладами. Через некоторое время пришло извещение, что папа отправлен на Соловки».

Об этом периоде пишет А. И. Солженицын: «В том состояла и первая соловецкая идея: что вот хорошее место, откуда полгода нет связи с внешним миром. Отсюда не докричишься, здесь можешь хоть и сжигаться... начальник соловецкого лагеря Эйхманс объявил: да, получена новая инструкция о режиме... с 20 декабря 1920 года запрещается круглосуточный выход из корпусов, а только в дневное время до шести вечера.

Фракции решают протестовать, из эсеров и анархистов призываются добровольцы: в первый же запретный день выйти гулять именно с шести вечера. Но у начальника Савватьевского скита Ногтева так чешутся ладони на ружейное ложе, что еще прежде назначенных шести вечера... конвоиры с винтовками входят в зону и открывают огонь по законно гуляющим. Три зала. Шесть убитых, трое тяжело раненных». (Новый мир, 1989 г., № 9, стр. 154—155).

Б. Ф. Тарасов был участником этих событий. Из его рассказов Екатерина Борисовна помнит фамилии двух убитых — Жорж Кочаровский и Лиза Чайкина. Бориса Фавстовича после этого отправляют в Верхнеуральский политизолятор, затем в ссылку в Катта-Курган и далее в Самарканд.

О. П. Красильникова-Тарасова с дочкой Катей. (Севастополь, 1906 г.).

Постепенно дошла очередь и до дочери Тарасовых. Екатерина Борисовна вспоминает: «Пришли на квартиру с обыском, нашли листовку, которую мы начали писать с подружкой, против спаивания народа — в Красноярске выпустили 40-градусную водку. Нас арестовали и отправили в ссылку. Закончилась ссылка папы, и он едет в Москву. Там его снова арестовывают и ссылают в Нарым, после Нарыма отправляют в Томск. В 1931 году без предъявления каких-либо обвинений снова арестовывают маму и отправляют в ссылку в Курск. Через год освобождают. Она едет в Москву, останавливается на квартире у своих друзей, старых политкаторжанок. Всех арестовывают и ссылают в Томск. Папа к этому времени возвращается из очередной ссылки в Самарканд. Дождались возвращения из ссылки мамы. Она приезжает утром, а вечером арестовывают папу и ссылают в Алма-Ату».

Арест следует за арестом, ссылка за ссылкой. Жизнь превратилась в сплошное ожидание ареста... И если столь тщательное наблюдение велось за одной семьей, за каждым человеком, если умудрялись фиксировать возвращение матери утром и планировать арест отца вечером, то каков же по численности был в то время штат работников ОГПУ — НКВД? Вероятно, немалый, даже в небольшом городишке он превышал весь штат сыскных III отделения царской охранки. В 30-х годах счет заключенных в лагерях шел не на тысячи, как прежде, и даже не на десятки и не на сотни тысяч — на миллионы. И каждого нужно было арестовать, провести следствие, осудить, этапировать, содержать и т. п. — для этого требовалась огромная армия «работников». Но первоначальным документом, как правило, становился донос. Сталинские «законники» придерживались правил бумажной волокиты. Сколько же было тогда доносчиков? Выходит, сталинская эпоха плодила их тоже бессчетно? Какой страшный раскол произошел в стране, и до какой невероятной степени дошло отчуждение людей!

Был свой доносчик и у Е. Б. Тарасовой — Цейтлин Майер Григорьевич. Они давно знали друг друга, общались, а вот понадобилось или потребовали соответствующие органы — и донос написан.

«Одновременно с арестами бывших участников внутрипартийных оппозиций органы НКВД провели в 1935—1937 годах массовые аресты еще сохранившихся в живых членов других партий... Многие и в середине 30-х работали в небольших городах на положении ссыльных. Поддерживая между собой дружеские связи и переписку, они не вели, однако, никакой политической, а тем более антисоветской деятельности... Были арестованы видные руководители партии левых эсеров М. А. Спиридонова, Б. Камков, И. А. Майоров, А. А. Измаилович, И. К. Каховская, один из руководителей правых эсеров А. Гоц, эсер Г. Гогоуа и другие». (Знамя, 1989, № 2, стр. 211).

Одним из таких небольших городов, о которых пишет Р. Медведев, был Самарканд. Екатерина Борисовна называет фамилии и других эсеров, проживавших здесь на положении «минусников», т. е. людей, которым запрещалось жить в столице и других крупных городах страны — это Е. М. Рытныш, бывший член ЦК эсеров, экономист госплана, Н. Н. Иванов, ученый секретарь Наркомзема. Встречалась Е. Б. Тарасова и с М. А. Спиридоновой, которую расстреляли в 1941 году.

В 1937 году семья Тарасовых наконец-то оказалась на короткое время вместе. Однако 19 августа НКВД в очередной раз арестовывает мать и дочь. Как обычно, сделали обыск, отобрали письма, фотографии, даже облигации. Екатерина Борисовна в тюрьме попросит следователя, которого она называет «порядочным», вернуть облигации ее тетке. Однако следователь «честно» сознается, что облигаций нет. Сошлется на то, что их присвоили те, кто производил арест. Кто его знает, может, и сам прикарманил. Тут другое всплывает: «законники»-то не брезговали, пользовались случаем, наживались на чьей-то беде. Бориса Фавстовича арестовывают два месяца спустя, он оставляет открытку: «Меня вызвали с вещами в НКВД». Больше ничего, никогда о его судьбе узнать не удастся. Правда, стандартный бланк «10 лет без права переписки» приходил, что означало тогда одно — смерть.

Итак, арест есть, обвинений не предъявлено. Екатерине Борисовне удается добиться встречи со следователем. Тот сразу разъясняет: «На этот раз ссылкой не отделаетесь, залепят лет 10 лагерей». Екатерина Борисовна не выдерживает: «Да за что же нас арестовывают и арестовывают?!» Следователь соглашается: «Вины за вами нет. — И поясняет: — А может, вы на примусах бомбы варили? Вот мы вас и изолируем на случай организованного вами бунта».

Из Самарканда арестованных отправляют в Ташкентскую пересылку — большая территория с бараками, огороженная колючей проволокой. Набирается 1000 человек, готовится этап. Из Ташкента по железной дороге везут на север в Архангельскую область до станции Нандян. Воистину, пути судьбы неисповедимы: 30 с небольшим лет назад О. П. Красильникова-Тарасова в Архангельской губернии отбывает свою первую ссылку, мечтая о светлом будущем, затем бежит за границу, посвящает свои лучшие годы революционной борьбе и вот теперь, в возрасте 55 лет, уже вместе с дочерью торит тот же путь в северные лагеря. Да, монархия низвергнута, другая власть, иные порядки, иные условия содержания арестованных. Именно арестованных, а не осужденных, потому что никому из этапированных не предъявлено обвинение, не было суда и приговора. «Нас высадили из поезда, — вспоминает Екатерина Борисовна, — и поместили в палатки. А уже зима, кругом лежит снег. Никто ничего не понимает. Мы только и спрашиваем друг друга: «Куда и зачем нас приволокли?» Наконец, кое-что проясняется. Оказывается, и суд был, и приговоры имеются. Возле станции избушка. В один пре-

красный день там собирается администрация, и женщин, одну за другой, начинают туда вызывать. Процедура одинакова. Чиновник спрашивает фамилию, отыскивает ее в своем списке и зачитывает приговор. Меньше восьми лет никто не получил. В отношении нас с мамой следователь оказался прав — нам залепили по десятке.

Из Нандяна затем нас пешим ходом отправляют в Каргополь. Перед этапом то ли инструкцию, то ли приказ зачитывают: за попытку к побегу расстрел на месте, вольнонаемным и охране за пресечение побега или поимку беглеца премия в 150 рублей. Шли три дня. Мама ослабла, упала в сугроб, я бросилась к ней, стала поднимать. Подбежал конвойный, стрелять не стал, но отталкивал меня прикладом. Я рвусь к маме. Наконец, охрана уступила, разрешила подвезти сани, на которые посадили маму. После Каргополя шли еще 100 км. Дошли до какого-то лагеря, окруженного болотами. Мы были здесь первыми женщинами. Своими глазами видела, как после обеда молодой человек ходил вокруг столов и слизывал крошки хлеба и капельки баланды. Чаше других от недосдания и холода умирали узбеки. Вскоре новый этап и пеший переход в 200 км. Затем по железной дороге повезли в Карелию на постройку ветки на Кандалакшу. Вдоль всей дороги стояли лагеря. Условия жизни ужасающие. Это было уже перед войной.

Мать и дочь доведены до крайнего изнеможения. «Нас гоняли за 8 км от лагеря рыть какие-то кюветы. Норма высокая, почва болотистая, снимаешь верхний слой — проступает вода. Норму не выполняли, а потому получали заниженную пайку. Даже передвигаться было тяжело. Я сказала маме, что брошусь под поезд (наша дорога из лагеря на работу и обратно пересекалась железнодорожным путем). Мама сказала, что надо подождать еще хоть недельку, если ничего не изменится, тогда бросимся вместе. Я не согласилась, боялась, что может не хватить к этому времени физических сил. Однако все обошлось, нас перевели в другой лагерь при кирпичном заводе. Там кормили лучше. Началась война, нас отправили в Коми, «105-я стройка», потом я попала на очередной этап, меня привезли на постройку дороги на Воркуту. Мужчины делали насыпь, укладывали рельсы, а мы, женщины, пилили тоненькие деревья, очищали их и этими сосенками укрепляли насыпь».

У Екатерины Борисовны разболелась нога, образовался нарыв, она не могла больше ходить и обратилась к вольнонаемной женщине-врачу. Она осмотрела ногу и сказала:

«Вы уж как-нибудь поработайте на одной ноге». Два человека, две женщины, но сколь чудовищно отчуждение между ними. Может быть, это объясняется тем, что зону и волю разделяла колючая проволока? Но не только на воле, а и в лагерях, поделив заключенных на «социально-близких» и «социально-опасных», Сталин сумел стравить людей. Е. Б. Тарасова попадает в лагерь, состоящий исключительно из бытовиков (уголовников, осужденных по бытовым статьям) и проштрафившихся НКВДэшников. Для них она, осужденная по политической статье, конечно же, враг народа.

«Меня поставили работать вместе с уголовницей. Мы выполняли норму, но т. к. лагерное начальство (учетчик и другие) было из бытовиков, уголовнице записывалось 150%, и она получала повышенную пайку, а мне — 50%, и я — пониженную: один, два раза в день болтушку и 400—500 г хлеба. Хотя работа была не очень тяжелой, я начала быстро худеть. Потом нас послали солить капусту для армии в огромных котлах. К ним подставлялись лестницы, мы туда залезали и топтали капусту ногами в резиновых сапогах. Соответственно капустой можно было и подкормиться. Я и не подозревала, что уже больна пеллагрой. Первая ее стадия — это когда на руках появляются струпья наподобие рыбьей чешуи. Слабость валила с ног, — вспоминает Екатерина Борисовна. — Меня положили в медпункт и продержали там два дня. Потом отправили в близлежащую больницу, которая предназначалась для венерических больных. Там я пролежала больше месяца: врач ни разу не подходил, белье никто не менял, никаких лекарств не давали. Есть не хотелось, поэтому свой паек я отдавала девочке-венеричке, испробовавшей в лагере «сладость любви». Она три раза в день обирала с меня вшей. Потом приехала какая-то комиссия. Оказывается, профессор Вороной (тоже зек) изобрел какую-то микстуру от пеллагры и ему понадобились люди. Как я смогла выстоять при осмотре перед комиссией — не знаю, как вообще смогла встать с постели? Мышц на теле фактически не было, вместо них тряпочками висели складки кожи. В общем спас случай. Профессор Вороной переспросил мою фамилию. Оказывается, моя мама (а с ней мы были уже давно разъединены и развезены в разные лагеря) работала в больнице Вороного медсестрой. Он все понял и взял меня к себе. Сестры носили меня в душ на руках, помнит, одна плакала и все приговаривала: «Беденькая, чем так мучиться, лучше бы умерла». Однако я не умерла, хотя после

относительно хорошего питания и достаточно длительного курса лечения мой вес составлял всего 28 килограммов. К тому же у меня началось воспаление легких. Под этим предлогом профессор Вороной вынес дополнительный диагноз — туберкулез, и меня, как человека, который все равно умрет, активировали. Мама вернулась из заключения позже, полностью отбыв все 10 лет».

Преследование за прошлое прекратилось лишь после смерти Сталина. Только в середине 50-х годов обеим женщинам (Екатерине Борисовне было тогда около 50-ти, а Ольге Петровне уже около 70-ти лет) удалось хоть как-то, мало-мальски по-человечески зажить. Дочь получила на руки документ, подтверждающий ее невиновность.

«ВЕРХОВНЫЙ СУД УзССР

4 января 1956 г.
№ 113

С п р а в к а: дана в том, что уголовное дело по обвинению Тарасовой Екатерины Борисовны, 1906 г. рожд., Верховным судом Узбекской ССР рассмотрено и определением судебной коллегии по уголовным делам от 24.09.55 г. Решение тройки НКВД УзССР от 28.10.37 г. отменено и Делопроизводство в отношении Тарасовой Е. Б. прекращено за недоказанностью состава преступления. Зам. председателя Верховсуда УзССР Ш. Усманов».

В дневнике Екатерины Борисовны Тарасовой есть своеобразное завещание: «Хочется понять и объяснить, — пишет она, — почему наше время осталось за бортом жизни? Ведь было так много веры в себя и своих друзей. Было столько сил и желания приложить свои руки к общему делу. И ведь таких, как я, было много. Кто виноват в том, что жизнь наша пошла не по тому руслу, и прожили мы, как пустоцветы, не дав радости людям и не чувствуя удовлетворения от прожитой жизни. Мы не щадили себя и отдавали все свои силы, а когда было нужно — и жизни тому, что считали справедливым и верным. Кому же предъявить счет за все наши такие жизни и судьбы?»

В. ИСУПОВ

ТРЕТИЙ ФРОНТ: СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Лето 1941 г. ...Красная Армия, потерявшая в ходе массовых репрессий своих лучших командиров, откатывалась на восток. Первые тысячи пленных, убитых и раненых. Хаос и ужас окружения. Сданные без боя города. Дороги, забитые беженцами. Глухой голос напуганного вождя: «Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг скоро убедится в этом». А пока армады немецких танков рвутся на восток, и кажется, нет силы, способной остановить их.

Сталин лихорадочно ищет причины катастрофы. Неожиданность нападения? Коварство врага? Мошь его отмобилизованной армии? На Германию работает вся поставленная на колени Европа? Все перебрал вождь. Но ни слова о себе, о своей вине за полную неготовность страны к войне. 3 июля, выступая по радио, Сталин использовал свои излюбленные приемы. Откровенная, ничем не прикрытая ложь: «...лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией...»

Но главное — враги внутри государства. Все успехи Сталин всегда связывал со своим именем, неудачи, провалы, ошибки взваливал на плечи врагов, которых услужливые лакеи из НКВД находили очень быстро. Сталин призвал народ и армию к беспощадной борьбе с дезорганизаторами тыла, дезертирами, распространителями слухов, диверсантами, шпионами. Он недвусмысленно давал понять, что потеря бдительности, происки шпионов и вредителей, которыми наполнена страна, — одна из главных причин поражений. «Враг коварен, хитер, опытен, — подчеркивал Сталин, — нужно учитывать все это».

Поиск врагов в тылу страны, истекающей кровью, принял характер массового психоза. Были арестованы тысячи хозяйственных и военных руководителей. Многие расстреляны. Генерал армии Д. Г. Павлов — самый известный из них. Но этого мало — и 16 августа выходит печально известный приказ № 270. Подвергнуты анафеме пленные, на-

висла угроза расправы над их семьями. А Сталин искал и находил все новых и новых вредителей.

Судьба советских немцев была решена задолго до августа 1941 г. В обстановке повальной шпиономании иного исхода быть не могло. Вождю нужен был многочисленный внутренний враг, который взял бы всю вину на себя и тем самым очистил Сталина от позора несбывшегося лозунга «малой кровью и на чужой территории». А самая удобная мишень — советские немцы.

Может быть, таким образом вождь вымещал свою злобу? Может быть, это была его месть Гитлеру за акт о ненападении? Или Сталин видел в этом подтверждение своему «гениальному» выводу об обострении классовой борьбы по мере продвижения общества к социализму. «Пока есть капиталистическое окружение, — говорил он на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств. Для того, чтобы провалить выигрыш на фронте... достаточно несколько человек шпионов».

Советские немцы были обречены отвечать за злодеяния своих соплеменников по ту сторону фронта. Вопрос был поставлен по-сталински прямо и четко — не «почему отступаем?», а «кто виноват?!» Не Сталин же виноват и не Политбюро, возглавляемое им. Виноваты шпионы. А если немец — значит, шпион. Немец не может не быть фашистом.

Пропаганда из антифашистской быстро превращалась в антинемецкую с националистическим акцентом. Все реже в речах Сталина встречаются слова «фашист», «фашистская Германия», все чаще: «немецкая армия», «немецкое командование», «немецкие оккупанты», «немецкие захватчики», «немцы рассчитывали», «немцы кичатся», «немецкое командование вырабатывает», «уверения немцев».

Сталин, по-видимому, считал, что репрессии против советских немцев носят превентивный характер. Если в данный момент немцы сохраняют лояльность по отношению к СССР, то в ближайшем будущем обязательно предадут. Пусть же ответят за свои будущие преступления. Такие «превентивные» наказания вообще были любимым приемом вождя и его детища — НКВД.

Именно так, превентивно, были арестованы, расстреляны, сосланы в ссылку миллионы людей.

И все же есть самая главная, самая тайная причина депортации немцев. И причина эта — страх. Сталин был так

напуган, что летом и осенью 1941 г. был почти уверен — дойдут фашисты до Волги. Не мог же он допустить объединения. Этим, кстати, объясняются и массовые расстрелы заключенных в октябре 1941 г.

Свидетельство очевидца. В начале августа 1941 г. в районы проживания немцев Поволжья была десантирована группа офицеров НКВД, владеющих немецким языком. Все они были переодеты в форму вермахта. Местные немцы встречали их якобы радостно, как освободителей. Предоставляли кров и пищу. Больным оказывали необходимую помощь. Выдавали все военные объекты и секреты. (Оказалось, колхозники знают все военные секреты.) Предлагали проводить диверсии — взрывать мосты через Волгу, портить линии связи, разрушать промышленные объекты.

Проверить свидетельство этого очевидца невозможно. Архивы закрыты. Но аналогичный случай описывает А. Никитин (Литературная газета. — 1989. — 11 октября). Но он свидетельствует обратное — незваных десантников славали туда, откуда они прибыли.

Суть же дела не в этом. Возможно, что никаких офицеров НКВД в немецкой форме не было вовсе. Главное заключается в том, что в конце лета и осенью 1941 г. по стране поползли самые невероятные слухи о коварстве и измене немцев. Об этом говорили даже в глухих деревнях Забайкалья. И исходили эти слухи из какого-то единого, весьма влиятельного и мощного центра. И центром этим, по-видимому, было известное здание на Лубянке. Хорошо подготовленная, тщательно спланированная провокация готовила почву к выселению немцев.

И вот наступил день 28 августа 1941 г. В соответствии с решением Президиума Верховного Совета СССР советские немцы, оболганные и обвиненные в самых чудовищных преступлениях, должны были покинуть ставшие для них родными земли. Это был далеко не первый опыт насильственной депортации этнических групп. Еще в 1936 г. (!) из пограничной зоны было выселено более 30 тыс. поляков. В 1937 г. с Дальнего Востока в Среднюю Азию были переселены корейцы. В 1940—1941 гг. в восточные районы Советского Союза были перемещены крестьяне, по распылчатым критериям отнесенные к кулакам: около 14 тыс. из Прибалтики, 10 тыс. из Молдавии и 6 тыс. из Западной Украины и Белоруссии. Там начиналась коллективизация. Мы уже и не вспоминаем о миллионах русских, украин-

ских и белорусских крестьян, выселенных из родных мест в начале 30-х годов.

Однако в 1941 г. задача была не менее сложной. Шла война. Вагоны и паровозы ценились на вес золота. На восток двигались миллионы эвакуированных, на запад — эшелоны с бойцами. Переселение немцев не было целесообразно ни с экономической, ни с военной точек зрения. Оно ослабляло страну, которая теряла сотни тысяч трудолюбивых крестьян, высококвалифицированных рабочих, талантливых инженеров, врачей, учителей, ученых.

Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г. только в автономной республике немцев Поволжья проживало 366,7 тыс. немцев, в числе которых было 172,2 тыс. мужчин и 194,5 тыс. женщин. Примерно 40% немецкого населения автономной республики составляли дети до 15 лет.

Но подвергались насильственному переселению не только немцы Поволжья, а все советские немцы.

Некоторые из них оказались по воле судьбы на оккупированной территории, другие — в Красной Армии, третьи уже проживали в восточных районах. По моим расчетам, на восток страны — в Сибирь и Казахстан осенью 1941 г. было депортировано 1 млн или 900 тыс. чел. Во всяком случае, по данным В. Земскова (Аргументы и факты.— 1989.— 30 сент.— 6 окт.) на 1 января 1953 г. число немцев-спецпереселенцев, высланных по решениям правительства, составляло 855,7 тыс., репатриантов — 208,4 тыс., местных — 111,3 тыс., мобилизованных — 48,6 тыс., других — 0,1 тыс.

Итак, сентябрь 1941 г. Третий фронт против своего же народа открыт. В глубоком тылу началась тихая, малозаметная, но от этого не менее жестокая и кровавая война. Война тем более несправедливая, что одна сторона была вооружена, другая — безоружна... Сданы дома, фураж, скот, запасы продуктов. Получены обменные квитанции, по которым, как уверяли работники органов, на месте вселения можно получить по эквиваленту все необходимое. Гудит распаленный пар в котлах, бьется огонь в топках, свистят паровозы. Потянулись эшелоны теплушек на восток.

Свидетельство очевидца. А. Никитин (Литературная газета.— 1989.— 11 окт.): «Бродили по улицам растерянные овечки, недоевшие коровы с ревом бросались к человеку, в крепких домах все было выметено и вымыто, дозревал урожай, в полях и в огородах — ни души! Пустая земля двести на триста километров».

Ясли для детей спецпереселенцев.

Путь предстоял долгий. Из теплушек почти не выпускали. Воды и той не доставало. А рядом шли бесчисленные эшелоны с эвакуированными. Они неделями жили на вокзалах, в вагонах, на привокзальных площадях. Голод, грязь, осенняя промозглая сырость. Медики и железнодорожники растеряны — они не могли справиться с таким наплывом пассажиров. Только в июле—декабре вагоны штурмовали 17 млн. одних эвакуированных — главным образом женщин, детей и стариков. Тут уж не до спецпереселенцев. Им вода и продукты — если останутся...

Не доехали и до Челябинска — дизентерия, корь, скарлатина, а затем и тиф. Завшивленность почти полная. Теплушки загажены. На грязных нарах, в духоте — дети. Медицинская помощь — недостижимая мечта. Многие не выдерживали. Смертность была огромной. Умерших хоронили во время остановок. Сколько безымянных могил раскидано по стране?

В октябре первые эшелоны стали прибывать в Сибирь. В Алтайский край вселилось около 100 тыс. немцев. Причем среди взрослых (от 15 до 54 лет) на долю женщин приходилось 94%. В Новосибирскую область прибыло 38 эшелонов с общим числом спецпереселенцев — 89,7 тыс. чел. Среди них более половины — дети, 30% — женщины. С кем же воевал Берия? Куда исчезли мужчины? В этом-то проявилась вся жестокая изощренность главы НКВД. Во избежание нежелательных эксцессов мужчины

от 15 лет и старше были отделены от семей. Их везли отдельно и направляли в трудовые армии. Они работали на лесоповале, строительстве, добывали полезные ископаемые. Многие были арестованы и отправлены в лагеря, но уже в качестве заключенных.

Дорога подошла к концу, но испытания продолжались. Квитанции за сданное на месте имущество отоварить было невозможно. Эту обязанность НКВД возложил на обнищавшие местные колхозы и совхозы, которые даже при желании не могли выделить ни домов, ни зерна, ни одежды, ни фуража, ни скота. Сибиряки сами голодали.

Часть немецких переселенцев, как-то обустроившихся, срывали с места и направляли дальше, на восток. Так, в 1942 г. для работы в Енисейском пароходстве в Красноярский край было направлено несколько тысяч немцев с детьми.

«Все спецэвакуированные размещены под открытым небом. Кипяток готовится на таганках, воду берут из колодца и из реки. Горячее питание получают только 1 раз в день — одно 1-е блюдо и 500 гр. хлеба. Уборных нет. Вся территория загрязнена экскрементами. Через медпункт прошло 122 чел., из которых 16 с желудочно-кишечными болезнями». (Акт обследования санитарных условий жизни спецэвакуированных. 8 июля 1942 г. Красноярский край. База пароходства «Енисей».)

Для справки. По Всесоюзной переписи населения 1939 г. в СССР насчитывалось 1427,2 тыс. граждан немецкой национальности, на 1 января 1953 г. — 1224,9 тыс. (снижение численности на 202,3 тыс., а по первой послевоенной

Строительство барачков.

переписи 1959 г. — 1619,7 тыс. чел. Следовательно, за 20 лет (!) число немцев в СССР выросло всего на 192,5 тыс. человек. Молох третьего фронта требовал жертв.

Война клонилась к своему закономерному концу. После Сталинградской и Курской битв пришла твердая уверенность — победа будет за нами. Народ, истекая кровью, сумел восстановить все то, что так успешно разваливал Сталин. Вождь по-прежнему искал и находил врагов. Он уже не мог остановиться.

Одним из инициаторов новой волны выселений стал Берия. Еще в 1942 и 1943 гг. он по поручению Сталина ездил на Северный Кавказ — якобы для организации обороны этого региона. Именно там у доблестного наркома зародилась мысль о депортации народов, населяющих Кавказ. Берия запускает ряд пробных шаров. Сначала он шлет в Москву депешу о ненадежности бойцов-кавказцев, об изъятии чеченцев, ингушей, армян, азербайджанцев из воинских частей. Затем (уже после освобождения Северного Кавказа) предлагает Сталину план выселения пока еще 735 семей изменников из Ставрополя, Кисловодска, Минеральных Вод, Ессентуков на жительство в Таджикистан. Сталин принимает эти предложения благосклонно. И вскоре решено выселить всех калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар.

На этот раз все было сделано проще. Липовых квитанций о сдаче имущества не выдавали, слухов не распространяли и до провокаций не опускались. Приезжали грузовики с солдатами, окружали селение и увозили ничего не понимающих людей на ближайшую железнодорожную станцию, где все повторялось: теплушки, вагоны для скота, скудное питание, вши, тиф, дизентерия, сотни умерших. Везли в Сибирь и Казахстан. Берия после этого геноцида имел наглость требовать награждения боевыми орденами и медалями наиболее отличившихся работников НКВД, НКГБ и «Смерш». Сталин не возражал. И. Серов, непосредственно руководивший выселением, был награжден орденом Суворова I степени, который присваивался только за руководство крупными боевыми операциями.

О масштабах ничем уже не прикрытого геноцида, о жертвах третьего фронта свидетельствуют цифры.

Кроме перечисленных в таблице этнических групп в годы Великой Отечественной войны в восточные районы страны были насильственно депортированы греки (14,8 тыс. спецпереселенцев на 1 января 1953 г.), болгары (12,5 тыс.), армяне (8,6 тыс.), турки-месхетинцы (49,8 тыс.),

курды (8,8 тыс.), хемшилы (1,4 тыс.) и представители других наций и народностей. Всего на 1 января 1953 г. (за 2 месяца до смерти вождя всех времен и народов) в СССР насчитывалось 2753,4 тыс. спецпереселенцев.

Численность народов СССР, депортированных в восточные районы СССР в период войны (тыс. чел.)

	По переписи 1939 г.	На 1 января 1953 г.	По переписи 1959 г.	Прирост (убыль) за 20 лет
Немцы	1427.2	1224.9	1619.7	+192.5
Чеченцы	408.0	316.7	418.8	+10.8
Ингуши	92.1	83.5	106.0	+13.9
Карачаевцы	75.8	63.3	81.4	+5.6
Балкарцы	42.7	33.2	42.4	-0.3
Крымские татары	219.0	165.3	нет сведений	—
Калмыки	134.1	81.5	106.1	-28.0

Все эти люди объявлялись предателями. А были предатели? Конечно, были. Покрыли себя кровавым позором мусульманские батальоны. Но почему весь народ должен отвечать за предательство отдельных его представителей? Ведь были и герои. Около 8 тыс. выходцев из Калмыкии удостоены орденов и медалей, 14 стали Героями Советского Союза. Кабардино-Балкария дала стране 23 Героя Советского Союза.

Следуя сталинской извращенной логике, первыми в ссылку должны были отправиться русские, украинцы и белорусы. Из 1 млн бывших красноармейцев, перешедших на сторону гитлеровцев, они составляли большинство, а численность Русской освободительной армии достигала 800 тыс. чел. (Военно-исторический журнал.— 1989.— № 9). Но и сам «интернационалист» Сталин должен был возглавить колонны спецпереселенцев — он грузин, а действовал и Грузинский легион.

Так почему же в ссылку отправились, в основном, народы, исповедующие ислам? А почему балкарцы были депортированы, а кабардинцы нет? Спросите об этом у Сталина. Правда, он не миловал и всех прочих — они пополняли бесчисленные ряды зеков. Да и после войны выселялись русские (из Псковской, Воронежской, Орловской и Рязанской областей), белорусы (1952 г.), иранцы (1950 г.), украинцы (1951 г.), поляки (1952 г.) и другие. С одним только и можно согласиться — «справедлив» был вождь, никого не забыл!

К сожалению, мы не имеем в своем распоряжении всего комплекса документов, рисующих страшную картину жиз-

ни переселенцев. Однако и того, что есть, вполне достаточно, чтобы зримо представить себе весь ужас их положения. В Новосибирскую область в 1944 г. было переселено 16,7 тыс. калмыков. Обратимся к их судьбе и, чтобы быть объективными, просто приведем справку, составленную в ноябре 1944 г. по результатам проверки расселения калмыков, проведенной Новосибирским областным управлением НКВД. Документ приводится с некоторыми сокращениями.

«Враждебное отношение к калмыкам со стороны рай. работников и местного населения. Жилища для калмыков не подготовлены — без окон, без дверей, без печей, с полуразрушенными стеклами. Так, в с/х № 168 Барабинского района в саманной избушке площадью 8 м² проживает 15 калмыков, часть которых спит на улице; в другой землянке площадью 6 м² размещено 9 чел.

Из занаряженных 2884 голов скота выдано 1176, во многих районах скота не дали вовсе. Из 1462 чел. детей посещают школу всего 210 чел. — нет одежды и обуви...

Средства, предназначенные для калмыков, используются не по назначению. Колхоз «Искра» Мануйловского с/с Болотнинского района получил в мае 1944 г. кредит 5 тыс. руб., из которых 1352 руб. израсходованы на нужды колхоза*.

Каргатский район. Рыболовецкая бригада из 18 калмыков живет в полуразрушенной бане, в которой нет печи, окна выбиты. В Третьяковском с/с этого района 4 калмыцких семьи живут в телятнике. В Чулымском районе 80 калмыков живут в 2 бараках, где печи развалены, окна выбиты. В деревне Доброво в одной избе живет 7 семей (22 чел.). В Барабинском районе в землянке площадью 6 м² живет 10 человек. Дети спят в сидячем положении. В Татарском районе ряд семей живут в шалашах. Аналогичное положение с состоянием жилья имеет место и по остальным районам и населенным пунктам.

Отношение к калмыкам руководителей и местного населения презрительное. Местные женщины называют их «грязными собаками». Презираемость калмыков усиливается их тяжелым материально-бытовым положением**. Секретарь РК ВКП(б) Б-в***: «Гоните калмыков к черту от колхозов». Уполномоченный РК ВКП(б) М-в: «Калмы-

* И не удивительно. Колхозники сами едва концы с концами сводили. В 1944 г. на 1 трудодень в колхозах Новосибирской области было выдано 0,3 кг зерна, 1 руб. 45 коп. деньгами и 0,9 кг сена.

** В первую очередь презрение усиливалось пропагандой.

*** Фамилии не называю.

ки — это враги народа, поэтому проявлять о них заботу или оказывать им помощь не следует».

Фонды продовольствия, выделенные калмыкам, до них не доходят. Одежды и обуви нет. В октябре* некоторые калмыки работали босиком, нет сменного белья. В Чановском районе только 20% калмыков имеют зимнюю одежду и обувь. Мыло отсутствует. Грязь. Медики устарились от надзора за санитарным состоянием калмыков. Медосмотров не проводится. Завшивленность. Пищу принимают на полу. Тут же и спят. В Новосибирске калмыков разместили в бывшей мечети, где 5 кроватей и 3 топчана. Люди спят на полу.

В течение месяца умерло 1046 калмыков. В Барабинском районе из 1005 калмыков умерло 82 чел., в Чановском районе из 989 чел. умерло 68, в Каргатском районе из 870 умерло 32**.

В Новосибирской области нужно было построить для калмыков 1529 землянок, а построили 185, отремонтировано 384 дома, а нужно — 3124 дома. Среди калмыков ходят слухи, что им дадут автономию в Бурятии, а после войны разрешат вернуться на родину. Это не способствует их прочному закреплению***.

На этом можно было бы и поставить точку. Но приведем все же еще одно свидетельство очевидца. Это будет последний штрих.

Свидетельство очевидца: «Дудинка. Весна 1951 г. Иду по улице в сторону порта. Навстречу — собака, тощая, голодная, как и все собаки на Севере в это время года. Но очень странная собака. Подхожу ближе: уши огромные, на ногах копытца и пяточок. Да это свинья тощая, с подтянутым животом. И ребра торчат. Потом узнал — привезли крымских татар, и их, мусульман, заставили работать на свиноферме****. И всем от этого плохо — и свиньям, и татарам, и охране, для которой эти свиньи и растут. А впрочем, кому было хорошо?»

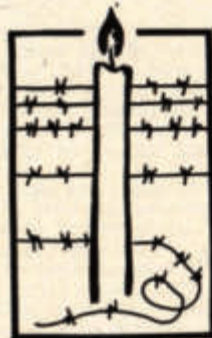
* В Сибири (уже снег лежит)!

** Нетрудно подсчитать, что смертность достигала 50-80%.

*** Тот, кто составлял записку, был уверен — калмыков выслали навечно.

**** Это уже не физическое, а нравственное издевательство — заставлять мусульман, для которых свинья — грязное животное, заниматься свиноводством. Но кому-то очень хотелось сломить татар морально, показать, что они не люди, а свиньи.

ДОКУМЕНТЫ

И. ПАВЛОВА

ПИСЬМА ИЗ 37-ГО

Передо мной лежит стопка писем — ветхие, пожелтевшие от времени, потертые на сгибах, некоторые без начала и конца. Их берегли, перечитывали, возили с собой...

Это — письма Владимира Николаевича Петровского, жившего в нашем городе и, как сотни тысяч других, погибшего в 1937 году. Владимир Николаевич безгранично любил свою семью — жену Анну Климентьевну и детей — дочь Люсеньку и сына Вовасеньку. И эта любовь помогла ему писать, пересылать, переправлять свои письма, когда, казалось, было совсем не до этого. В каждом из этих писем больше тревоги за судьбу дорогих его сердцу людей, чем осознания трагичности той ситуации, в которую он попал.

Было счастье, прекрасная семья, дело, и все это вмг рухнуло. Стоит только представить себе, сколько человеческих судеб скрыто за абстрактными подсчетами жертв сталинщины, сколько разбитых семей, сколько пролитых слез, страданий взрослых и детей, оставшихся без родителей и оказавшихся в детприемниках, чтобы навсегда утратить равнодушие к истории и судьбе своей страны.

Анна Климентьевна Петровская не попала в лагерь, видимо, потому, что успела бежать с детьми из Новочеркасска, города, где был арестован ее муж, бежать, бросив все, но унижений и страданий на ее долю жены «врага народа» выпало немало. Она выстояла и ждала мужа вплоть до 1956 года, пока не исчезла последняя надежда...

А имя В.Н.Петровского, известного в Новосибирске в конце 20-х — начале 30-х годов человека, было забыто окончательно. Характерный пример: на фотографии, запечатлевшей встречу писателей и работников газеты «Советская Сибирь» с И.Эренбургом, опубликованной в 1988 г. в книге «Литературное наследство Сибири», В.Н.Петровский помечен как «неизвестный». А ведь в те годы его хорошо знали — он был ответственным секретарем «Советской Сибири», редактором газеты «Трибуна ударника», заместителем председателя городского отдела народного образования, депутатом горсовета, писал стихи, одно из них в 1930 г. (№9) опубликовал журнал «Сибирские огни»...

Владимир Николаевич Петровский родился в мае 1895 года в деревне Дашковцы Мостовской волости Гродненской губернии. Окончил двухклассное Мостовское народное училище и двухгодичные педагогические курсы при Холмской учительской семинарии. До 1915 года работал учителем в Мостовском народном училище, а затем был призван в действующую армию. Когда началась революция и сильное брожение в войсках, Петровский не остался в стороне. За выступление в июле 1917 года против правительства Керенского его, унтер-офицера, военный суд Юго-Западного фронта приговорил к ссылке в Сибирь.

В Сибири жили родственники Владимира Николаевича. Он поселился в Ново-Александровской волости Томского уезда и губернии — портняжничал, затем учительствовал, а в 1919 году согласился быть секретарем волостной земской управы. Вот это обстоятельство и сыграло в 1937 году свою роковую роль. Исполнял обязанности секретаря земской управы в период колчаковщины — значит, содействовал колчаковскому правительству, значит, был «карателем», как называли его на допросах... Одномерный классовый подход заставлял рассматривать события только

Семья Петровских.

таким образом и не принимал во внимание конкретные человеческие судьбы, вообще жизнь во всем ее многообразии.

А для В. Н. Петровского 1919 год был счастливым годом — он любил и был любимым, это был год его женитьбы на Ане Климентьевне. В 1920 году родилась их дочка Люсеночка.

Все переплелось в те годы, когда шла гражданская война, — счастье и боль, личное и события в стране. Во время восстания части крестьян против Советской власти Петровский выступил на ее защиту, и в 1921 году жители Ново-Александровской волости избрали его председателем исполкома своего Совета. Потом, в 1937 году, именно участники антисоветского восстания, оставшиеся в живых, будут давать в ходе следствия компрометирующие Петровского показания.

В 1924 году у Петровских родился сын, и вся семья переехала в Топкинский район Щегловского уезда Томской губернии. Владимир Николаевич работает учителем и в этом же году вступает в партию. С начала 1928 года переводится в Новосибирск, на работу в систему народного просвещения, а затем в ноябре 1930 года направляется на редакторские курсы в Москву. После окончания этих курсов с февраля 1931 года работает в редакции газеты «Советская Сибирь», избирается депутатом городского Совета, а в апреле 1933 г. становится заместителем заведующего горно.

Но проработал он в этой должности недолго — в 1934 году по рекомендации партии переходит на службу в войска НКВД и через некоторое время с семьей уезжает из Новосибирска в Ростов-на-Дону. Там в связи с болезнью (бронхиальная астма) был временно демобилизован и направлен на работу в Новочеркасский горком партии.

Здесь, в Новочеркаске, он и был арестован 4 марта 1936 года. Сохранился протокол обыска на квартире, из которого следует, что у Владимира Николаевича изъяли все личные документы, письма, оружие и почему-то книгу «Крепостничество и воля» 1911 года издания, не тронув других книг из большой библиотеки Петровских.

Протокол обыска.

На основании приказа (часть) Новочеркасского Отд. ОГПУ и ОО IX корпуса за № от 4 апреля 1936 проведены обыск у гр-на Петровского Владимира Николаевича проживающего в сор Новочеркасск по улице Просвещения дом № 83

При обыске ввиду для установления в НКВД и ОО IX корпуса следуют:

1. Прессованная бумага гр. Петровского Николая
2. Распечатанная книга от 15-го 1915 г. и 1901
3. Личные документы гр. Петровского на 66 листов
4. Бумаги гр. Петровского
5. Личная проф. карточка у Петровского
6. Записка от 4 ноября 1935 г. НКВД г.н.
7. Расписка в получении Петровского в 1934 г. от Петровского по адресу Крепостничество и воля издания 1911 года

Обыск произвел сотрудник НКВД Петровского Г.И.Иванович.

При обыске претензий и жалоб от гр-на

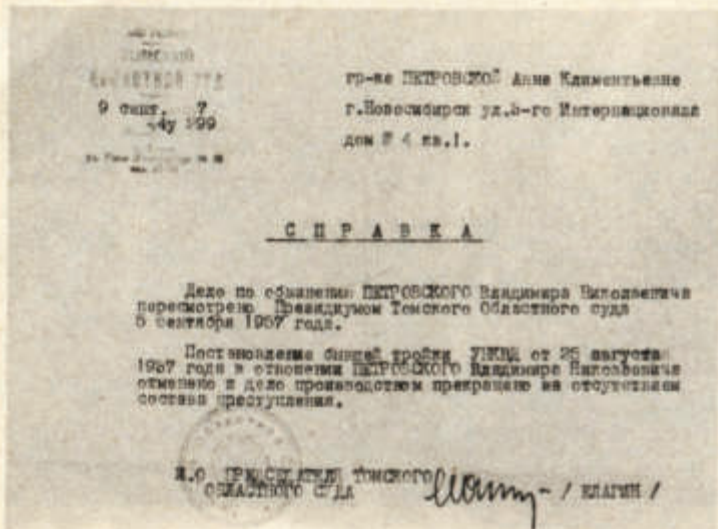
При обыске присутствовали

Копию протокола получил

- ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Все документы и претензии должны быть описаны в протоколе. После окончания протокола все документы и претензии по принадлежности.
2. За сохранение документов в Новочеркасском Отд. ОГПУ и ОО IX корпуса по адресу с уведомлением № заказа, дата его выдачи и день обыска.

Протокол обыска В. Н. Петровского.

Начало 1936 года было еще относительно спокойным временем. Волна репрессий против крестьянства в конце 1920-х — начале 1930-х годов в связи с коллективизацией постепенно пошла на убыль, сократился поток репрессированных после убийства Кирова, а новое наступление сталинизма еще не развернулось, не набрало силу. Видимо, позднее и удалось Петровскому, который к тому же хорошо знал уголовное законодательство, добиться того, чтобы его отправили на время следствия в Томскую губернию, где он раньше жил и работал, для встречи и опроса знавших его людей и для того, чтобы опровергнуть выдвинутые против него в Новочеркаске обвинения. Владимир Николаевич переводится в распоряжение Кривошеинского районного отделения НКВД и освобождается под подписку.

Справка о реабилитации В. Н. Петровского. 1957 г.

Первые письма из Кривошеина бодрые — он уверен в благополучном исходе дела, устроился на работу, районный начальник НКВД Киперас относится к нему благосклонно. Удалось собрать отзывы людей, знавших его в 1919 году. Этими отзывами полностью опровергались предъявленные обвинения в содействии колчаковской милиции в поимке дезертиров. Наоборот, они свидетельствовали о помощи, о выдаче справок и других документов, которые давали возможность укрыться от призыва в действующую армию Колчака.

Но следствие затягивалось, и дело было рассмотрено в закрытом судебном заседании лишь через год после ареста — 8—9 марта 1937 года. Сразу после суда он написал, что им «все буквально от строчки до строчки, фактами, документами и свидетельскими показаниями опровергнуто полностью. Больше того, даже свидетели, ими вызванные, которые давали компрометирующие меня показания следствию, на суде давали показания, меня реабилитирующие». Но вместо прекращения следствия спецколлегия крайсуда приняла решение оставить под стражей, а дело послать на исследование прокурору. Вскоре после этого В. Н. Петровский водворяется в Томскую тюрьму.

Все его попытки доказать свою невиновность наталкивались на стену. Ничего не дали обращения к Вышинскому и в ЦК ВКП(б). И тем не менее 5 мая 1937 года Владимир Николаевич находит в себе силы написать: «Прошу вас об одном, почувствуйте себя спокойно, за судьбу мою почувствуйте тоже спокойно. Доказывая истину, невиновность, я черпаю неиссякаемые для этого силы. Я прав и буду добиваться правды, невзирая на недопустимые, неслыханные сроки затяжки дела. Нюшенька, родная, будь спокойна, будьте спокойны, мои родные детки, знайте, что я жертва подлой лжи, клеветы...»

Но к середине 1937 года новая волна репрессий достигла и самых отдаленных уголков страны, и никто уже не разбирался в обстоятельствах дела и не слушал свидетелей. И Петровский вряд ли уже смог бы

написать, что «клеветать на себя я не могу». Пытки ломали и самых крепких людей.

Последнее письмо отправлено из Колпашева и датировано 19 августа 1937 года, а 25 августа тройка НКВД вынесла приговор. Владимир Николаевич пытался передать последнюю записку семье через свою родственницу, работавшую на пристани. Но она не взяла этой записки у матроса с той баржи, где находился Петровский. «Ну как же вы не знаете его — высокий такой, красивый, в шинели?!» — спрашивал матрос. «Не знаю», — был ответ. Только перед смертью Агафья Прокофьевна призналась Анне Климентьевне в том, что последняя записка от Володи не дошла до них. В этой записке Владимир Николаевич, наверное, писал о том, что его ждет... Но только через полвека молчания нам открылась правда о страшной Колпашевской тюрьме.

Вместе с реабилитацией в 1957 году Анна Климентьевна получила и свидетельство о смерти своего мужа в 1945 году. Но никто тогда не поверил этому свидетельству. Разве могло быть такое, что Владимир Николаевич жил еще 8 лет и не нашел способа передать своим близким хотя бы одну весточку о себе. Но надежда остается даже тогда, когда, казалось бы, нет для этого никаких оснований. Потому и ждала Анна Климентьевна вплоть до 1956 года, пока все оставшиеся в живых не вернулись из сталинских лагерей.

Сегодня Анна Климентьевна и Людмила Владимировна сделали еще один запрос в управление КГБ по Томской области о судьбе своего мужа и отца. Решились на это в надежде, что, может быть, на этот раз узнают правду о том, когда и где он был расстрелян.

Ответ недавно пришел: это все тот же Колпашевский яр. Дата расстрела — 4 октября 1937 года.

2 июня 1936 г.

Здравствуйте, милые родные мои Нюшенька, Люсеночка и Вовасик. Я здоров, подъезжаю к Воронежу, в Москве буду завтра — сообщу выезд. Моя просьба, мои милые, к вам — будьте спокойны. Еду я хорошо, об этом не беспокойтесь. В пути пищу получаю. С Кривошеино постараюсь написать подробно. Крепко-крепко целую. Прошу, Нюшенька, тебя, береги свое здоровье. Ваш папа Вова.

16 июня 1936 г.
Тайга.

Здравствуйте, милые, родные Нюшенька, родная дочурка Люсеночек и Вовася!

Я жив и здоров, шлю вам мой искренний горячий привет. Крепко, крепко целую. Желаю самого лучшего для жизни. Будьте спокойны и терпеливы. Я здоров. Любящий вас ваш папа.

Живите спокойно на месте. Целую, папа Вова.

6 июля 1936 г.

Здравствуйте, милые родные мои, мои дорогие Нюшенька, Люсеночек и Вовасик!

Как вы живете, как здоровье, как, Ньюшенька, у тебя со здоровьем? Все еще писем от вас не получил. Позавчера, т. е. 3 июля, приезжал Саня и Перф. Сав., Саня в тот же день уехал. У него с Шурой неладно, на днях будут делать операцию желудка, она все болеет. Вчера получил от Клавд. Клим. из Томска письмо. Она жалуется, что ничего ни от кого о нас не знает и никаких не получала писем. Ганя пишет, что письмо, полученное ею на твоё имя от Сани, — переслала тебе. Обижаться на него, что не писал — нельзя, дело в том, что письмо, им посланное в Н. А.* Перф. Сав., шло один месяц и 5 дней...

Нюшенька, я тебе уже в телеграммах сообщал, что здоров, работаю в Кривошеинской МТС в качестве зав. курсами. Работы предлагали разные и много, но я отказался от всех, а на этой работе я все время свободен, только прослежу, чтобы явились вовремя преподаватели, сам кое-что читаю, но решил себя не нагружать. Деньги у меня есть. С квартирой с первых дней не ладилось, сейчас устроился в комнате, снимаем вдвоем с агрономом из МТС. С ним же ходим на базар, покупаем яйца и все остальное на завтраки, ужины и обеды, а иногда ходим в столовую; он одинокий, только что кончил институт в Харькове и попал в Нарым.

Нюшенька, хочу совершенно откровенно и убедительно просить, чтобы вы и не волновались и не беспокоились за меня. Мое дело безусловно сведет на пшик. Ведь для большинства ясно, что ложь, что капли правды нет, что даже если бы и было, то законом от 1927 г. покрывается давностью, а партийное дело, т. е. 169 ст. безусловно отпадет. Кончится все благополучно, я еду в Москву в Комиссию партийного контроля по разбору моей апелляции, кроме того, думаю Мамаева и Богдановича привлечь за ложные показания, на очной ставке они окончательно запутались. Когда узнал Саня, расходился, собрался на Тимофея писать заявление, но я сказал, что жалкий он человек, и не мстить, а сожалеть приходится такого.

Нюсенокча, я усиленно прошу тебя пока никуда не трогаться из Новочеркасска. Кончится дело, тогда будет видно. С деньгами не беспокойтесь, помочь вам деньгами пока не могу, но для себя имею сейчас на руках около 150 руб., затем получу зарплату, когда пройдет месяц — проживу. Моя единственная забота — скорее кончилось бы дело да вы бы были здоровы. Сегодня специально повидаться

* Село Ново-Александровское (и волость того же названия).

приезжал Талпежников-Владимир. Видел многих; был Федот с Пудовки, был у Бембеля. Ньюшенька, Ганя прислала мне новый адрес, сообщаю тебе его: Томск, Коммунистический проспект, 4, межрайонная контора Запсибторга, Налетовой.

Как живут мои родные, милые дочурка и сынишка Люсенокча и Вовася! Как хочется всех вас скорее, скорее увидеть, обнять, расцеловать милых моих мучеников, страдальцев. Но будьте до конца терпеливы. Пишите обо всем, о житье-бытье. Жду с нетерпением от вас весточки. До скорого свидания. Остаюсь горячо любящий вас ваш папа Вова. Кривошеино, Нарым. округа, Советская, 30, мне.

22 июля 1936 г.

Здравствуйтесь, милые, родные и дорогие мои, мои славные Ньюшенька, Люсенокча и Вовасик!

Сегодня получил от вас письма: 3 письма, 2 открытки и одно письмо от Гани. Очень рад и очень беспокоюсь исключительно за то, что вы беспокоитесь и болеете душой, особенно мои родные и милые детки.

Я вам пишу все, решительно ничего не скрываю и не преуменьшаю, пишу, как обстоит с делом. Прочитал все сразу письма, открытки и не знаю, на какое отвечать, не знаю, какие вопросы разъяснять. Прошу об одном: будьте спокойны, меня не осудят, не обвинят, ибо не за что. Вот и сегодня заходил к начальнику Р.О. НКВД Кипервасу. Долго говорили, справлялся, где дело, он тоже не знает: или в Колпашево, или в Н-сибирске, между прочим, он сообщил для меня сегодня новость, что в тот же день, когда меня выпустили (выпустили не по моей просьбе, а сами предложили), они получили телеграмму из Новосибирска от Бломберга (прокур. наблюд. за органами НКВД) о том, что им дано телеграфное распоряжение по линии о прекращении меня этапирования, о чем он их извещал потому, что в их распоряжение я ехал. Из этого факта я сделал вывод: Москва обязала по моей просьбе (я писал Вышинскому и Ежову) дело задержать в Новосибирске и, видимо, разобрать.

Из ознакомления с делом я сделал вывод — серьезного нет ничего совершенно. Если будет суд, а это маловероятно, потому что ясно — путаница, — видимо, в августе буду совсем свободен и выеду домой

Мне прислали отзывы, засвидетельствованные с/с* 1. Бембель В.П., что я «в течение 2-х лет активно помогал ему и всем бывшим дезертирам скрываться, выдавал документы, предупреждал их о приезде милиции колчаковской» и т. д. 2. Поженко Карп, что я «лично его ночью, когда он был арестован колчаковской милицией и сидел, — я освободил, снабдил документами, скрывал его брата, его спас от смерти и т.д.» и ряд документов, характеризующих меня не как «карателя», как меня сделали в Новочеркасске, а как активного борца против колчаковщины. Кроме того, послано заявление (я его не читал) со многими подписями крайпрокурору. Там изложено, как я спасал бывших большевиков: Полубятко и других.

В моем деле 4 человека опрошены, и на меня показывали те, кто в 20 г. активно участвовал в кулацком восстании против Советской власти...

4 сентября 1936 г.

Милые, дорогие мне, мои страдальцы Ньюшенька, Люсеночек и Вовасик!

Вчера после прочитанных от вас писем я окончательно убедился, что недопустимую ошибку сделал, уговорив вас остаться в Н-Чер**.

Разве я хоть на минуту мог допустить такое отношение к человеку, смысл которого жить и работать, причем работать самоотверженно... такое хамское отношение из-за этой несчастной квартиры? Словом, права ты была с Вовиком. Ньюшенька, родная, еще не поздно, бросай и выезжай, если не прекратились издевательства. Подумать только, меня там нет, так решили поиздеваться над семьей.

Я живу и работаю. Я уже писал вам, что принят на штатную работу преподавателем литературы и рус. языка в десятилетке. Дали мне два 6-х класса, 7, 8 и 9-й. Всего 28 недельн. часов при ставке 350 руб. + 50% северных — выходит месячный заработок 687 руб.

Отношение ко мне самое хорошее. Причем это отношение в известной степени исходит от райНКВД и именно Киперваса. Если бы они считали слишком серьезным мое дело, никогда бы такого отношения не было бы ко мне. Затянулось по вполне понятным причинам — дел уйма. Но,

* сельсоветом.
** Новочеркасс.

независимо от исхода его в ту или иную сторону, после всех этих выпадов в Н-Чер. я там работать не буду...

конец сентября 1936 г.

Здравствуйтесь, милые, родные Ньюшенька, Люсеночка и Вовасик! Сейчас получил ваше письмо от 14/IX, спущено, видимо, 15/IX. Сразу кончил уроки и ходил на почту, чтобы успеть к 3 ч.

Ньюшенька, то, что переживала ты, это я чувствовал, и этот день для меня был очень тяжелым. Мысли передаются на расстоянии, в этом нет сомнения. Я весь вечер страшно хандрил, оказывается, не случайно. Люсеночка, я еще 22 сент. телеграфом в адрес школы перевел вам 200 руб. и одновременно почтой послал посылочкой тоже на школу Вовасе брючонки, сшил без мерки, и боюсь, что не подойдут, или большие или маленькие, представь, потерял уже ориентировку в его росте. Так вот, получили ли, напишите. Да смотрите, чтобы Люсеночка не ходила хуже других в школу.

Родная, милая Ньюся, ты Сане писала о работе и школе. Работники нужны и в Кривошеинском р-не, правда, не в районе самом, а других с/советах, напр. в Белостокскую семилетку, Могочинскую десятилетку, не знаю только, по каким предметам. Спрашиваешь про астму — никаких признаков, точно и не болел.

Ньюшенька, относительно предкомиссии по чистке в 1921 г. — не Логинов, а Басов был председателем. Об этом я заявлял и на бюро горкома, это записано и в моей стенограмме, а мне, наоборот, доказывали, что Логинов, согласно его первого показания. На очной ставке другое он заявил, т. е. так, как было.

Ты сомневаешься, примут ли во внимание отзывы, почему же нет? Если можно верить ложным показаниям с целью мести мне от лиц, когда-то репрессированных за участие в кулацком восстании, то почему этим заявлениям верить нельзя, тем более, я на некоторых ссылался еще в Н-Черкасске, настаивал допросить, но следст. органы не выполнили этого, мало того, не вынесли определения, почему не допросили, чем и нарушили 114 ст. УПК. 111 и 112 ст. УПК требуют при следствии объективно и всесторонне расследовать дело и выявить не только порочащие, но и реабилитирующие стороны, а этого не сделали, хотя к этому располагали заявлениями, просьбами и документами.

Нюшенька, я в это воскресенье (выходн.) перепису все отзывы (копии сниму) и пошлю их тебе на всякий случай. Они ведь меня полностью реабилитируют в том, что: 1) меня по показаниям обвиняют, что я арестовывал дезертиров, а сами бывшие дезертиры наоборот заявляют, что я их скрывал от армии (Бембель), освобождал из-под ареста арестованных колчаковской милицией и выпускал ночью из катал. камеры (Поженко К.), снабжал документами (Лысенко Д.). Меня обвиняют за Петровиченко, а три чело- века документом, как очевидцы бывшие, подтверждают другое, т.е. называют подлинных убийц (колчак. милиция). Кроме того, о Мамаеве Гавриле заявили буквально следующее: «Мы удостоверяем, что Петровский никогда и никого из бывших дезертиров от прав. Колчака на пос. Пудовском не арестовывал. Нам, как односельчанам д. Пудовки, известно, что на чистке в 1934 г. исключен из рядов ВКП(б) Половинкин К.Л. за бывшего дезертира Мамаева Гавриила, которого он выдал милиции. Нам также известно, что Петровский никакого участия в аресте М.Г.* и других не принимал, и в этом не виновен». (Воеводин Е.К., Никитин И.В.). Вот где противоречие, причем, если мне будут все же инкриминировать эти обвинения, я с этими заявлениями-отзывами буду апеллировать к президиуму VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов непосредственно.

Я тебе вкратце дам выдержки из отзывов; они посланы краевому прокурору Боркову, за исключ. 2-х последних:

1. Поженко К.И. (бывший дезертир).

...Я в то время, будучи дезертиром, скрывался в Н-Ал., был сельской милицией арестован и посажен, но Петровский В.Н. ночью меня выпустил из катал. камеры, спас от шомполов карательного отряда, который через несколько дней приезжал в Н.А. Кроме того, Петровский снабдил моего брата Поженко Семена документами с уменьшенными летами, чтобы он тоже мог скрываться...

2. Лысенко Д.А. (бывший дезертир, сейчас колхозник).

...Я был дезертиром из колчаковской армии и скрывался в с.Н.А. Я никогда не подвергался никаким гонениям, а, наоборот, Петровский мне всегда содействовал, а также и всем тогда бывшим дезертирам укрываться от колчаковской милиции, а если он узнавал о приезде в волость кол-

* Мамаева Гавриила.

чак. милиции, всегда нас предупреждал через Еф. Бульчева, чтобы скрывались...

3. Бембель В.П. (бывший дезертир).

...когда я дезертировал от войска пр-ва Колчака — Петровский В.Н. снабжал меня соответствующими документами и был лучшим помощником мне в этом деле. Скрывался я полтора года, и Петровский В.Н. за это время выдал мне 3 документа (копию прилагаю). Я также знаю о том, что Петровский В.Н. содействовал в скрывательстве не только мне, но и всем подлежащим призыву в то время. В течение трех ночей с партизанами с 19-го по 22-е декабря мы с Петровским В.Н. принимали участие в поимке бегжавших белогвардейцев по тракту Томск — Икса.

Петровский В.Н. после июльского кулацкого восстания в 1920 г. в Н. Ал. вол. был председателем волревкома.

Петровский В.Н. за время работы секретарем волземуправы содействовал падению колчаковского правительства и восстановлению Сов. власти в Н.Ал. волости...

4. Маевский И.И., Нюнько В.О., Сафрон Ф.П., Градковский Н.Л. и др.:

...Петровский В.Н. после демобилизации из старой армии безвыездно проживал в Н.Алек. вол. до 1924 г.

В 1917 г. жил у своих родственников, работал в с/х, портняжничал, в 1918 г. обучал детей грамоте. В 1919 г. служил секретарем и за время его работы в волости он помогал укрываться всем дезертирам поселка от армии Колчака. Всегда предупреждал о приезде милиции и предлагал скрываться. С приходом Сов. власти был избран членом ВИКа и работал секретарем. После кулацкого восстания в 1920 г. был назначен предволревкома. Никогда не служил в белой армии...

5. Башкиров И.К.

...знаю Петровского В.Н. как одного из активных тогда, в 1919 г., работников, который содействовал всем дезертирам укрываться от колчаковской армии, а также всем бывш. тогда большевикам, в частности, мне. Никого, никогда Петровский на Пудовке не арестовывал, это мне и всем гр-нам Пудовки известно. Я работал пред-ВИКа с приходом Сов. власти и тов. Петровский В.Н. был единогласно избран членом ВИКа и секретарем президиума. После кулацкого восстания Петровский В.Н. вместе со мной был назначен предволревкома, а я членом и активно боролся с контрреволюцией и восстанавливал Советы...

25 декабря 1936 г.

Здравствуйтесь, милые, родные, дорогие мои Нюшенька — жена и друг мой верный; милые детки Люсенька и Вовашенька!

Я жив и здоров, сейчас только пообедал и пишу вам письмо. Нюшенька, родная, ты не представляешь, какое я сейчас испытывал чувство «сожаления» к трусам, глупцам, а может быть, и больше — врагам. А дело вот в чем. Сіжу в столовой, обедаю. Напротив меня сидит гражданин, и, когда я взглянул, он поздоровался. Затем встает, подходит ко мне и здоровается за руку. Кто бы ты думала? Богданович. Разговорились. Рассказал я ему его ложь, его показания, а он категорически отрицает, что это говорил. Я спрашиваю: «Показания свои ты читал?» — отвечает: «Нет, мне подсунул следователь Ковалев подписать, и я подписал».

Говорил он много, говорил о том, как ему даже не дали подумать, вспомнить и т.д. Категорически отрицает многие записанные показания. В связи с этим я решил добиться, чтобы он то, что рассказал мне устно, подтвердил письменно. Я не лишен оснований думать, что Ковалев, который вел мое дело в Кривошеино, использовал все негодные средства для того, чтобы создать дело. Его сейчас в Кривошеино нет. Но я с ним первые дни приезда дело имел, дошло до того, что я категорически отказался ходить к нему и давать какие-либо показания. А дело было так: когда я разоблачил на очной ставке Мамаева в его лжи, Ковалев отказался это записать в протокол. Я тогда отказался ходить по вызову на допрос и потребовал, чтобы дело для ведения было передано другому лицу или же взял сам Кипервас. До этого он ему, видимо, объяснил так: «Петровский хочет взять инициативу следствия в свои руки». На вызов его я не пошел. Тогда меня вызвали к Кипервасу. Он поставил передо мной вопрос: «Что у вас случилось?» Я ответил: «Не у меня, а у Вас. У Вас грубо нарушают советский закон. Грубо нарушают ст. УПК 111, 112 и 114». Объяснил, в чем, и объяснил мои требования к Ковалеву. Кипервас понял, что я требую законно, и заявил, что это будет выполнено. Состоялись вторично с некоторыми очные ставки.

Так что дело безусловно создано на меня. Пришивают преступления, не существующие в природе с моей стороны.

Я всего в письме не могу описать. Но дело, созданное на меня, нисколько не отличается по своему вымыслу, по

своему характеру от тех ритуальных процессов, которые создавало царское правительство, в частности дело Бейлиса. В Бейлисе положительно все я нашел свое, личное мое, увидел себя буквально. Сейчас над этим работаю. Как только получу от него заявление, спешно посылаю Краевоуму и всеоюзному прокурору. Я мужаюсь, нахожу силы переносить гнуснейшую ложь, сама знаешь, что правда, она всегда воодушевляет, дает силы вести борьбу с ложью. Вот почему я решил тебе это сообщить, написать, хотя вкратце. Многого в письме не опишешь, но для меня сейчас совершенно ясно, тут старались из пальца высосать, но создать что-то уму непостижимое, грубо обрывая тех, кто говорил правду и т. д. Сегодня 25 декабря, у нас еще зарплату не выдали, беспокоюсь за вас, сидите где-то без денег. Последний м-ц, и оказался, видимо, с деньгами в банке прорыв.

Сейчас с ребятами был в кино, смотрели «Лунный камень» — это из минералогии. Хорошая, интересная кинокартина...

...Сегодня приглашали в райком и предложили заниматься в двух школах: с парторганами и партактивом. Дал согласие, хотя там немного часов, всего 8 в месяц, все же заработаю на брюки, ведь скоро доношу свои. В гимнастерке уже локоть прошоркал, а в магазине ничего нет. Нюсена, милая, ты опять пишешь, что ревела, опять приходишь до отчаяния, молю, прошу, мужайся и чувствуй себя спокойно, не съедят, подавят. Они сейчас при встрече глаза прячут. Особенно после того, когда начал работать в школе. Пусть в конце концов поверят им, пусть привлекают меня, судят, если считают нужным, я же ни с каким решением, меня награждающим, не соглашусь и буду апеллировать к документам и фактам, у меня имеющимся.

Как видишь, время прошло неплохо, но все это мне приносило какую-то шемящую боль сердца. Ничто не может ее заглушить. Минутное забытие в обществе и все, и снова мысль усиленно работает: как там вы, здоровы ли, сыты ли, одеты ли?

Сегодня получил письмо от Данилова с отзывом по всем пунктам обвинения. Он даже конкретно указал: «В момент восстания в Пудовку приехал из Южоры Селявский и начал призывать к восстанию, тут же находившийся т. Петровский резко выступил против и призывал не слушать его, за что был изгнан с собрания» и т. д.

Словом, все это засвидетельствовано Н.Алекс. с/с...

...Я уже тебе писал, что встретил Иовика, бывш. члена молчановского ревбюро. Он мне дал отзыв следующего содержания: ...что П.В.Н. в 1920 г. принимал активное участие в ликвидации белобандитского восстания. Как активный, надежный участник восстановления власти Советов в Н-Алек. в Молчановском ревбюро был рекомендован назначению на должность председателя волревкома и населением был единогласно избран... Документ Данилова Евсея Григор. подтверждает мое... «активное выступление против кулацкого восстания и его организаторов на собранном ими собрании»... А в числе их был и Мамаев Д., который кричал «бей», Данилов это помнит хорошо. Ты помнишь тот вечер, когда я расстроенный пришел, но тебе об этом сказал позже.

С Богдановичем еще окончательно не уточнили, как он будет исправлять свои неправильные показания, но этот вопрос я перед ним поставил. На днях был у него на квартире, не застал. Сегодня вечером постараюсь встретиться. Вот сжато и коротко ставлю вас о предпринятом мною обороте дела.

Послал тебе, Нюшенька, только сто руб., хотя мог бы послать и больше. Оставил на всякий случай, тем более что у меня за февраль будет почти пустяк. Веду только в IX кл. историю 5 ур. в неделю и больше нет ничего. С конституцией до сих пор нет указаний у нас, а так у меня было бы 12 ур., все же не без дела. Ты спрашиваешь о здоровье, самочувствии? Дело в том, что в отношении здоровья я действительно чувствую себя хорошо, хорошо поправился, с этой стороны хорошо. Другое дело самочувствие: оно таково — чертовски обидно переживать и переносить незаслуженно...

15 февраля 1937 г.

Милые Нюша, Люсеночка и Вовасенька!

Я жив и здоров, 13/II получил из Новосибирска обвинительное заключение и жду, что через неделю-две в Колпашево будет разбираться дело. Как тебе известно, мне инкриминировали две ст. 58 п. 13 и 169.

Так вот, 58 ст. отпала совсем. Кроме того, отпало обвинение с Петроченко, но в обвинительном заключении фигурирует обвинение по 169 ст. — сокрытие от партии участия в поимке дезертиров. Иными словами, вымышленно, клеветническое показание Мамаева легло в основу обвине-

ния. Я за все спокоен. Я выставил 13 ч. свидетелей, кроме того, у меня от 15 чел. отзывы (в том числе от 9 ч. б. дезертиров), что я, наоборот, их скрывал, выдавал документы и т. д.

Деньги у меня есть. На руках 300, за школой 100 руб. Разбирать дело будут в округе в Колпашево. Письма до получения от меня адреса не пиши. Посылай только тогда, когда сообщу адрес. Из Кривошеино, видимо, на днях отправят в Колпашево. Нюшенька, родная, одна к тебе просьба: будь абсолютно, совершенно спокойна за меня. Ты ведь прекрасно знаешь мою невинность, поэтому независимо от того, какой будет исход разбора, весной выезжай в Томск, это пусть будет твердым и окончательным решением. Конечно, никакого барахла не вези, за исключением самого необходимого, а остальное все продай.

Ну, будьте здоровенькие, крепко-крепко целую вас, моих милых ангелов. За меня еще и еще раз прошу, будьте спокойны. Буду по возможности писать.

Ваш папа, муж Вова.

Крепко целую, будьте здоровенькие, писем и телеграмм не посылайте до получения от меня.

Володя.

17 февраля 1937 г.

Родная Нюшенька, родные и дорогие Люсеночка и Вовасенька! Когда вы это письмо получите, дело мое, безусловно, уже будет разобрано, и тот или другой результат буду знать. Я тебе телеграфировал, что разбор будет в Колпашево. Когда получил обвинит. заключение, я внес мотивированное ходатайство с указанием причин о разборе не в Колпашево, а в Кривошеино. Это мое ходатайство удовлетворено, и дело будет разбираться на днях в Кривошеино. Результат или письменно, или телеграфно, в зависимости от обстоятельств — сообщу. Важно то, что обвинение с Петроченко отпало, да и вообще 58 ст. отпала, а это было самое страшное.

Свидетелями в качестве обвиняемой стороны вызваны Богданович, Мамаев, Селиверстов Павел и Логинов. Я со своей стороны выставил 10 человек, от большинства же имею отзывы.

Но прошу об одном, независимо от исхода, все же вы будьте спокойны. Буду, безусловно, приговор кассировать, если я только буду осужден. Меня очень и очень интересу-

ет, пришел ли Николаев. Ты как-то писала в одном из писем, что его ждут.

Боюсь, что Бембель Василий не в состоянии будет приехать. С ним случилось осенью несчастье — ехал на машине и сломал ногу. Ампутировали в Томске в клинике...

Я жив и здоров, крепко-крепко целую милых, родных и дорогих моих Нюшеньку, ангела моего, дорогих Люсеньку и Вовасеньку.

Ваш папа, муж Вова.

Целую, будьте здоровенькие и спокойно себя чувствуйте.

Ваш до смерти никем незаменимый папа-друг.

9 марта 1937 г.

Милая Нюша, милые дети! Родные Вовасенька и Люсенька!

Это письмо, безусловно, вас опечалит, от вас я не могу ничего скрывать и пишу правду. Я прошу быть такими же мужественными и спокойными, как до сих пор, быть совершенно спокойными за меня.

8 и 9* состоялся суд. Мое дело разбирала спец. коллегия Крайсуда в закрытом заседании, после двухдневного разбирательства вынесла следующее решение: «В силу того, что свидетели на предварительном следствии и суде дали противоречивые показания (на следствии меня обвинявшие, а на суде меня оправдывающие), судебное дело прекратить и направить краевому прокурору на исследование, оставить содержание под стражей». Вот такое решение вынес суд. Все свидетели, опрошенные судом: Логинов, Шишко, Коландо, Андрианов, ранее в своих показаниях меня обвиняли, на суде показали другое, что они ничего не знают и т. д. Но на второй день Журомская по-прежнему начала плести черт знает что, и безусловно суд не в состоянии разрешить, потому что дополнительно вызванный Бембель К. П. показал правду, т. е. что я спасал его брата Василия, сколько выдал документов, словом, дал очень хорошие и правильные показания. Кроме того, я предоставил суду отзывы от 15 человек, меня реабилитирующие... Поэтому при наличии таких противоречий суд решил перерасследовать. Конечно, он взял под сомнение правильность следствия. Краевой прокурор при санкции передачи в суд дал такое заключение: «Следственным материалом не под-

* 8 и 9 марта.

тверждено: 1) чтобы Петровский участвовал в поимке дезертиров из колчаковской армии; 2) чтобы он был при убийстве Петроченко; 3) что должность была особо ответственной или Петровский выполнял особо ответственную или секретную работу при к-р* правительстве; 4) Петровский происходит из трудящихся, дело по обвинению его за деяния 1919 г. в силу постановления ЦИК СССР — акт об амнистии 2/XI-27 г. — подлежит прекращению». Что тебе нужно сделать? Обратиться к Вышинскому, я тоже пишу. Кроме того, как только кончится уч. год, сразу выезжайте. Обо мне еще и еще раз прошу будьте спокойны. Деньги у меня есть 500 руб., здоров, питаюсь. Сегодня отправил заявление крайпрокурору... Мне не пиши. Сообщай Сане о здоровье. ...по возможности буду вас извещать...

Нюшенька, родная, главное, я тебя прошу, чтобы ты была спокойна, ведь ничего со мной не случится. Меня страшно интересует одно. Люся мне про Шейнина и Федина написала, что они арестованы. Я это заявлял суду с тем, чтобы доказать, что жестокая расправа в Н-Черкасске надо мной проведена была ими, что они нажимали на Кривошеино о собирании на меня компрометирующих материалов, если это так, если они арестованы, значит, верно. Они — подлые изменники, меня пытались погубить. Они старались за мою смелую критику их действий.

Ну, пока, крепко, крепко целую, желаю быть здоровыми, спокойными, не отчаиваться. Кончишь учебный год, выезжай сразу, ничего лишнего не вези: ни библиотеки, ни мебели. Постепенно продавай. Целую. Ваш папа.

Письма, телеграммы буду только до востребования посылать.

Ваш папа Вова

12 марта 1937 г.

Здравствуете, родные и милые Нюша, Люсенька и сын мой Вовася!

Я уже вам писал, какой оборот приняло мое дело. При разборе его на суде я предъявил документы (отзывы), возбудил ходатайство о допросе моих свидетелей, часть (3 чел.) были допрошены: К. Бембель, Нюнько и Сапрон дали самые лучшие показания обо мне, но дело не в этом. Дело

* Контрреволюционном.

в том, что ранее опрошенные свидетели во время следствия дали показания, меня обвиняющие, а на суде от некоторых показаний отказались, а частью заявили, что ничего плохого обо мне им не известно. Словом, по закону, если бы мое дело суд разобрал, то Логинова, Коландо, Андриянова он должен был привлечь к уголовной ответственности по 95 ст. УК за ложные показания. Так в моем деле именно и встал вопрос. Так, видимо, и будет решаться. Одна Журомская, человек, который потерял всякую совесть, павший низко, начала плести и что относится к 19 г. и к 20, 22 — все смешала в кучу. Поэтому спецколлегия встала в тупик, решать вопрос не могла, тем более три прокурора — районный, окружной и красной дали свое заключение. Вот это очень и очень важно. Кроме того, я тебе вкратце сообщу противоречия в показаниях отдел. лиц:

На следствии Логинов заявлял, что «он был председателем чистки, и Петровский был исключен из рядов ВКП, что Петровский убил Петроченко, что Петровский порол лично крестьян»... Когда Логинову предъявили карточку, он заявил: «Это Петровский, который лично при моем участии был исключен из рядов ВКП».

На очной ставке он заявил, что во время чистки Петровского он не был, был в Молчанове и лежал в больнице, чистил Басов». На суде: о контррев. работе Петровского он ничего не знает, а только слышал (от кого — не назвал). За что Петровского исключили из партии — не знает, потому что Басова не встречал и не говорил... Коландо на следствии: «В 1919 г. Петровский ездил по району в поимке дезертиров, ходил вооруженный и в военной форме».

Он же на суде: «О контррев. работе Петровского ничего не знаю, я его узнал только в 1920 г.» На мой вопрос суду: «Почему данные следствия не соответствуют показаниям на суде?» — Коландо суду заявил: «На следствии показания дал неверные». Припертый мною сознался, что дал ложные показания.

Андриянов на следст.: «Будучи секретарем, Петровский ходил с наганом».

На суде: «В Н-А. я не жил и не знаю о его деятельности, слышал разговоры, но не помню от кого. О нагане следствию сказал неправду, видел у него в волости бульдог».

Шишко на след.: «Петровский на меня кричал нецензур. словами, называл измен. род.* и приказал посадить».

* Изменником родины.

На суде: «Он меня не арестовывал, а только ругал. Об аресте дезертиров слышал от Фокина в 1933 г.».

Вот где разоблачается ложь, обнажена во всей ее полноте. Решением суда дело разбором приостановлено, передано крайпрокурору на исследование. Дело у него, сколько займет следствие, не знаю. Но я тут же написал заявление с категорическим требованием ускорить (но я не вижу никакой необходимости дополнит. следствия). Написал подробное заявление Вышинскому, отослал в адрес Трифоновской, 53, Марусе с просьбой передать лично. Узнай — спишись. Сегодня передал тебе перевести телеграфно 100 руб. в адрес школы и телеграмму об отправке меня на время следствия в тюрьму в Томск. Для меня пиши только на Ганию, она со мной свяжется. Деньги у меня... Договорился с Кипервасом, чтобы он... сообщил начальнику тюрьмы, там думаю устроиться работать. Тебе нужно быть абсолютно спокойной за мою судьбу. Силы для борьбы с ложью, как видишь, еще нахожу и с успехом разоблачаю. Было бы, конечно, хорошо, если бы ты могла съездить в Москву, к Вышинскому, в «Правду» к Мехлису или в Комиссию сов. контроля к Антипову. Но если не удастся, то устрой так, чтобы, как год кончишь, сразу выехали в Томск, к этому времени, видимо, я выйду там под подписку, а то, может, и раньше. Хорошо бы, чтобы ты узнала, верно ли, что Шейнин, Федин и др. привлечены к ответст. Ведь они со мной расправились, это облегчило бы еще больше мое положение. Так и нужно рассматривать...

13 марта 1937 г.

...Я требовал*:

1) Телеграфно обязать крайпрокурора закончить дело следствием.

2) Освободить меня под подписку в Томске (я не представляю никакой соц. опасности и держать на время следствия, лишив свободы, нецелесообразно и глупо). Находясь в Томске, влиять на ход следствия я же не могу.

Нюшенька, ты исключительно малодушествуешь, причем напрасно. Конечно, прецедента волоките моему делу нет и, видимо, не будет. Второй год. Но в этом виноваты только органы, кому надлежит быстрее разобраться. И так прошу не беспокоиться за меня. Ложь все больше и больше

* В заявлении на имя Вышинского. — Письмо оборвано.

обнаруживается. В беседе с Кипервасом он говорил, что кое-кого за ложь придется привлечь к ответственности.

Это письмо пишу еще из Кривошеино. Постараюсь по приезду в Томск сообщать. Ты же пиши Гане, через нее узнавай. А кончите уч. год, выезжайте. Словом, будь мужественна и спокойна. Пойми одно, что я был и остаюсь большевиком. Мне за 18 лет работы ничего плохого не предъявляют. А если бы даже и по 169 ст. осудили, то я через месяц-два был бы на свободе. Всех коммунистов, бывш. по этой статье, освободили давно. Будешь в Москве, требуй немедленно разбора. Целую всех и прошу быть абсолютно спокойными. Я еще и еще раз говорю тебе — правды добьюсь. Уже и Логинов, и Коландо, и Шишко и др. разоблачены и уличены судом во лжи.

Ваш муж, папа Вова

... Манифест ЦИКа СССР от 2/XI—27 г. полностью снимает все деяния, совершенные в 1919 г. лицами, находящимися в белой армии, а я, ведь ты знаешь, в белой армии никогда не служил, а должность секретаря вол. зем. управы не являлась особо ответственной в период к/р правительства.

Дело в том, что я был, видимо, очень опасным для подлых предателей родины, этих бандитов в Новочеркасске, и для того, чтобы творить свои подлые дела, они постарались со мной расправиться, якобы прикрываясь тогой архибдительности. Вот где кроются все их подлости. Но они прощались. Я с детства, с моей сознательной жизни связал свою судьбу с судьбой рабочего класса и трудящегося крестьянства. Ведь я был по законам царской России лишен всех прав и преимуществ, как незаконнорожденный сын. Я даже не имел права получить сред. образования, я не имел права работать на госуд. службе, а мне они, правда слишком неуклюже, мажут, что я защищал в 1919 г. капитализм. Какая глупость и бездарность!

Кто же это показывает? Вот серия людей, для которых ложь — их постоянная добродетель.

1. Мамаев Д. — активный участник кулацкого восстания, и в 1920 г. был за это репрессирован, на очной ставке сам сознался, что «был арестован, что ездил в Монаст. во-лость».

2. Мельников Анисим (Пудовка) — кулак и участник июльского восстания.

3. Селиверстов Павел (Н.Алекс) — участник кулацкого восстания, был арестован за это и сидел в тюрьме.

4. Журомская Т. — человек, выживший из ума, убила с дочерью в 1933 г. своего собственного сына, дважды судимая, а брат ее Журомский расстрелян за бандитизм, был ранее арестован за кулацкое восстание.

Кого же допросили после решения спецколлегии?

1. Богдановича, который заявил, что я в 1920 г. не был предволревкома и на других выборных должностях, а когда взяли книги актов и записей из ЗАГСА — установили мою подпись как предволревкома за 1920 г., этого не хотел делать Кипервас, но я настоял и сообщил крайпрокуратуре. Богданович — псаломщик в 1918—1920 гг. Скрыл это сам.

2. Маркина Анна заявила, что я имел связь с милиционером Тайлашским (и все), причем высказала обиду, что я обещал в 19 г. на ней жениться и не выполнил обещания!

11 апреля 1937 г.
Камера 7

Тов. Родионов!

Если удастся тебе выйти на свободу, то моя просьба к тебе: 1-е — написать моей жене, что я в Томской тюрьме, дело у крайпрокурора с моими документами и показаниями свидетелей 7 чел. в сторону, меня реабилитирующую. Три прокурора: районный, окружной и краевой дали по делу заключение о прекращении дела по обвинению меня за деяния 1919 г., хотя они и без этого лживы и надуманы. Стал, видимо, вопрос об авторитете нач. райНКВД и крайНКВД. Первый создал сухое дело, второй его утвердил. Это же передай в Томске.

Адреса жены: 1. Новочеркасск Азчер. края. До востребования. Петровской Анне Климентьевне.

Адрес в Томске: ул. Карла Маркса, № 13, кв. 7. Налетовой Агафье Прокофьевне.

Я исключительно признателен тебе за оказанную тобой помощь сегодня. Все можно забыть, но этого я до смерти не забуду. Пойми, что друг тот, кто в несчастье познается. У меня сейчас продукты есть. Купили из ларька и за наш личный расчет. Моя забота — не знаю судьбы семьи. Жена — томичка, по окончании учебного года собирались они приехать в Томск на жительство. Это нами твердо решено.

в случае чего дайте ей Вашей жены адрес. По приезде они встретятся.

Привет, спасибо. В. Петровский.

4 мая 1937 г.

Милые Нюшенька, Люсеночек и Вовасенька!

Вы безусловно в отчаянии, что от меня нет весточки, но не от меня это все зависит.

Я жив и здоров. Прошу не беспокоиться об этом. По делу я вам писал через Ганю еще из Кривошеино в двух письмах, но я не уверен в получении их вами, хотя Ганя знает мое нахождение. 29/III я от нее получил передачу. Трудно сравнить или придумать еще большее издевательское отношение к разбору моего дела, как поступили 8—9 марта. 13/II мне вручили обвинительное заключение, а 8 и 9 марта спецколлегия разбирала в закрытом судзаседании (негласно), и мною все буквально от строчки до строчки фактами, документами и свидетельскими показаниями выдвинутые обвинения опровергнуты полностью. Больше того, даже свидетели, ими вызванные, которые ранее давали компрометирующие меня показания следствию, на суде давали показания, меня реабилитирующие. Одна полоумная Жур. нагло и беззастенчиво лгала. Вместо реабилитации, вместо прекращения дела — спецколлегия вынесла дикое решение: послать прокурору на доследование, оставив меру пресечения — содержание под стражей. В чем тут дело? Дело в том, что оправдать меня — это значит кого-то скомпрометировать, подорвать чей-то престиж, авторитет. Ведь они составляли обвинение, его утверждали и вдруг оно оказалось дутым, натянутым от начала и до конца, продуктом фантазии человека, которому нет дела добираться до истины, а составлять по живым показаниям следствию, от которых на суде сами же отказались. Что даст доследование? Конечно, ничего, единственно, затянет следствие и разбор дела, а в связи с этим, снова томления и никому не нужные страдания невинных людей.

Я послал через Марусю заявление Вышинскому, через нач-ка тюрьмы заявление в ЦК ВКП(б), которое отправлено в Москву 26/III за № 3—138. Я через Ганю тебе писал, чтобы ты в каникулы с 1—6 апр. взяла отпуск и съездила сама в Москву и настояла на ускорении разбора, для этого я еще из Кривошеино 13/III выслал через друзей телеграфом на школу тебе сто рублей, если ты это сделала, безусловно, поможешь много мне. О письмах я даже и не

знаю, я, конечно, не получу, потому что не знаю, долго ли буду в Томске. Пиши Гане, может быть, как-нибудь от нее узнаю о вашей судьбе. Обо мне, еще и еще прошу, не беспокойтесь. Ведь я прав, а правда наверняка победит. Ведь слишком все грубо строится. Несмотря на то, что я был лишен официальной защиты, лишен права выставить свидетелей — все же ложь удалось раскрыть очень и очень много.

Теперь о жите-бытье. Кончите уч. год, выезжайте в Томск обязательно, независимо от исхода дела. Особенно прошу взять себя как следует в руки, и обо мне не беспокоиться. Я в ЦК ВКП(б) написал, что то, что проделали надо мной в Н—Черк., могут поступать и глумиться только враги народа, оказалось это действительностью, когда я узнал, что Шейнин, Федин, Бородулин и др. разоблачены, эти подлые троцкисты, то мне стало понятно, почему они так издевались надо мной. Я об этом сейчас написал в ЦК, когда узнал обо всем из писем.

Ну всего-всего наилучшего. Крепко, крепко целую моих милых, родных, дорогих. Если ты это письмо получишь, я буду очень и очень рад, хотя вероятностей мало, но случайности бывают. Ваш папа Вова. Крепко обнимаю, целую.

Встретил таких знакомых здесь, что поражен этим.

5 мая 1937 г.

Здравствуйте, мои милые, родные, мои дорогие Нюшенька, Люсеночка и Вовасенька!

Изболелась душа, что не знаю о вашем здоровье, не знаю, как живете, и что не могу сейчас ничем вам помочь. Я жив и здоров. Обо мне не беспокойтесь. Я прав, поэтому легко переживаю. Личное мужество меня не покидает, а раз так, то беспокойство только за вас, а остальное будет разбито так же, как это было разоблачено 8 марта. Одно меня крайне поражает, что ради сохранения авторитета других решили издеваться надо мной.

...Это со всей силой вскрылось на разборе. Но беда, что разбор был в закрытом заседании, где я лишен был защиты, лишен вызова и опроса свидетелей, к тому же им невыгодно было решить самим, и поэтому вынесли идиотское решение: «В силу резко противоречивых показаний свидетелей, дело разбором приостановить и послать крайпрокурору на доследование (на какое?). Мера пресечения оста-

вить — содержание под стражей». Я написал прокурору два заявления. Кроме того, написал Вышинскому, в ЦК ВКП(б), в Комиссию партконтроля при ЦК ВКП(б), но мне нет ниоткуда ответа, а дело сейчас у краевого прокурора, время достаточно для его доследования. В чем меня обвиняют? Обвиняют в том, что я все это скрыл, вступая в партию. Значит, я скрыл не совершенные мной никогда преступления. От меня требуют, чтобы я признал не совершенные мной проступки. Это выше моих сил. Клеветать на себя я не могу. Какое идиотство! Статья Уголовного кодекса 169 ч. 2 говорит о подделке чеков, а не о нарушении устава партии. Поэтому пусть еще помышляют. Я писал и крайпрокурору и выше, что собранные материалы на меня исключительно ложные, но у нас судят по характеру записанного, а не по истине.

Прошу вас об одном, чувствуйте себя спокойно, за судьбу мою чувствуйте тоже спокойно. Доказывая истину, невинность, я черпаю неиссякаемые для этого силы. Я прав и буду добиваться правды, невзирая на недопустимые, неслыханные сроки затяжки дела. Ньюшенька, родная, будь спокойна, будьте спокойны, мои родные детки, знайте, что я жертва подлой лжи, клеветы. А люди, кому надлежит вмешаться, относятся бюрократически ко всему этому. Ну, будьте здоровенькие. Целую.

Ваш папа Вова. Пишите Гане. ...не моя вина, я лишен писать, к сожалению.

22 мая 1937 г.

Милые, родные Ньюшенька, Люсеночка и Вовася!

Я еще не уехал. Отправят не раньше 26/V. Попытайся получить свидание и кое-что передай из сухих продуктов. Пропуск возьми у Рыжакова. Будьте, милые, родные, здоровые. Целует вас крепко ваш папа Вова. В. П.

28 мая 1937 г.

Милая Ганя!

Привет. Я здоров. Меня 20 мая из Томска возили в Кривошеино на допрос и объявили, что дело следствием закончено, меня до суда снова 27/V отправили в томскую тюрьму. Я прошу вас, это письмо пошлите Нюре. Кроме того, я вам шлю адрес своего брата Александра.

Бакчарский район Нарымского округа
Зап.-Сиб. края, Райпотребсоюз

Александр Николаевич Полубятко.
Напишите ему, пусть вышлет мне посылочку продуктов, потому что месяца два, наверное, придется сидеть до суда, а с питанием плохо. Напишите мне, как только получите это письмо, о моей семье, как она живет, и что думает делать Нюра после учебного года. Привет Вам. Адрес пишите так: Домзак, Иркутская, 10, след. корпус, Петровскому В. Н.

...Дело закончено, и я с ним ознакомился и меня снова до суда направили в Томскую тюрьму, а дело пошло сначала в Колпашево к окрпрокурору и окрНКВД, а затем пойдет в Н-Сибирск крайпрокурору по спецделам и НКВД и только после этого суд. Я бы уже хотел, чтобы скорее был суд, чтобы скорее осудили, то я быстрой был бы на свободе. При доследовании больше всех нагнал Тимофей. Это человек, который ради подхалимства оклеветал до невозможности. Он подлец, он гнусь, нет ничего подлее в мире его.

...вы прежде всего будьте спокойны за меня, помирись со всем и знайте, что я не погибну, настанет час, когда я снова буду с вами. Справляйтесь через Ганю, где я. Ньюшенька, я буду думать, что вы будете в Томске, поэтому я все буду посылать в адрес Гани. Я от нее получал передачи. Разрешают только 1 раз в 10 дней. Деньги у меня есть, иногда с трудом можно купить в тюрьме хлеба, но этого очень трудно добиться. Ньюшенька, ведите себя очень осторожно. Не вступайте ни в какие разговоры, не зная людей...

5 июля 1937 г.

Милые и родные Ньюшенька, Вовасенька и Люсеночка!

Я жив и здоров, об этом не беспокойтесь. Другое дело, что вот уже 17 месяцев безвинно страдаю, страдаете и переносите невероятные мучения и вы... Но моя невинность всегда вселяет в меня силу воли к мужественному переживанию. Беспокоюсь об одном. О вас, моих милых, моих родных. Здоровы ли? Как вы ехали, благополучно ли? Здоровы ли мама? Вот все это ужасно меня волнует. Дело вторичным расследованием закончено 25 мая и услао через органы НКВД крайпрокурору по спецделам. Обвинение: сокрытие компрометирующих фактов в деятельности, якобы имевшейся в 1919 г. Все основано на исключительной

19 августа 1937 г.

лжи и клевете Тимофея, который дошел до наглости, даже показал следствию, что в 1920 г. я предволревкома не работал!.. Подлец, он не знает того, что там же в ЗАГСЕ при райНКВД имеются книги актов и записей браков за 1920 г., на которых стоит моя подпись, как предволревкома. Поэтому-то меня решили до суда держать в тюрьме, чтобы я не мог документами опровергнуть лжи. Но если снова будет разбирать спецколлегия в моем присутствии, я потребую этого и раскрою снова, как и в первый раз, всю ложь и клевету, на меня возведенную. Ньюша, походатайствуй лично перед крайпрокурором ускорения разбора дела и поставь вопрос об освобождении под подписку. Я должен был быть освобожденным, но тут дело уже принципа, и боязнь вторичного провала, как это имело место 8—9 марта. У него же можно взять и разрешение на свидание со мной, добивайтесь личного свидания. Мотивируйте длительностью. Спишись с Саней, пусть выедет. Мне, кроме питания, ничего не нужно. Остаюсь здоров, любящий вас ваш папа, муж Вова. Целую крепко-крепко всех. Бесконечно благодарю Ганю, целую. Володя.

Милая и родная Ньюшенька, дорогие мои Люсеночка и Вовасенька! Здоровы ли вы? Как здоровье Люсенки? Меня очень и очень беспокоит ее болезнь. Я здоров, чувствую себя хорошо. Хотя короткая встреча с вами, но она дала мне новую силу, новую бодрость и мужественность. Я, правда, и не допускал себя к упадничеству. Наоборот, моя правота и невиновность дает силы и мужество переносить все лишения нравственные и моральные. Меня крайне удивляет одно: почему так либерально поступает краевая прокуратура против недопустимо длительной затяжки дела Кривош. след. органами? Почему до сих пор не поняли и резко не вмешались с тем, чтобы предотвратить ту тенденциозность и пристрастность при ведении дела, а это достаточно убедительно было доказано мною на суде спецколлегии 8 марта.

Ведь все, что в течение года было собрано, на суде мною документами и свидет. показаниями разбито. Нужно было ошибку признать и исправить ее, но Кипервас ее дальнейшим ведением дела усугубляет. Это с убедительностью подтверждает, что прокуратура третий раз вернула им на доследование и опрос моих свидетелей, чего они всячески старались не выполнять, но, с другой стороны, это к лучшему.

Милые Ньюша, Люсенька и Вовасенька!
Шлю привет! Желая наилучшего для жизни и работы. Я здоров, бодр и прошу вас не беспокоиться.

Нахожусь в Колпашево. Всем, что нужно, обеспечен, но у меня сейчас единственная необходимость в деньгах, руб. 50—60 нужно. Прошу телеграфом перевести на адрес: Нарым, окротдел НКВД Степанову Ал-дру Терентьевичу, для меня. Еще раз прошу, не беспокойтесь. Во всяком случае, скоро сможем работать и жить вместе. Целую всех крепко-крепко. Ваш папа Вова.

Агаф. Прокопьевна, привет! Прошу Вас, обязательно и быстрее пошлите мое письмо Нюре. Я не знаю, где они. Ньюша, прошу, письмо и телеграммы пиши на имя Степанова. Все, что будет у тебя возникать трудного, обращайся телеграфно. Жду.

Через сорок пять дней после этого последнего письма Владимира Николаевича Петровского не стало. Его расстреляли 4 октября 1937 года.

ИЗ ДНЕВНИКА ЗАКЛЮЧЕННОГО

В архиве «Мемориала» хранится неприметная общая тетрадь, в которой конспекты по истории, стихи и песни, высказывания знаменитых людей чередуются с записями о себе и своей судьбе.

Это тетрадь Владимира Васильевича Мовмыго, которую передала «Мемориалу» его жена Лидия Семеновна Вебер-Мовмыго. В. В. Мовмыго родился 24 ноября 1906 г. в г. Гродно. По специальности авиатехник. В годы войны работал в авиационном училище, эвакуированном в Омск. После войны, возвращаясь поездом на Украину к родным, мимоходом обронил фразу: «Долго ли нашей страной будет править нерусский?» Это стало поводом для ареста. В заключении В. В. Мовмыго находился с 17 января 1947 г. по 25 июля 1956 г. Прошел лагеря Воркуты и Иркутской области. Вместе с И. Г. Артамоновым и И. В. Добронтаном активно участвовал в Воркутинском и Иркутском восстаниях заключенных. После освобождения жил в Новосибирске. Умер 18 апреля 1980 г.

***

16 июня 1955 г.

Чем объяснить гнетущее чувство, нигде не нахожу места. Шесть лет назад в этот день, шестнадцатого июня, начинался судебный процесс по второму делу. Вся картина запомнилась и свежа в памяти.

Пятый месяц нет писем от Нины, сына, гробовое молчание. Письмо Н. не облегчило, а еще больше отяготило боль сердца, болит душа, что-то необъяснимое гнетет...

Все это, мне кажется, следует объяснить общей усталостью, как физической, так и моральной, иногда появляется желание уйти, отмежеваться от всего, уединиться и не слышать гудков, железного лязга, всего громоздкого, металлического, что, кажется, давит на тебя, даже человеческие лица кажутся обременяющими.

17 июля 1955 г.

Опять предвидится дорога — хотя официальной информации по этому вопросу нет, но интуиция заключенного редко оставалась неоправданна. Принимая во внимание эти слухи, 28/7 и 2/8 передвигаем несколько вперед, чтобы отметить эти даты с И. Гр. Арт. на 19/7-55, отмечая в узком кругу товарищей.

20 июля 1955 г.

Вот и оправдана интуиция зека — двадцатое число июля, быстрые короткие сборы и погрузка в эшелон. Куда?? Это открыто мраком неизвестности, со стороны лагерной администрации, как обычно, хитрое объяснение, удовлетворяющее массу, чтобы избежать эксцессов и гладко сбыть с рук.

21 июля 1955 г.

В пути выявляется явный обман — эшелон движется строго на восток по незнакомой дороге. Видно, что построена год-два назад, впереди голая тундра, приближаются предгорья Урала, уже заметны вымоины в горах, кое-где белые полоски снега. Необычная для этих широт жара.

В. В. Мовмыго.
Печора, 1948 г.

23 июля 1955 г.

Третий день в вагонах. Соити отказались. Была применена грубая физическая сила в первый день по прибытии. В вагонах забаррикадировались, заклинили дверь, в течение часа солдаты ломали, взламывали двери. После, ворвавшись в вагон, выбрасывали зекон, хватая за ноги, за руки, раскачивая, как тюки, бросая на путь, стараясь отличиться перед наблюдающими офицерами ЧК. Вслед за людьми на голову летели вещи.

Упорство было крайнее. Сцепившись за руки, в зону мы идти наотрез отказались. Освирепевшие солдаты, отобранные для этой цели во главе с офицерами ст. опер. и ст. лейтенант. Остиним, избивая нас, поволокли через пути в зону. Окруженный пулеметами и автоматами эшелон бесновался, неистово кричал, требуя возвратиться нас в вагон. Спустя два-три часа, видимо, боясь, что мало сил, нас вернули в вагон.

Мы требуем прокурора, он явился к вечеру, но нас не удовлетворил.

27 июля 1955 г.

Прибыл эшелон солдат, окружили плотным кольцом автоматчики и пулеметы, ворвались в вагоны и снова началось избиение, жестокая расправа. Я в числе пяти под сильным конвоем отправлен прямо с эшелона в штрафной, дальнейшее неизвестно. Жаль, что расстался с Ильей Гр. А. Здесь встретился с людьми, чувствую, что и здесь не один. Вчера прибыли с ТЕЦа — там тоже расправа. В зону ворвались с оружием. Много разбитых лбов, ломаных рук, ног. Что это — гуманность? Седьмая получила «свободу» — открыты ворота, снята охрана с вышек, но люди на работу не идут. Чем это объяснить?

28 июля 1955 г.

Четвертый день сидим в вагонах без воды и пищи. Жара ужасная, люди изнемогают, слабые начинают терять сознание. Комиссия из Москвы в лице зам. нач. ГУЛАГА Барбанова и зам. прокурора СССР не сочла нужным разбираться. Попытка вызвать на провокацию обошлась, можно считать, легко — один раненый (Черный Федя).

1 августа 1955 г.

Мы ведем жизнь безмерно тяжелую, полную невыносимого страдания и гнета, изнуряющего труда и недоедания. Жизнь без личных интересов. Личной жизни нет. Нашему поколению тяжелее, чем нашим отцам, но в одном мы счастливее наших отцов: мы знаем опыт борьбы их, однако вести ее далеко труднее.

30 октября 1955 г.

Последние дни перед отъездом из Воркуты. Сегодня 30 октября. С шахт прибывают все еще люди, неугодные на взгляд... Направление этапа точно неизвестно, ходит множество предположений: Потьма, Караганда, Тайшет, но ничего точного. Настроение у всех хорошее, всем надоело быть в Воркуте, и каждый не прочь ускользнуть, ибо уверен, что худшего климата ему вряд ли придется встретить.

Воркутинский климат вызывает заболевания сердца, гипертонию и уносит вообще много здоровья.

2 ноября 1955 г.

Последний день в Заполярной Воркуте. Скорей бы, скорей вырваться из этих диких просторов, тундры, вечной мерзлоты, где подчас не успеваешь заметить и лета, так оно бывает коротко, иной год теплых дней не более 7—12.

А в этом году необычайно долго тянется тепло, снег выпал позднее обычного, что заметно не только старожилам, но и нам, кто пробыл в этих широтах десять, двенадцать, пятнадцать лет, неся ярмо...

Ночь второе на третье ноября. Садимся в вагоны. День простояли в тупике. Тронулись. Позади остаются дымящиеся Терреконики со своими красными и синенькими огнями. Исчезли Воркута и ее пригороды, кругом пустынная, заснеженная тундра. И монотонное сухое постукивание колес по рельсам промерзшей почвы.

Четвертого проехали Печору. Узнать ее уже нельзя, это не та Печора, когда я прибыл в нее в 1947 г., она только заложена была; стояло несколько стандартных домов среди просеки, пней и редких, беспорядочно разбросанных сосен и слей. Кругом строят материалы, вышки охраны. Сейчас это упорядоченный город, оформились улицы, палисадники, приличный вокзал, город с избытком освещен. В строительство его вложена и моя каторжная лепта. Место трудно узнать. Исчезли вышки, как будто их и не было, город преобразился и принял свой облик.

Тундра сменилась тайгой. По обочинам ж. д. потянулись еловые леса. Седьмого ноября прибыли в Киров. Здесь пришлось столкнуться с неприятностью. Наскочили на хвост впереди идущего поезда, смяли восемь вагонов, обошлось все благополучно, без жертв. В пути не обошлось без инцидента — в одном из вагонов был ремень...

Восьмого прибыли в Молотов (Пермь). В пути много интересного. Нельзя не признать, что после войны многое изменилось, преобразовалось в лучшем виде, стало мощнее, выросло и приятнее ласкает глаз. Виднеются новые заводские трубы, много высится новых зданий, исчезли следы разрухи после войны. Всюду высятся на новостройках башенные краны. Но наряду с этим далеко еще неприглядно выглядят колхозные стройки, говорящие сами за себя покосившимися избами, пустынными и разгорюженными дворами.

Проехали гористый Урал, и перед нами раскинулись широкие просторы знакомой Азии. Петропавловск на стыке Казахстана и Сибири с ее перелесками и степями. Простор, редкие селения, здоровый климат. Омск, Новосибирск совершенно преобразились, стали неузнаваемы. На прогоне Омск — Новосибирск ходят электропоезда, линия строится дальше к Уралу. Новосибирск стал одним из культурных центров сибирских городов. Ночью утопает в море огней. Его пригород стирается — за ним вырастают массивные многоэтажные каменные здания. Много хорошего...

26 ноября 1955 г.

Иркутск.

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества...»

Лучше смерть в бою, чем жалкое существование в неволе.

— Подымется мститель суровый
И будет он нас посильней...

3 апреля 1956 г.

Много ли человеку нужно, чтобы нарушить и без того расстроенный ритм его жалких будней. Унижен. Отнято у тебя все буквально: воля, семья — все, что определяет понятие — жизнь... Сегодня четвертый день не нахожу места, письмо сына пришло. Столько печали, тревог. Вера молчит. Но я знаю, что ей тяжело одной, без достаточных средств, чтобы подкрепить Виктора, а ты можешь быть лишь жалким свидетелем...

Господи, неужели ты отвернулся? Жизнь только может быть построена заново...

31 мая 1956 г.

Хочется выразить многое. Настало время, когда мыслей много. От каждого дня чего-то ждешь, ждешь судьбы своего дальнейшего. От В. писем нет. Связи семейных уз давно нарушены, долгие годы стерли те скрепляющие основы, на чем базируется семья. Одиночество тягостно, друга возродить нелегко. Не в каждом человеке, в ком искал, чтобы

разделить свой жизненный путь, ты находишь друга, вполне понимающего тебя и разделяющего твои радости и невзгоды, облегчающего своим ласковым словом каменной глыбой придавленную душу. Тревоги о Викторе не оставляют, а писем нет. Разлука выхолодила чувства к отцу, бедный мой мальчик, ты не знаешь, что такое ласка отца, его забота... Все омрачает, тоскливо, одни письма Л.С. все-ведь и этот человек обойден дарами жизни, изведал столько тернистого в жизни пути, невзгод и огорчений. Да, ты прав, мой дорогой друг, тяжело жить в окружении тех, кто живет так, как должен был бы жить и ты, если бы горькая судьба не встретила тебя. Правильно гласят чьи-то слова: «Подлинное испытание состоит в страдании и счастье, и, только изведав в жизни на своем пути и то, и другое, два существа, сумевшие проявить себя — свои недостатки и свои достоинства — и изучив характеры друг друга, дойдут рука об руку до могилы». Я ценю и уважаю тебя, и мне становится легче, когда искренне, задушевно делюсь с тобой...

Прошел год. Завтра 16 июня 1956 г.

Оживление. Завтра уходим на этап ближе к Тайшету. Решается судьба, кому улыбнется фортуна, кто обнимет свою старушку мать. Счастлив тот, кого обожгут заждавшиеся детские поцелуи.

27 июня 1956 года

Прошло десять дней после того, как выехали с 308. Новое место совершенно разрушено, разбито, лагерь был намечен для актирования. Кое-как устроились, постепенно все наладилось и как будто уже здесь давно. Мы прибыли первыми. Люди продолжают поступать. Вчера прибыли с 043. Комиссии все еще нет. Чем порадует она? Как хочется на волю, именно сейчас — летом, когда все живет под согревающими лучами летнего солнца. Сколько уже лет не пробовал свежих овощей...

26 июля 1956 г.

Вихоревка, ОЛП* 013

Новая страница в жизни — от существования к жизни. Сколько тревог-переживаний. Радость. Мысли роятся без

* ОЛП — отдельный лагерный пункт.

конца. Исчез сон. Я здесь, а душа далеко в кругу родных. Второй десяток лет разделяет нас. Не всякому понятны эти короткие переживания души. Я не мечтал, не ждал. 23 июля получил неожиданную свободу. Короткие сборы. Сегодня на 013-ом, откуда в путь к родным, к свободному труду, к свободному — не из-под штыка. А вот и лес, река, иду свободно, куда хочу, как отвык от этого обычного. Сзади нет автоматчика, собаки. Река, лес, как легко дышится, как приятно в реке. Но впереди еще будут трудности. «Новая», забытая давно жизнь, иные заботы... Чувствуешь ли ты, моя старенькая мама, что я обниму тебя со слезами радости, обниму без меня выросшего сына? Господи, сколько сил ты даешь мне. Впереди путь в самое лучшее время года, далекий долгий путь, но радостный...

27 июля 1956 г.

В пути Лена — Красноярск.

Позади остается Ленская магистраль. Не так давно здесь была дремучая тайга. Чудная, богатая природа суровой Сибири со здоровой, сухой и морозной зимой и жарким летом. Здесь начинается кипучая жизнь за овладение Ангарских вод. Жизнь со своими обычными причудами новостроек... разнообразием мод, несет свои разнообразные пережитки дикости..., где были непроходимые леса, ютятся, местами переходят в бурный рост, поселки.

1 августа 1956 г.

Снова путь — Чаны. Эти дни останутся в памяти как лучшие, хотя столько тревог-переживаний и радости. Я все же не ошибался в человеке десять лет тому назад. Какой прекрасной души Л. С., чем я заслужил эту чуткость? За что?

ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Утверждено Заседанием Комиссии
«2» августа 1930 г. прот. №

Инструкция № 5 о порядке оплаты труда и условиях работы спецпереселенцев, работающих в хозорганах

1. На спецпереселенцев, работающих в хозорганах, в отношении снабжения их продовольствием, спецодеждой, промтоварами и коммунальными услугами (общеежития и проч.), распространяются все нормы, предусмотренные для вольнонаемных рабочих.
2. Заработную плату спецпереселенцы получают непосредственно от хозоргана по тарифным ставкам и соответствующим исполняемой работе разрядам и в сроки, установленные для вольнонаемных рабочих...
5. Для спецпереселенцев при добросовестном отношении к работе устанавливается 8-ми часовой рабочий день.
6. В случаях невыполнения установленных для вольнонаемных рабочих норм выработки, начиная со следующего дня, рабочий день, распоряжением старшего охраны, увеличивается до 10 часов.
7. Рабочий день до 10 часов увеличивается и в случаях симуляции, небрежного отношения к инструменту, инвентарю и при наличии недоброкачественной работы.
8. Кроме указанных случаев, рабочий день до 10 часов и выше может быть увеличен по желанию самих работающих.
9. На работах спецпереселенцам, не допускающим нарушений, указанных в п. 6 и 7 настоящ. инструкц., предоставляется право, в соответствии с условиями работы, свободного подбора рабочих групп или бригад, но в каждом отдельном случае обязательно с ведома старшего охраны.

10. Наблюдение за замерами и подсчетами при сдаче сдельных или аккордных работ администрации хозоргана возлагается на охрану, представитель охраны подписывает все ведомости и акты замеров.

11. В случаях конфликта спор разрешается только с участием старшего охраны.

12. Допустившие нарушения, предусмотренные п.п. 6 и 7 Инструкции, сводятся на работы в штрафные группы или бригады на срок от 3 до 5 дней и определяются распоряжением старшего охраны на более тяжелые работы с усиленным конвоем и с обязательным отчислением 25% от заработка за все время нахождения в штрафной группе независимо от размера заработка.

13. В случаях побега с работ или отлучек за пределы территории, установленной старшим охраны, а также систематические нарушения п. 6 и 7 Инструкции виновные немедленно снимаются с работы с преданием суду по 82 ст. УК или этапным порядком направляются на поселение на далекий Север — Туруханский край (Игарка).

14. В каждой группе или бригаде работающих устанавливается круговая порука с последствиями, в случаях побегов одного или нескольких человек из группы или бригады для всей группы или бригады, предусмотренными п. 13 Инструкции.

*Начальник комендантского
отдела СКАУ* *Конопелько*

1/VIII — 1930 г.

П Р И М Е Ч А Н И Е *

Данная инструкция была разработана Комиссией Сибкрайисполкома по устройству и хозяйственному использованию спецпереселенцев. Несмотря на подробное обоснование необходимости приравнять спецпереселенцев по оплате труда и условиям работы к вольнонаемным рабочим, эта установка никогда не выполнялась. Напротив, документы начала 30-х годов переполнены фактами вопиющих нарушений в оплате и режиме труда спецпереселенцев. Однако во всех случаях СИБЛАГ регулярно контролировал взимание с заработка процентных отчислений, поскольку они шли на счет СИБЛАГа. Не менее жестко исполнялась вторая часть инструкции — о штрафах и санкциях по отношению к «недобросовестным» работникам, в число которых могли попадать больные, беременные жен-

* Все примечания к документам о спецпереселенцах подготовлены С. Красильниковым.

щины, продолжающие работать из-за пайка, и т. д. Для предотвращения побегов вводился принцип круговой поруки. Все это вместе взятое характеризует труд спецпереселенцев как разновидность труда принудительного и никак не исправительного, о чем говорилось официально.

РСФСР
КОМЕНДАНТСКИЙ ОТДЕЛ
Западносибирского
исполнительного комитета
25.III.31 г.
№ 71/с
г. Новосибирск

КРАЙСПОЛКОМУ

К о п и я: П П ОГПУ тов. ЗАКОВСКОМУ
КрайЗУ

Начальника Комендантского
Управления ЗСКИК

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Об организации совхоза на Галке.

Операция заселения Нарымского края и освоения его спецпереселенцами производилась до сего времени, минуя бассейн р. Галки, находившейся в сфере влияния быв. РПУ*, в т. ч. Галкинский массив оставался как бы в кольце наших комендатур — Шегарке, Парбиге, Тои, а на самой Галке временно была расположена небольшая группа наших хозяйств, долженствующих быть переведенными на север. Вследствие этого обширные «Галкинские Гривы» площадью в 70—75 тысяч га, могущие при известных затратах быть приспособленными к эксплуатации в сельском хозяйстве, находящиеся в абсолютном несоприкосновении с туземным населением, оставались почти неиспользованными. Однако, обладая обширными пространствами гарей площадью, легко поддающихся раскорчевке, имея большое количество чистых мест, требующих незначительной очистки, превосходя другие районы Нарымского края превосходными почвенными свойствами, обеспечивая в широких размерах произрастание маслотехнических культур и даже пшеницы, предоставляя скоту, даже на первое время, удовлетворительный подножный корм, обеспечивая в обширных размерах занятие пчеловодством, охотой, рыболовством, предоставляя большой лесной фонд для технической и химической его переработки, занимая в нашей дислокации центральное географическое положение, — Галкинские Гривы представляют собой плацдарм, на котором мы можем развить мощное показательное земледельческо-лесья-

* РПУ — районное переселенческое управление.

ное и скотоводо-конеководческое хозяйство, могущие питать продовольствием, семенами, рогатым скотом, породистыми лошадьми, свиньями, продуктами молочного хозяйства, медом и кустарными изделиями не только наши комендатуры, но также и весь Нарымский край. Географическое положение Галки предоставляет ей в настоящее время исходный пункт, откуда, с одной стороны, на восток, прокладывается тракт Томск — Галка на протяжении 240 км, причем заново должно быть проложено 40 км расстояния, а с другой стороны, на запад, через наши Андарминские фонды, Парбигскую комендатуру до Кенги — 100 км и далее до Шерстобитовской комендатуры на Чузике, и в перспективе продолжение пути на Васюганье, объединяя таким образом большинство наших комендатур и создавая связь в непроходимых пространствах и между важными по своим колонизационным перспективам пунктам, отрезанным друг от друга болотами и тайгой.

Имея задание составления промфинплана прямо на месте, настоящим излагаем в схематической форме производственную программу по Галкинскому совхозу-комбинату с 1-го апреля по 1 декабря 1931 г. Виды хозяйственной деятельности следующие:

1. сельское хозяйство,
2. скотоводство,
3. коневодство,
4. молочная ферма,
5. свиноводство,
6. пчеловодство,
7. строительство,
8. дорожное строительство и
9. разные кустарные производства.

...Таким образом, вкладывая в этом году около 700 тысяч руб., Комендантское управление создает экономическо-культурный центр на севере. Проведение же таких громадных работ возможно только при заброске на Галку 6—8 тысяч вполне трудоспособных спецпереселенцев и жесткой эксплуатации их в течение двух-трех лет, т. к. для того, чтобы проложить дорогу, осушать болота, произвести раскорчевку гарей и рек, сделать их судоходными, потребуются колоссальная затрата человеческого труда, и только в этом случае возможно ожидать, что все капиталовложения будут возвращены сторицей, а труд, затраченный на обработку, оживит север и даст громадный толчок к колонизации и освоению севера в направлении Васюгана. Для осуществления всего намеченного Комендантский Отдел уже

Один из поселков Парабельской комендатуры.

приступил к заброске на Галку спецпереселенцев. Помимо выселяемых, Комендантский Отдел намерен в мае месяце собрать на 3 года тылоополченцев* из всех северных комендатур, каковых наберется 500 человек.

Докладывая о деятельности и принципиальности направления хозяйства совхоза, прошу рассмотреть и санкционировать наши мероприятия.

Начальник Комендантского Отдела Долгих

25.III—31 г.
г. Новосибирск

ПРИМЕЧАНИЕ

В документе опущены расчетные цифры капиталовложений для организации Галкинского совхоза.

Докладная записка об организации силами спецпереселенцев совхоза-гиганта на территории «Галкинские Гривы» (территория нынешнего Бакчарского района Томской области) не случайно родилась в недрах Комендантского отдела Запсибкрайисполкома. Отдел, занимавшийся вопросами размещения и хозяйственного использования раскулаченных семей, являлся в 1930-м, — нач. 1931 г. связующим звеном между СИБЛАГом и краевой властью. Через некоторое время его функции перешли к СИБЛАГУ. И. И. Долгих, зарекомендовавший себя инициативным работником,

* Речь идет о 3-х призывных годах.

Снимок «на память».
Командант поселка с детьми спецпереселенцев.

стал помощником начальника СИБЛАГа, а с весны 1933 г. сделался начальником самостоятельного ведомства — Отдела трудовых поселений (так стали называться поселки спецпереселенцев) ОГПУ — НКВД.

Сама же реализация кабинетно-бюрократического проекта полна трагедийных моментов. До конца последовательно воплощался только один тезис — «жесткая эксплуатация 6-8 тысяч вполне трудоспособных спецпереселенцев в течение двух-трех лет». Вручную через Бакчарские болота прокладывалась дорога от Томска до Галки, осуществлялась изнуряющая раскорчевка сотен гектаров территории, создавалась инфраструктура (хозяйственные и жилые постройки), завозился племенной скот. Масштабы потерь в населении Галкинской комендатуры отражают «издержки» режима спецпоселений: с осени 1931 г. по осень 1932 г. численность уменьшилась с 7,4 тыс. человек до 5,9 тыс. человек (примерно на 20%). Не случайно руководство СИБЛАГа в срочном порядке перебросило 1000 семей из Парбигской комендатуры в Галкинскую. И хотя в последующие годы численность комендатуры была доведена до 11—12 тыс. человек, работы по созданию образцово-показательного СИБЛАГовского совхоза так и не были завершены, а название «Галка» в среде спецпереселенцев других комендатур было нарицательным символом бессмысленной эксплуатации человеческого труда.

Штамп Сиблага
Отдел оргинспектора
• • июня 1933 г.
№ СМ—22—690
г. Новосибирск

СЕКРЕТНО
В Западно-Сибирскую
Краевую Контрольную
Комиссию ВКП (б) —
Рабоче-Крестьянскую инспекцию

На служебную записку № 10—02 от 9.5.33 г.
К о п и я: Команданту участковой Комендатуры

Согласно директивам центра трудпоселенцы имеют право вступать в брак с правовыми гражданами. Однако

Детский дом в Нарымском крае.

такое вступление в брак несколько не меняет правового положения супруга из трудпоселенцев.

Вследствие этого трудпоселенцы (нки), вступившие в брак с правовыми гражданками (нами), должны тем не менее проживать в трудпоселках, о чем Сиблагом дано указание Комендатурам ОГПУ № ОИ—21—762 от 20.XI.32 г.

Ввиду этого сельсоветы, выселяющие трудпоселенков, как жен колхозников, по существу правы.

В тех случаях, когда такие трудпоселенки своим поведением и отношением к труду заслужили восстановления в избирательных правах, им надлежит возбудить через свою Комендатуру ходатайство о восстановлении в правах, до удовлетворения которого они, однако, правом проживания вне трудпоселков не пользуются.

Дети от брака т/п с правовыми гражданами (нками) следуют состоянию того родителя, на иждивении которого находятся.

Вследствие этого, дети, находящиеся на иждивении правового родителя, должны быть отнесены к категории правового населения и выселению из старожильческих поселков не подлежат.

Пом. Нач. Сиблага ОГПУ — Долгих
Ст. инспектор по оргработе — Буробин

ПРИМЕЧАНИЕ

Служебная записка, направленная СИБЛАГОм в советские органы и комендантам всех участковых комендатур летом 1933 г., рельефно вскрывает сложившееся положение в области гражданских (юридических) прав, а точнее — практического отсутствия таковых у спецпереселенцев, которые с весны 1933 г. стали в документах официально именоваться «трудоселенцы». Таким было общество тридцатых годов, где пропасть между «правовыми» и остальными («неправовыми») гражданами пролегла и через семьи. Если отбросить в сторону процедурные разъяснения записки и обнажить суть дела, то ясно, что вступающий в брак со спецпереселенцем фактически обрекался на существование в режиме спецпоселений. Шансы восстановления в правах у раскулаченных появились только во второй половине тридцатых годов. Однако, и добившись «правового» положения, многие оставались жить там же, ограниченные в передвижении отсутствием документов.

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

ПОПОВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

Родился в г. Ворошилово Уссурийской области (бывший г. Никольск-Уссурийск Дальневосточного края) в семье железнодорожного служащего. Детство писателя прошло в г. Барнауле, где его отец, бросив службу, решил «осесть на земле». На Булыгинской заимке, недалеко от Барнаула, отец завел опытное садово-огородническое хозяйство. Однако жизненные планы Б. Н. Попова были далеки от сельского хозяйства. Он посвящает себя культурно-просветительной работе. Юность Попова связана с Барнаульским Пролеткультом. В 20-е гг. он начинает пробовать себя в журналистике. В газете «Красная Ойротия» появляются его первые очерки. 17 ноября 1937 г. Б. Н. Попов был обвинен в контрреволюционной деятельности, заключен в тюрьму, где находился под следствием около года. 21 сентября 1938 г. освобожден за отсутствием доказательств по предъявленным обвинениям.

Дальнейшая его жизнь связана с Горным Алтаем. Много лет он отдает становлению и развитию радиовещания в Ойротии. В начале 40-х гг. Попов возглавляет горно-алтайский радиокомитет. Последние годы жизни Б. Н. Попова проходит в Новосибирске. Здесь выходят его книги: «Кир из Порт-Артура», «Это ты, молодость», «Лук багыров», «Рост», «Черный топаз». Неопубликованным остался роман Попова «Горький год», в котором нашли отражение факты биографии писателя, связанные с его необоснованным арестом в 1937 г.

*В ОЙРОТСКИЙ ОБКОМ ВКП(б)
от члена ВКП(б) Попова Бориса Николаевича,
партибилет № 4295068.*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

По поводу моего ареста и нахождения под следствием по линии НКВД в 1937—38 годах в дополнение к автобиографии сообщаю следующее:

17 ноября 1937 года я был вызван с работы (в Радиокомитете) по телефону в Облуправление НКВД старшим оперуполномоченным Хусундиновым. В управлении Хусундинов поручил заняться со мной лейтенанту Автухову, который в своем кабинете в присутствии двух коммунистов — Сороковых и Мацкевич предъявил мне ордер на арест. Все мои возражения ни к чему не привели. Я был заключен в ДПЗ*, а через два дня меня вызвал тот же Хусунди-

* ДПЗ — дом предварительного заключения.

Б. Н. Попов.

нов и в присутствии тогдашнего начальника Облуправления Дигунова начал допрос, предъявив обвинение по статье 58, пункты 3-7-11 УК РСФСР. Не оперируя никакими следственными доказательствами, не имея даже перед собой какого-либо «дела», Хусундиновым и Жигуновым мне предложено «сознаться» в том, что я состою в контрреволюционной повстанческой организации, целью которой является отторжение территории Ойротии в пользу иностранного государства (какого именно — неизвестно).

Все мои доводы о нелепости такого обвинения и требования документальных доказательств или свидетельских показаний во внимание не принимались ни в первый, ни в последующие допросы. Предлагалось сознаться без каких-либо четких формулировок в чем именно. Сами допросы проходили в обстановке применения законных и незаконных методов следствия (Хусундинов и Жигунов являлись мастерами по части последних).

В один из допросов мне было предложено подписать написанные кем-то «мои показания». Я отказался. Нажим начался еще сильнее. Наконец, взбесившись от непрерывных унижений и оскорблений, я решил «отыграться» и... дал согласие написать показания, но, выполняя указание написать политеатурное, сдал Хусундинову через секретаря Облуправления НКВД Василенко «повесть о «враге народа» и делишках горбатого уроды» (Хусундинов был горбатым), написанную в райешной форме. За эту «повесть» был избит и посажен в карцер с «коптилкой» на 15 суток. В карцере заболел — отнялись ноги. Допросы на том прекратились.

14 декабря 1937 года меня перевели в тюрьму Кызыл-Эзек, где я пробыл в следственном корпусе, ни разу не выходя из него, на дальнейшие допросы до 21 сентября 1938 го-

да. (В тюрьме заболел сыпным тифом.) При проведении своеобразной инвентаризации заключенных в мае 1938 года оказалось, что я ни в каких списках заключенных не числился, и меня тогда занесли явочным порядком. Никаких устных и письменных протестов и жалоб ни в какие адреса не принималось, на объявленную голодовку приезда прокурора не последовало также.

21 сентября 1938 года меня вновь перевели в ДПЗ Облуправления НКВД, и в эту же ночь я был вызван к тогдашнему начальнику Облуправления Буторину. После полчасовой беседы на тему о типах, характерах и «категориях» заключенных и моего категорического требования предъявить мне какие-либо доказательства по тем обвинениям, которые мне предъявлялись, в кабинет Буторин затребовал мои вещи, и я был выпущен «на волю», не получив даже на руки справки об освобождении из-под стражи. Такую справку уже по моей просьбе выдал мне дня через 3—4 комендант управления Лужцев.

Вот такая краткая история моего «подследственного периода».

До сих пор я не знаю, кому именно обязан в этом десятилетнем «отдыхе». Кто дал клеветнические показания и каковы они — также не знаю, потому что никаких материалов мне по ходу следствия не предъявлялось.

Единственной моей догадкой является то, что с Хусундиновым до ареста у меня был ряд столкновений по работе в горисполкоме и в отделе искусств, а будучи чрезвычайно мстительным типом, законченно аморальным существом, он мог просто в порядке отместки «засадить» меня, благо обстановка для него тогда была вполне благоприятной.

Член ВКП(б)

/Б. Попов/

ТРУС СОЛОМОН МОИСЕЕВИЧ

Приговор
Именем Российской Советской
Федеративной Социалистической Республики

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда
АССР

в составе председательствующего Хебирова С. Н.
народных заседателей Нехаева и Голубева
и секретаре Гареевой

с участием прокурора Шиндова
адвоката Ежова

рассмотрела в закрытом судебном заседании в городе Уфе
12 декабря 1951 г.

Дело по обвинению Труса Соломона Моисеевича 1897
рождения, уроженца гор. Брянска, из семьи кустаря-ша-
шника, по национальности еврей, бывшего члена
КП(б), исключенного в 1938 г. за участие в троцкистской
группировке, имеющего высшее образование, по профессии
преподавателя истории, женатого, участника отечественной
войны, имеющего правительственные награды: орден
«Красная Звезда», медаль «За победу над Германией», ра-
нее не судимого, до ареста жителя гор. Уфы, БАССР, ни-
когда не работавшего, обвиняющегося по ст. 58—10 ч. 2 УК
РСФСР.

Данными предварительного и судебного следствий,

УСТАНОВИЛА:

Трус С. М. с 1916 г. по 1920 год состоял членом «Бун-
д». В 1938 году то, что он скрыл эту принадлежность, а
также за скрытие своего участия в 1923 году в троцкист-
ской группировке из рядов ВКП(б) исключен.

После Великой Отечественной войны проживал в гор.
Уфе и, будучи враждебно настроен к Советской власти и
КП(б), используя национальные предрассудки, система-
тически среди своих знакомых проводил антисоветскую
агитацию и пропаганду, клеветал на внешнюю, внутрен-
нюю и национальную политику Советского правительства
ВКП(б), вел пропаганду новой войны.

А именно:

В марте месяце 1951 г.
в беседе с гр-ном Шнеером
клеветал на национальную
политику Советского пра-
вительства и ВКП(б) и ут-
верждал, что Советское
правительство и ВКП(б)
якобы проводят насильст-
венную ассимиляцию не-
русских национальностей
и истребление неславян-
ских народностей.

При этой же беседе
восхвалял предателя югос-
лавского народа Тито и им
установленный в Югосла-
вии режим и высказывал
клеветнические суждения
по адресу одного из ру-
ководителей ВКП(б) и
Советского правительства
и, кроме того, высказывал
резкие националистические суждения, утверждая, что од-
ну из национальностей СССР уничтожает только две си-
лы — фашизм и коммунизм...

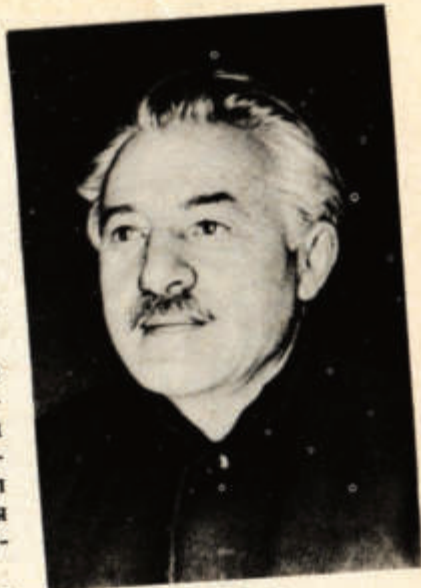
В апреле 1951 г. высказывал явно провокационные из-
мышления по адресу Советского правительства.

В апреле же месяце 1951 г. в беседах с Шнеером возво-
дил клевету на советскую науку, социалистический строй,
на руководителей Советского правительства и ВКП(б).

В мае месяце 1951 г. при беседе с гр-нами Гринбоим,
Сигал, Мордухович, Шнеер и другими высказывал антисо-
ветские националистические суждения, возводил клевету
на внешнюю политику Советского правительства, обвинял
СССР в агрессии против капиталистических стран.
(л.д. 52, 54, 59, 120, 131, 137 и протокол судебного
следствия)

Своими действиями Трус совершил преступление, пре-
дусмотренное ст. 58—10 ч. 2 УК РСФСР.

По существу предъявленного обвинения Трус виновным
себя признал, однако пояснял, что контрреволюционная
пропаганда и агитация, антисоветские разговоры среди сво-
их знакомых им велись без использования национальных
предрассудков.

С. М. Трус.

ВЕРХОВНЫЙ СУД

СПРАВКА

Судебная Коллегия
Самаркандской Республики

№ 02-ССС-3160-56

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 29 мая 1962 года, приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Башкирской АССР от 12 декабря 1951 года, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 17 января 1952 года, постановление Президиума того же Верховного суда от 6 декабря 1954 года и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 12 декабря 1956 года в отношении ТРУСА Соломона Моисеевича, 1897 года рождения отменены и дело в отношении его производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления, т.е. ТРУС С.М. по данному делу реабилитирован.

Председатель Судебной коллегии по
уголовным делам Верховного Суда СССР

П. А. Давыдов

Справка о реабилитации С. М. Труса. 1962 г.

Коллегия считает эти доводы не обоснованными, т. к. конкретным и непосредственным объектом антисоветских и контрреволюционных высказываний были люди из одной и той же национальности, причем почти все вопросы, о которых высказывал Трус свои антисоветские суждения, касались национальной политики Советского правительства и ВКП(б). Кроме того, высказывания Труса были направлены исключительно вызвать недовольство национальной политикой Советского правительства и ВКП(б).

Виновность Труса С. М. полностью доказана показаниями свидетелей Шнеер, Гринбоим, Сигал и Мордухович и признанием самого Труса.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 319, 320, 326 УПК РСФСР,

П Р И Г О В О Р И Л А:

Труса Соломона Моисеевича на основании ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР и руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26/V-47 г. «Об отмене смертной казни» — подвергнуть заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком на двадцать пять (25) лет с поражением в избирательных правах на пять (5) лет с конфискацией имущества.

Меру пресечения не изменять — Труса С. М. содержать под стражей в Уфимской тюрьме № 1 МВД, БАССР.
Срок отбытия меры наказания исчислять с 29 мая 1951 года.

Взыскать с Труса С. М. в пользу 2 юрконсультации гор. Уфы, за выступление адвоката Ежова гонорар — двести пятьдесят (250) руб.

Приговор может быть обжалован в УСК Верховного Суда РСФСР в течение 72-х часов с момента вручения копии приговора.

Председательствующий
Нарядседатели:

Хабиров
1. Голубев
2. Нехаев

Председатель
Верховного Суда БАССР

Сайгариев

Автобиография

Родился я 18 декабря 1883 года в Пермской губернии Соликамского уезда Белооевской волости, деревне Пруд-Дор в крестьянской семье. Окончил сельское начальное училище (3-х классное) в 1896 году.

В 1900 году в июне м-це переехали в Сибирь и 8 июля того же года приехали в село Маслянино, тогда была Николаевская волость, а в настоящее время Маслянинский район.

По приезде в Сибирь через полгода отец умер и на моем иждивении осталось малолетних сестер и братьев 4 и пятая мать, ввиду чего пришлось батрачить в селе Маслянино до 1905 года.

В 1905 году был взят на действительную военную службу и был увезен в город Харбин и зачислен в 15-й Вост.-Сибирский стрелковый полк. В начале 1907 года переехали в г. Читу Забайкальской области, где и кончил военную службу в конце 1908 года.

В начале 1909 года поступил на Забайкальскую железную дорогу на станцию Карымская в качестве стрелочника, где проработал до мая м-ца 1911 года.

В мае месяце 1911 года уехал на новостроящуюся Амурскую железную дорогу и поступил на пристань Игнашино на реке Амур помощником кладовщика. В сентябре 1911 года уволился с пристани Игнашино и в октябре месяце приехал в с. Маслянино. В ноябре месяце поступил на работу в Талицкое лесничество, временно исполнял обязанности делопроизводителя.

С 1 января 1912 г. старшим арендным объездчиком того же лесничества и с 1 января 1913 года старшим лесным объездчиком во вновь организованном Егорьевском лесничестве работал по день мобилизации 20 июля 1914 года. В империалистическую войну был кадровым взводным командиром в 17-м Сиб. запасном батальоне 14 месяцев, в звании старшего унтер-офицера, и 2 года на фронте. Февральская революция застала на Румынском фронте, был избран в батальонный комитет и позднее в местечковый комитет по выборам в Учредительное собрание.

С Румынского фронта уволился домой по демобилизации в начале 1918 года. С 1 марта 1918 года по 15 авгу-

ста того же года работал в дер. Черноречка Койновской волости (ныне Искитимский цемзавод), заводил лесопильной рамой у акционерного общества Алтайских фабрик и заводов, по свержении Советской власти был уволен как ненадежный с предприятия.

С августа 1918 г. проживал в Маслянине, в своем хозяйстве с братьями. 28 ноября 1919 г. в Маслянине была свергнута колчаковская власть, и я был избран в волостной революционный комитет (Волревком) в числе трех человек.

Во время отступления колчаковской армии 18 декабря последней арьергардной частью я был захвачен как скрывающийся и увезен до деревни Суенги, но при дознании маслянинские подводчики все показали в мою пользу, ввиду чего только и удалось вырваться из колчаковских лап живым.

Из Волревкома с 1 марта 1920 г. поступил на учительские курсы в г. Барнауле, которые не окончил по причине, что был поражен молнией, повредило зрение.

С 1 сентября 1920 г. по 30 сентября 1921 г. был инструктором политпросвета Барнаульского Унаробраза.

С 8 октября 1921 г. по 15 июня 1922 г.— в Черепановской заготконторе делопроизводителем при инспекторском Бюро. С 21 сентября того же года по 10 января 1923 г. конторщиком той же заготконторы. С 15 февраля по 1 мая 1923 г. делопроизводителем общего отдела Маслянинского Волисполкома.

С 15 августа 1923 г. в Маслянинском кредитном товариществе приемщиком зерна по 1 февраля 1924 г.

18 декабря 1924 г. выборная должность председателя Маслянинской маслоартели по 15 января 1927 года.

С 15 сентября 1927 г. кассиром Маслянинского кредитного товарищества по 15 января 1928 г.

П. С. Ярков.

С 10 мая 1928 г. кассиром Маслянинского РИКа по 28 апреля 1930 г., с ликвидацией кассы в РИКе и передачей функции сбора денег через кредитные товарищества я был переведен старшим кассиром Маслянинского Кредитного Товарищества и на этой должности работал до ликвидации кредитных товариществ, т. е. до 18 февраля 1931 г.

С передачей функции Кредитного Товарищества Государственному Банку я был назначен старшим кассиром вновь открытого Маслянинского Отделения Государственного Банка, где и работаю по настоящее время.

22.III.35 г.

К сему: подпись /Ярков/

С 5 июня с. г. работаю инспектором по колхозным работам (из справки).

3.VIII.35 г.

Маслянино 7-го марта 1938 г.

Камера № 4.

Детям и жене Яркова Петра Савельевича

Я ваш отец, а жене муж, Ярков Петр Савельевич был взят из квартиры под стражу, т. е. арестован, 12 февраля 1938 г. и в течение четырех суток ничего не объявляли, за что арестован. На 5-й день вызвали в канцелярию отделения НКВД, заполнили вопросник с моих слов — где родился, состав семьи, где работал в последнее время. Этим первый допрос был закончен. Ровно через сутки, ночью, был вызван вторично уже для подписи написанного протокола допроса, написанного на пяти листах и ни одного слова правды, а составлено все вымышленно.

По составленному «дознанию», что я будто бы был завербован в 1936 году одним попом (фамилию которого не помню) в контрреволюционную монархическую группу, что я будто бы должен буду руководить повстанческой группой в случае возникновения войны против Советского Союза со стороны Германии или Японии. Для этого будто бы я завербовал много лиц, в том числе Высоцкого, Пайвинских из Боркова, которых я совершенно не знал, и они меня не знали, а лишь узнал в камере.

И вся эта группа как будто бы должна была активно участвовать по свержению Советской власти. Вся эта сказка была мне преподнесена для подписи, безоговорочно. Мои протесты, что этого ничего подобного не было и не могло быть, то представитель на мои протесты стал громко смеяться и говорить, что это мы и так хорошо знаем, подобного ничего не было, но вы обижайтесь на общественность, которая вас выделила для того, чтобы изолировать вас, а этого требует международная обстановка. Если не писать на вас тот материал, который написан, то нет оснований, чтобы вас изолировать. Но подписать протокол «дознания» все же вы подпишете, в этом мы уверены, потому что в нашем распоряжении все меры воздействия вплоть до убийства, и труп будет убран, что и знать никто не будет. Спротивление ваше совершенно бесполезно, а наоборот, во вред вашему семейству. Я хотя и сопротивлялся больше 2-х часов, но убедился, что мое сопротивление как для меня самого, так и для семейства бесполезно, чтобы не материли как вас, так и меня, и все подписал, т. е. как бы признал себя во всем виноватым, т. е. всю ложь подписал.

Такое же обвинение предъявлено ко всем арестованным, и все подписывают. А вот только кто меня выделил для изоляции, или с/совет или же Госбанк?

Сейчас говорят, что нас будут выселять с семьями, но точно неизвестно, в какие местности, но радостного в будущем мало.

Со мной в камере находятся Ершов, философ, Высоцкий Вас. Викт., Карпенко Ф. Т., Махнев, счетовод маслопрома, шофер Петров и Поздняков. Камера очень тесная, вернее, мала для арестованных.

Но пока до свидания. Целую Зину, Раю, Шуру и вашу маму. Пока живите сами без моей помощи, но даже я пока являюсь для вас обузой, т. е. помогаю съедать последние ваши крохи.

Ваш папа Ярков П. С.

Это держите в строгом секрете и никому не болтайте.

Маслянино

Почтовая 62 Ярковой В. Н.

12 февраля 1938 г. Ярков Петр Савельевич был арестован. 4 марта осужден тройкой УНКВД по Новосибирской области. 15 марта 1938 г. — расстрелян.

РСФСР
МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СУД

Отд. спецчасть
15 сентября 1959 года
№ 5560/58
г. Новосибирск. ул. Каннская.
тел. 3-16-14.

СПРАВКА

Дело по обвинению Яркова Петра Савельевича, 1883 года рождения, осужденного бывшей тройкой УНКВД по Новосибирской области 4 марта 1938 года, до ареста работавшего инспектором Маслянинского Рай30 Новосибирской области, пересмотрено Президиумом Новосибирского областного суда 5 июля 1958 года.

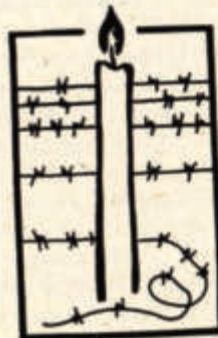
Постановление бывшей тройки УНКВД НСО от 4 марта 1938 года постановлением Президиума от 5 VII 1958 года в отношении Яркова П. С. отменено и делопроизводство прекращено за отсутствием состава преступления.

Справка выдана в связи с реабилитацией Яркова Петра Савельевича для предъявления в Советские государственные органы.

Печать учреждения,
выдавшего документ.

*Председатель суда
подпись /Маняшин/*

ВОСПОМИНАНИЯ

**БЫВАЕТ ТАК,
ЧТО И ТЮРЬМЕ РАД...**

На этот раз, когда с надеждой и радостью пришлось возвращаться в тюрьму, было так.

Вечером, перед самым отбоем, 8 октября 1937 года, открылась форточка двери нашей одиночной камеры так называемого красного корпуса Иркутской тюрьмы и надзиратель жестко скомандовал: «Заключенный Медведев — на допрос!» Вообще-то, вызов на допрос не удивил бы — каждую ночь кого-нибудь, да вызывали. Ведь в нашей одиночке к этому времени набралось уже одиннадцать подследственных арестантов. (Это на площади всего в семь квадратных метров.) Но у меня-то следствие закончено. За девять с лишком месяцев — арестован я 27 декабря 1936 года — были десятки допросов, большей частью ночных. Пришлось пройти и четырехсуточный «конвейер», который состоялся где-то в середине лета. И ночные допросы, и «конвейер» имели целью изнурить подследственного бессонницей. Ведь в камерах не то что спать, но и прилечь от подъема до отбоя не разрешалось...

Однако раз вызывают — надо выходить. Не подумал я, что это последний вызов, хотя и знал, как все, что какой-то конец должен быть.... Я даже с сокамерниками не простился... А ушел я от них, как оказалось, навсегда... Вот что произошло со мной примерно за двадцать часов, считая от момента вызова на допрос. И каким оказался ЭТОТ «допрос»...

Привезли меня, как обычно, к следователю Иванову, который вел мое «дело». Надо сказать, что с Ивановым мы знакомы с 1935 года, — он был оперуполномоченным по нашему 235-му полку конвойных войск СССР, где я служил инструктором политработы. Так что он имел возможность почти в течение двух лет до моего ареста хорошо изучить меня.... Но допросы от этого легче не стали. «По знакомству» он мне такого написал в протоколах, что я и по сей день удивляюсь, почему меня не расстреляли. Но узнал я это много лет спустя при реабилитации. А в тот раз, как только ввели меня в кабинет, я сразу же задал

Г. М. Медведев.

ветив в трубку «есть», повел меня в соседний кабинет. Открыв дверь, он пропустил меня, а сам остался за дверью. Видимо, создавалась возможность для подследственного более свободно изложить свои взгляды и жалобы... Сидевший за столом представительный мужчина в военной форме, — уж не помню, какие знаки отличия были у него на петлицах, — не до знаков мне было, ведь вплотную наступал момент, когда в эти самые часы и даже минуты решалась твоя судьба, твоя жизнь, — предложил мне сесть, а затем отрекомендовался: «С вами говорит заместитель Главного военного прокурора РККА Казаринский», — при этом он назвал свое воинское звание, не то «диввоенюрист», не то «армвоенюрист», — не помню... Затем, помедлив, он обратился с вопросом:

— Скажите, Медведев, как и почему вы занимались троцкистской, антисоветской, контрреволюционной деятельностью?

Задавая вопрос, Казаринский буквально вперился в меня своими большими, черными открытыми глазами. Взгляд был долгим. Он не был злым, — скорее, даже добрым...

Я выдержал этот взгляд, понимая, что от этого поединка многое зависит, а на вопрос ответил так:

вопрос Иванову: «Следствие закончено, зачем снова ночной допрос?» На это Иванов сказал так: «Вопросы здесь задаетследователь». Но, так как следствие закончено, сказал, что вызвали меня на встречу с прокурором. Конечно, мы уже знали, что на встречу с прокурором вызывают обычно перед судом. Но до сих пор, как правило, вызывали днем, а тут посреди ночи... Что-то не так, но что делать... На душе было мутно — думалось о прожитом, о семье.

Неопределенность закончилась часа через два, когда раздался телефонный звонок, и Иванов, от-

— Никакой троцкистской, как и любой другой деятельностью в ущерб Советской власти, советскому народу, я не занимался. Я не знал никаких антисоветских действий бывшего комиссара бывшей конвойной дивизии (в которую я был призван в 1931 году) Оберталлера, в связях с которым меня обвиняет следствие по ходу дела...

— А вы могли и не знать о замыслах троцкиста Оберталлера и в то же время выполнять его установки, — заявил Казаринский. Выслушав мое заявление о том, что я не настолько безграмотен, чтобы не рассмотреть политический подлог, если бы он имел место, Казаринский отпустил меня:

— Ну что ж, идите, Медведев.

Разговор длился 15–20 минут. Не более. Пришел Иванов и увел в свой кабинет. А минут через десять принесли обвинительное заключение, которое Иванов сразу же вручил мне... И вот тут-то я получил такой удар, о котором и теперь, полвека спустя, тяжело вспоминать... Нет, это не был страх, к нему уже притерпелся. Это было какое-то невообразимое возмущение, протест, обида и боль... Да как все это может быть?

В преамбуле обвинительного заключения значилось, что Медведев Георгий Михайлович обвиняется в контрреволюционной, троцкистской деятельности по ст. 58,16, 58,8, 58,10, 58,11, подлежит суду Военной коллегии Верховного суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 года. Вот так...! Будут судить как изменника Родины (ст. 58,16), как террориста (ст.58,8) с немедленным исполнением приговора, без права обжалования! А ты никаких преступлений не совершил! Не виновен же! Но кому все это скажешь? Я и прокурору не мог как следует ничего объяснить, так как не знал, что написано в обвинительном заключении. А в нем было довольно подробно и недвусмысленно сказано, что в РККА раскрыт военно-фашистский заговор, руководимый Тухачевским и Гамарником, что филиалом этого заговора является Сибирский троцкистский центр, руководимый бывшим начальником полутуправления Сибирского военного округа Кузьминым и бывшим комиссаром четвертой конвойной дивизии Оберталлером, и что участником этого заговора является обвиняемый Медведев...

Каково?! — участник военно-фашистского заговора! Может ли нынешний читатель представить самочувствие человека, который знает, — хорошо знает, — что означало такое обвинение тогда, когда уже шли массовые расстрелы?

Задал я вопрос Иванову, — как могло родиться именно такое убийственное заключение? Что он мог ответить? Сказал, что это касается всей организации, а мое дело подтвердить показания...

Повторяю, я не знал в тот момент, насколько искажены мои показания в некоторых протоколах, подписанных мною вслепую после особенно изнурительных ночных допросов, когда в голове все помутилось, а глаза совершенно не в состоянии читать написанного... Особенно во время «конвейера».

Очередное потрясение я получил в тот момент, когда задал вопрос Иванову, — скоро ли он отправит меня в тюрьму? Ответ меня ошеломил: Иванов сказал, что ни в какую тюрьму меня не повезут, так как «сегодня будут судить».

Это же означало, что никто не узнает, что я погиб, будучи ни в чем не виновен, а в том, что гибель неизбежна, — я не сомневался, как и в том, что будет отправлена в заключение жена, поскольку я «изменник Родины». (В 1936 году ЦИК СССР принял закон, согласно которому члены семей изменников Родины подлежали заключению на сроки до 10 лет). А что будет с детьми? — дочке Наде к этому дню было два года и восемь месяцев, а сыну Толе — четыре с половиной месяца... (когда меня арестовали, жена была беременна). Что будет с матерью-старушкой, которую я привез к себе в сентябре 1936 года, — за четыре месяца до моего ареста.

Еще и еще раз повторяю, что страха я не испытывал. Все помыслы были о семье, ведь только-только начали жить, и вдруг дети окажутся детьми «врага народа», «изменника Родины». О, я-то уже узнал, что это такое... А мать: она родила нас одиннадцать, я был шестым. Четверо умерли в детстве, остальных вырастили. Очень нелегкая досталась ей доля... И снова удар...

Где-то часов в девять или десять утра, наступившего 9-го октября, произошло маленькое событие. (Значение его, как увидит читатель, оказалось огромным для моей судьбы.) К Иванову вошел следователь из соседнего кабинета и привел с собой такого же, как и я, подсудимого и попросил Иванова посмотреть за ним, пока он, следователь, сходит позавтракать. И пока тот следователь ходил, а затем заменил Иванова, также уходившего завтракать, я успел поговорить с товарищем по несчастью. Им оказался красноармеец из какой-то воинской части, вина которого состояла в том, что, будучи художником, он готовил транспарант к

первомайскому празднику, на одном конце которого был наклеен портрет Ленина, на другом портрет Сталина. И вот, когда работа была почти готова, раздался сигнал на обед. Художник, фамилия его, помню, — Ким, он кореец, — как и все, ушел в столовую. А когда вернулся, то обнаружил, что Сталину кто-то пририсовал очки и бороду, в результате получился Троцкий... Через несколько дней художник-красноармеец был арестован... И вот он здесь...

Вскоре Иванов вернулся и подменявший его следователь увел с собой обвиняемого красноармейца Кима...

Оставшись один на один с Ивановым, я снова погружился в невеселые раздумья... Появился новый факт: уж если рядового красноармейца, да за такой пустяк, предают суду Военной коллегии, а не обычному трибуналу, то мне рассчитывать на какое-то послабление не приходится... Стала утверждаться мысль — покончить с собой. А надо сказать, случаи самоубийств уже были и в ходе следствия. Люди выбрасывались в окна, бросались с пролетов лестниц. По этой причине к середине лета 1937 года стекла всех окон в здании Управления НКВД были защищены металлическими планками, а пролеты лестничных клеток затянуты металлическими сетками. Разбиться стало невозможно...

Но у меня в обшлага шинели хранилась половинка лезвия безопасной бритвы, которую я стащил у следователя одновременно с огрызком карандаша во время одного из последних допросов. Но я что-то не мог догадаться, как осуществить «операцию», тем более что мне хотелось написать о своей невинности... А пока я раздумывал, время шло...

Примерно часа в два или около того дверь кабинета распахнулась, влетают трое — лейтенант и два красноармейца — с обнаженными наганами (лейтенант с пистолетом), лейтенант громко и жестко командует: «Переменить место!» Я не сразу понял, что это ко мне, поскольку фамилия при этом не называлась. Тут Иванов встал из-за стола и тоже сказал «пошли», и мы пошли...

Как передать это «пошли»? Ты, ни в чем не повинный, год тому назад ходивший по этим коридорам с открытым лицом и гордо поднятой головой, теперь идешь на убой под дулами обнаженных пистолетов, как опасный преступник... А идти далеко, — здание Управления в форме квадрата, одна сторона (крыло) выходит на улицу Литвинова, противоположное крыло, где кабинет Иванова — внутрь квартала. Между ними внутренний двор. Следовательно, надо было пройти коридором этого крыла, затем бокового крыла, за-

тем половину фасадного крыла... Наконец, подошли к кабинету начальника Управления. Там заседала выездная сессия Военной коллегии.

...Подошли. И тут случилось неожиданное. У входа в кабинет дежурный лейтенант взял из моих рук обвинительное заключение, сличил его с каким-то листком и вдруг вернул мне, жестом отстранил меня и полусшепотом скороговоркой сказал сопровождающему меня конвою: «Не того привели».

Меня быстро затолкали в ближайшую комнату, а минут через десять отвели обратно в кабинет Иванова. Оказывается, надо было привести того красноармейца, которого на время приводил к Иванову следователь из соседнего кабинета.

И тогда, да и теперь, я считаю, что именно этот инцидент «повинен» в том, что я остался жив. А получилось так.

Я уже писал, что крепко подумывал о самоубийстве. Ну, а теперь решение стало неуклонным. Поэтому, как только мы остались вдвоем с Ивановым, я настойчиво стал проситься в туалет. На что тот ответил: «Потерпи, немного осталось». Я намек понял, но в ультимативной форме заявил, что терпенье мое иссякает... В конце концов он согласился и потребовал: «Только быстрее...» А я подумал: посмотрим.

Вообще-то странно, но, несмотря на потрясение этих суток, я ни разу не попросился в туалет, значит, все-таки не трус...

Входя в туалет, я незаметно закрыл дверь на задвижку, быстро вынул лезвие (ту половинку) и карандаш. Натянул рукав шинели, чтобы освободить левую руку до локтя, затем с размаху сделал несколько разрезов... Убедившись, что кровь пошла хорошо, я бросил лезвие в писсуар, прижал порезанной рукой обвинительное заключение к стене и начал писать на оборотной стороне последнего листа о том, что, поскольку я не виновен, то не хочу, чтобы меня убивали, предпочитают сам уйти из жизни... Однако, написав всего несколько строк, я заметил, что кровь перестала течь. Видимо, это произошло потому, что я приподнял руку, поддерживая обвинительное заключение, да и рукав шинели сжимал. Я постарался быстрее дописать небольшое мое заявление, достал из писсуара лезвие, соскоблил с надреза запекшийся сгусток крови, стал наносить новые порезы до тех пор, пока кровь пошла струей... Раза два лезвие вырывалось из пальцев, — оно было скользким... За-

кончив «операцию», я сел на стульчак, опустив порезанную руку как можно ниже, — кровь пошла тоненькой струйкой с кончиков пальцев...

Но Иванов (как мне надоело называть его фамилию!) все время поторапливал меня, ведь в любую минуту за мной могли прийти, и вот, видимо уловив в моем голосе что-то неладное, когда на очередной крик «скоро ты там?» — я ответил «сейчас», он рванул дверь так, что и задвижка не удержала, крикнул: «Быстро вставай!» Но через мгновение, рассмотрев, что с руки течет кровь и весь пол залит, он с руганью схватил меня за правую руку и чуть не волоком потащил в свой кабинет. В кабинете он сразу же по телефону вызвал врача. Пришла врач, женщина средних лет, быстро смазала руку йодом и забинтовала. Она сказала, что наиболее крупные вены определить потерю надо составить акт, а для этого надо определить место, где была кровь, в связи с чем необходимо осмотреть место, где была совершена попытка... Пришлось еще раз пойти в туалет, — не оставишь же меня одного в кабинете... И вот что увидели в коридоре: от двери туалета до двери кабинета, наверное, на расстоянии метров двадцати, тянулись кровавые следы от моих сапог, а рядом цепочка из капель крови... Осмотрев место происшествия, врач ушла, но перед этим они о чем-то вполголоса говорили, и я расслышал несколько слов, в частности, врач сказала: «...немного больше литра, так что можно...» Я понял так: потеря крови немного больше литра, — можно судить...

Я был в растерянности — попытка не удалась. Правда, оставалась надежда на заражение крови, ведь порезы нанесли загрязненным лезвием. Но успеет ли заражение сработать... Иванов же тем временем изливался отборнейшими ругательствами. Как же — не укараулил! При этом несколько раз повторил, что собственноручно всадит мне пулю в затылок, да не из «нагана», а «вот из этого пистолета, чтобы не сразу сдох», — говорил он, показывая пистолет «Коровина». Так длилось минут двадцать, пока не открылась дверь и снова... Снова появились лейтенант и два красноармейца, снова приказ — «Переменить место», и мы пошли... Пошли, вернее, меня повели второй раз на «гогофу». За один день... Как бы ни был я измотан в этот день, а идти на заведомую смерть — это, знаете ли, было очень непросто. В голове буквально звенело одно — как быть, как вести себя, да и какой будет этот суд?.. Мысль работала четко и в то же время как-то переменчиво, пере- скакивая с одного на другое... Но время уходило.

Когда подошли к двери кабинета, где заседала Военная коллегия (я уже говорил, что это кабинет начальника Управления НКВД по Восточно-Сибирской области), там стоял тот же дежурный. Ему же передали мое обвинительное заключение. Увидев, что оно помято и измазано в крови, он осмотрел меня, покачал головой, с укором глянул на Иванова и открыл дверь в зал. Нет, я не ошибся, назвав кабинет залом. Это было огромное помещение, больше похоже на зал, чем на кабинет. К тому же он служил залом заседания суда. Да еще какого суда...

Дежурный положил на судейский стол мое помятое и окровавленное обвинительное заключение и поставил меня посреди зала. Я осмотрелся и увидел: у передней стены вдоль окон стоял длинный стол, за ним трое судей, а по концам стола сидели прокурор (слева от меня) и секретарь суда — майор... Вдоль правой от меня стены сидели человек десять сотрудников Управления НКВД, многие из которых — знакомые мне. К ним подсел и Иванов.

Председательствующий, задержав внимательный взгляд на моем заключении и посмотрев пристально на меня, объявил заседание Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. Председательствующий — такой-то юрист Никитченко, члены: председатель военного трибунала Забайкальского военного округа и председатель военного трибунала Восточно-Сибирской железной дороги (фамилии их не помню). При участии заместителя Главного военного прокурора Казаринского и при секретаре... Зачитав состав суда, Никитченко задал мне всего два вопроса! Чтобы яснее представить, как осуществлялось это судилище, я приведу буквально дословно все, что было в этом суде, а то, что я сказал, было отступлением от правил. Итак:

Никитченко: «Ваша фамилия, имя, отчество?»

Я: «Медведев Георгий Михайлович».

Никитченко: «Показания, данные на предварительном следствии, подтверждаете?»

Я: «Подтверждаю».

Никитченко: «Суду все ясно, можете идти, приговор будет объявлен позднее».

Я: «Ничего суду не ясно! (Выкрикнул). Обвинительное заключение не соответствует действительности...»

В это время подошел конвоир и взял за рукав, чтобы увести. Но одновременно Казаринский привстал, потянулся к Никитченко, что-то сказал ему. Он тоже обратил внимание на состояние обвинительного заключения и на окровавленные мою шинель и руку. Никитченко махнул рукой

конвоиру, и тот отошел от меня, а я продолжил речь, опровергая нелепые обвинения. Я хорошо помню, причем дословно, что сказал. При этом говорил громко, напористо, терять-то было нечего. В частности, сказал следующее: «Я обвиняюсь в том, что засорял библиотеку троцкистской литературой. Но было как раз наоборот. Примерно в апреле 1935 года, подбирая литературу для учебной комсомстава полка, я обнаружил переплетенные в отдельные тома брошюры Ленина, Каменева, Зиновьева... В те же дни как-то зашел в библиотеку оперуполномоченный по полку Иванов — нынешний мой следователь, — вот он здесь сидит. Я ему показал эти тома. Он посоветовал всю такую литературу передать в сейф замполиту полка Слинкину. Что и было сделано. Это может подтвердить Слинкин и бывший тогда библиотекарем красноармеец Черепанов. Я очищал библиотеку, а меня обвиняют в засорении. Далее, наряду с другими обвинениями по нашему «делу», я обвиняюсь в подготовке массового освобождения заключенных и вооружении их для борьбы против Советской власти. Но ведь наши войска не работают с заключенными, они только конвоируют их от одного места содержания до другого. За пять лет моей службы в войсках не было ни побегов заключенных, ни утери оружия и боеприпасов. Мне инкриминирована статья 58, п. 16 — измена Родине. Но вот в начале января 1935 года я, выступая на первом съезде Советов Красноярского края, докладывал, что наша часть — 16-я Отдельная конвойная рота — третий год подряд держит два переходящих Красных знамени, одно — от Красноярского горсовета за первое место по боевой подготовке, другое — от редакции газеты «Красноярский рабочий» за первое место в политической. Следовательно, мы подготовили за три года свыше пятисот отличных красноармейцев и младших командиров. В этих успехах роты важнейшую роль играл я. Разве изменники Родины способны готовить отличных бойцов? Защитники Родины?»

Или возьмем такой факт, как обмен партийных документов, проведенный в 1936 году по решению Центрального комитета ВКП(б). К этой работе допускались лица — коммунисты — с персонального утверждения Центральным Комитетом партии. Моя кандидатура была представлена Окружной парткомиссией Войск пограничной и внутренней охраны НКВД Восточной Сибири, утверждена ЦК, о чем был документ, подписанный секретарем ЦК ВКП(б) Маленковым, и я от начала до конца участвовал в этой ответственной работе — в обмене партдокументов коммунистам

пограничной и внутренней охраны Восточной Сибири...»

Естественно, что речь моя была длиннее, чем привожу здесь. Я старался пояснить факты, чтобы было доказательство. Помню, что волновался, но говорил четко. Закончил так: «...нигде, ни в работе, ни в личной жизни, я не был запятнан. А вы, граждане судьи, считаете, что вам все ясно. Я же ясности не вижу...»

С этим я повернулся и вышел. Вслед за мной вышел Иванов... И вот, когда вышел за дверь и когда спускались с третьего этажа в цокольный, я почувствовал резкий упадок сил. Да это и понятно — сутки без сна, без еды, да еще с потерей крови...

Перед камерой, в которой осужденные ожидали объявления приговора, Иванов размотал бинт с моей руки, оставив всего один слой, сквозь который сразу начала сочиться кровь. Когда я спросил, зачем он это делает, Иванов ответил: «Он тебе больше не потребуется», то есть он имел в виду и умышленно дал понять, что моя песня спета...

Как только я вошел в камеру, навстречу мне бросился Денисов, бывший старший инспектор политотдела конвойной дивизии. Он был арестован раньше меня — в сентябре 1936 года и под следствием находился больше года. Вид у него был какой-то замухрышистый, кожаная куртка на нем висела, хотя на воле он выглядел солидно — высокий, немного грузный, но аккуратный. А тут совсем другой человек. Он озадачил меня вопросом: «Почему тебя долго судили?» — и рассказал, что он был в числе первых, а всего в камере двадцать один человек и всех «пропустили» за каких-то два — два с половиной часа. А я поступил с перерывом чуть ли не через час... Я сказал, что не знаю, в чем дело, разве вот «из-за этого», — показал свою окровавленную руку...

Увидев, в чем дело, Денисов воскликнул: «Что ты надедал! Тебя же могут расстрелять! Ты же знаешь, что «когда враг не сдастся — его уничтожают», — привел он слова Горького, которыми всех нас на следствии шантажировали. Но Денисов прямо-таки возмутился, когда я сказал, что опроверг выдвинутые против меня обвинения. Оказывается, что никто из двадцати осужденных, прошедших до меня перед Военной коллегией в этот день, не выступил из-за того же горьковского лозунга, — «когда враг не сдастся — его уничтожают...» Не хотелось, а скорее всего из-за боязни показать себя несдавшимися врагами... Были другие разговоры, но я их не запомнил из-за непомерной усталости и слабости. Помню, что мне помогли сесть на пол,

прислонившись к стене. Не могу сказать, сколько времени отдыхал в полузабытьи, очнулся от громкого окрика: «Медведев — на выход!» Значит, пришло мое время, — подумал я, поднимаясь с пола. Помогавший мне Денисов с упреком и сожалением тихо сказал: «Вот видишь — первым и вызвали...» Тут надо сделать отступление. Дело в том, что в приговорах, как правило, первыми значатся лица, которым выносятся самые тяжелые наказания. В те годы, когда судили группами по несколько десятков человек, за пределами списка смертников оставались обычно один-два человека. А иногда и ни одного.

Теперь читателю, наверное, понятно, что означало в тот момент для моего сознания быть «первым».

Но, к моему счастью, на этот раз все оказалось совсем не так. Когда, распрощавшись в обнимку с Денисовым и некоторыми другими сокамерниками из бывших сослуживцев, к несчастью оказавшихся «однодельцами», я вышел из камеры, то вместо конвоя я увидел только коменданта Управления Попова да часового у дверей. Я в растерянности остановился на какой-то момент, а затем спросил: «Куда идти?» «К выходу», — сказал Попов. Когда дошли до вестибюля, Попов скомандовал — «наверх!» Ну, наверх — это не в подвал... Но раздумывать не было времени, Попов приказал идти по коридору второго этажа. У двери в кабинет заместителя начальника Управления Рунича приказал остановиться. В этом кабинете мне уже приходилось бывать во время обмена партдокументов...

Войдя в кабинет, я увидел тот же состав суда за столом, а справа было окно, половина которого была открыта, что привлекло мое внимание... Никитченко произнес: «Заслушайте приговор» или «Оглашается приговор», — точно не помню, так как соображал, сумею или нет опередить Попова, стоящего позади меня, и выпрыгнуть в окно, нырнуть вниз головой... От суда ничего доброго не ожидал, а поэтому слушал, как говорят, вполуха...»

Но что-то такое необычное дошло до моего сознания; я резко обратил внимание к чтению приговора. Однако из вводной части услышал ясно только вот что: «...Обвинение по статье 58,16 не подтвердилось». Это была уже жизнь, хотя я еще и не вполне это осознал в ту секунду, а скорее инстинктом почувствовал. При этом напрягся весь... Ну...ну.. и тут слышу: «...приговорил Медведева Георгия Михайловича к десяти годам тюремного заключения, пяти годам поражения в правах с конфискацией лично ему принадлежащего имущества». Теперь я сознанием понял, что